

В. СИРИНЪ

КАМЕРА ОБСКУРА

РОМАНЪ

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВА
«СОВРЕМЕННЫЕ ЗАПИСКИ»
И
«ПАРАБОЛА»

**Alle Rechte, insbesondere die der Ueber-
setzung und Verfilmung, vorbehalten.**

Copyright by V. Nabokoff-Sirin.

I.

Приблизительно въ 1925 году размножилось по всему свѣту милое, забавное существо, — существо теперь уже почти забытое, но въ свое время, т. е., въ теченіе трехъ-четырехъ лѣтъ, бывшее вездѣсущимъ, — отъ Аляски до Патагоніи, отъ Манчжуріи до Новой Зеландіи, отъ Лапландіи до мыса Доброй Надежды, словомъ всюду, куда проникають цвѣтныя открытки, — существо, носившее симпатичное имя: *Cheery*.

Разсказываютъ, что его (или вѣрнѣе: ея) происхожденіе связано съ вопросомъ о вивисекціи. Художникъ Робертъ Горнъ, проживавшій въ Нью-Йоркѣ, однажды завтракалъ со случайнымъ знакомымъ, — молодымъ фізіологомъ. Разговоръ коснулся опытовъ надъ живыми звѣрьми. Фізіологъ, человѣкъ впечатлительный, еще не привыкшій къ лабораторнымъ кошмарамъ, выразилъ мысль, что наука не только допускаетъ изощренную жестокость къ тѣмъ самымъ животнымъ, которыя въ иное время возбуждаютъ въ человѣкѣ умиленіе своей пухлостью, теплотой, ужимками, — но еще входитъ какъ бы въ азартъ, — распинаетъ живьемъ и кромсаетъ куда больше особей, чѣмъ въ дѣйствительности ей необходимо. «Знаете что . . .»

сказалъ онъ Горну, — вотъ вы такъ славно рисуете всякія занятныя штучки для журналовъ; возьмите-ка и пустите, такъ сказать, на волны моды какого-нибудь многострадальнаго маленькаго звѣря, на-примѣръ морскую свинку. Придумайте къ этимъ картинкамъ шуточные надписи, гдѣ бы этакъ вскользь, легко, упоминалось о трагической связи между свинкой и лабораторіей. Удалось бы, я думаю, не только создать очень своеобразный и забавный типъ, но и окружить свинку нѣкоторымъ ореоломъ модной ласки, что и обратило бы общее вниманіе на несчастную долю этой въ сущности милѣйшей твари». «Не знаю, — отвѣтилъ Горнъ, — онѣ мнѣ напоминаютъ крысъ. Богъ съ ними. Пускай пищатъ подѣ скальпелемъ». Но какъ-то разъ, спустя мѣсяцъ послѣ этой бесѣды, Горнъ, въ поискахъ темы для серіи картинокъ, которую просило у него издательство иллюстрированнаго журнала, вспомнилъ совѣтъ чувствительнаго фізіолога, — и въ тотъ же вечеръ легко и быстро родилась первая морская свинка Чипи. Публику сразу привлекло, мало что привлекло — очаровало, хитренькое выраженіе этихъ блестящихъ бисерныхъ глазъ, круглота формъ, толстый задокъ и гладкое темя, манера сусликомъ стоять на заднихъ лапкахъ, прекрасный крапъ, черный, кофейный и золотой, а главное — неуловимое, прелестно-смѣшное нѣчто, фантастическая, но весьма опредѣленная жизненность, — ибо Горну посчастливилось найти ту карикатурную линію въ обликѣ даннаго животнаго, которая, являя и подчеркивая все самое забавное въ немъ, вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то приближаетъ его къ образу человѣческому. Вотъ и началось: Чипи, держащая въ лапкахъ черепъ грызуна (съ этикеткой: *Cavia sobaja*) и восклицающая «Бѣдный торикъ!»; Чипи на лабораторномъ столѣ, лежащая

брюшкомъ вверхъ и пытающаяся дѣлать модную гимнастику, — ноги за голову (можно себѣ представить, сколь многого достигали ея короткія заднія лапки); Чипи стоймя, безопасно обстригающая себѣ коготки подозрительно тонкими ножницами, — при чемъ вокругъ валяются: ланцетъ, вата, иголки, какая-то тесьма... Очень скоро, однако, нарочитые операціонные намеки совершенно отпали, и Чипи начала появляться въ другой обстановкѣ и въ самыхъ неожиданныхъ положеніяхъ, — откалывала чарльстонъ, загорала до полного меланизма на солнцѣ и т. д. Горнъ живо сталъ богатѣть, зарабатывая на репродукціяхъ, на цвѣтныхъ открыткахъ, на фильмовыхъ рисункахъ, а также на изображеніяхъ Чипи въ трехъ измѣреніяхъ, ибо немедленно появился спросъ на плюшевыя, тряпичныя, деревянные, глиняныя подобія Чипи. Черезъ годъ весь міръ былъ въ нее влюбленъ. Физиологъ не разъ въ обществѣ рассказывалъ, что это онъ далъ Горну идею морской свинки, но ему никто не вѣрилъ, и онъ пересталъ объ этомъ говорить.

Въ началѣ 1928 года въ Берлинѣ знатоку живописи Бруно Кречмару, человекъ, очень, кажется, свѣдущему, но отнюдь не блестящему, пришлось быть экспертомъ въ пустяшномъ, прямо даже глупомъ дѣлѣ. Модный художникъ Кокъ написалъ портретъ фильмовой артистки Доріанны Карениной. Фирма личныхъ кремовъ пріобрѣла у нея право помѣщать на плакатахъ репродукцію съ портрета въ видѣ рекламы своей губной помады. На портретѣ Доріанна держала, прижатой къ голому своему плечу, большущую плюшевую Чипи. Горнъ изъ Нью-Йорка тотчасъ предъявилъ фирмѣ искъ.

Всѣмъ прикосновеннымъ къ этому дѣлу было въ концѣ концовъ важно только одно — побольше пошумѣть: о картинѣ и объ актрисѣ писали, пома-

ду покупали, а Чипи, уже теперь тоже — увы! — нуждавшаяся въ рекламѣ, дабы оживить хладѣвшую любовь, — появилась на новомъ рисункѣ Горна со скромно опущенными глазами, съ цвѣткомъ въ лапкѣ и съ лаконической надписью «Noli me tangere». «Онъ, видимо, любитъ своего звѣря, — этотъ Горнъ», — замѣтилъ однажды Кречмаръ, обращаясь къ своему шурина Максу, добрыйшему, тучному человѣку, съ угреватými складками кожи сзади надъ воротникомъ. «Ты что, его лично знаешь?» спросилъ Максъ. «Нѣтъ, конечно нѣтъ, откуда же мнѣ его знать? Онъ живетъ постоянно въ Америкѣ. А дѣло онъ выиграетъ, если доказать, что взоры глядящихъ на рекламу привлекаются больше звѣрькомъ, чѣмъ дамой». «Какое дѣло?» — спросила Аннелиза, жена Кречмара.

Эта ея привычка задавать зря вопросы о предметахъ, неразъ въ ея присутствіи обсуждавшихся, была слѣдствіемъ скорѣе нервности мысли, чѣмъ невниманія. Часто, задавъ разсѣянный вопросъ, Аннелиза, еще говоря, еще на разгонѣ слова, понимала уже, что давно сама знаетъ отвѣтъ. Мужъ хорошо изучилъ эту привычку, и нисколько прежде она не сердила его, а лишь умиляла и смѣшила, и онъ, не отвѣчая, продолжалъ разговоръ съ выжидательной улыбкой на губахъ, и ожиданіе обыкновенно оправдывалось, — жена почти сразу отвѣчала сама на свой вопросъ. Но теперь, въ этотъ именно день, въ этотъ мартовскій день, Кречмаръ, трепещущій отъ странныхъ, тайныхъ переживаній, вотъ уже недѣлю мучившихъ его, проникся вдругъ необычайнымъ раздраженіемъ. «Что ты, съ луны что-ли свалилась?» — воскликнулъ онъ, а жена махнула рукой и сказала: «Ахъ да, я уже вспомнила». «Не такъ быстро, мое дитя, не такъ быстро», — тутъ же обратилась она къ дочкѣ восьмилѣтней

Ирмѣ, которая пожирала свою порцію шоколаднаго крема. «Съ точки зрѣнія юридической...» — началъ Максъ, пытая сигарой. Кречмаръ подумалъ: «Какое мнѣ дѣло до этого Горна, до разсужденій Макса, до шоколаднаго крема... Со мной происходитъ нѣчто невѣроятное. Надо затормозить, надо взять себя въ руки...»

Было это и впрямь невѣроятно, — особенно невѣроятно потому, что Кречмаръ въ теченіе девяти лѣтъ брачной жизни не измѣнилъ женѣ ни разу, — по крайней мѣрѣ дѣйственно ни разу не измѣнилъ. «Собственно говоря, — подумалъ онъ, — слѣдовало бы Аннелизѣ все сказать, или ничего не сказать, но уѣхать съ ней на время изъ Берлина, или пойти къ гипнотизеру, или наконецъ какъ-нибудь истребить, изничтожить...» Это была глупая мысль. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ взять браунингъ и застрѣлить незнакомку только потому, что она приглянулась тебѣ.

II.

Кречмаръ былъ несчастенъ въ любви, несчастенъ и неудачливъ, несмотря на привлекательную наружность, на веселость обхожденія, на живой блескъ синихъ, выпуклыхъ глазъ, — несмотря также на умѣніе образно говорить (онъ слегка заикался, и это придавало его рѣчи прелесть) несмотря, наконецъ, на унаслѣдованныя отъ отца земли и деньги. Въ студенческіе годы у него была связь съ пожилой дамой, тяжело обожавшей его и потомъ во время войны посылавшей ему на фронтъ носки, фуфайки и длинныя, страстныя, неразборчивыя письма на шершаво-желтой бумагѣ.

Затѣмъ была исторія съ женой одного врача, которая была довольно хороша собой, томна и тонка, но страдала пренепріятной женской болѣзнью. Затѣмъ въ Бадъ-Гомбургѣ — молодая русская дама съ чудесными зубами, которая какъ-то вечеромъ, въ отвѣтъ на любовныя увѣщеванія, вдругъ сказала: «А вѣдь у меня вставная челюсть, я ее на ночь вынимаю. Хотите сейчасъ покажу, если не вѣрите». «Не надо, зачѣмъ же», — пробормоталъ Кречмаръ и на слѣдующій день уѣхалъ. Наконецъ, въ Берлинѣ, была некрасивая, навязчивая женщина, которая приходила къ нему ночевать три раза въ недѣлю и рассказывала подробно и длительно все свое прошлое, безъ конца возвращаясь къ одному и тому же и скучно вздыхая въ его объятіяхъ и повторяя при этомъ единственное французское словцо, которое она знала: «C'est la vie». Между этими довольно неудачными, вялыми романами, и во время нихъ, были сотни женщинъ, о которыхъ онъ мечталъ, съ которыми не удавалось какъ то познакомиться, и которыя проходили мимо, оставивъ на день, на два ощущеніе невыносимой утраты.

Онъ женился, — не то, чтобъ не любя жену, но какъ-то мало ею взволнованный: это была дочь театральнаго антрепренера, миловидная, блѣдно-волосая барышня, съ безцвѣтными глазами и прыщиками на переносицѣ, — кожа у нея была такъ нѣжна, что отъ малѣйшаго прикосновенія оставались на ней розовые отпечатки. Онъ женился потому, что какъ-то такъ вышло, — чрезвычайно пособила и поѣздка въ горы съ нею, съ ея братомъ и съ какой-то ихъ необыкновенно атлетической теткой, сломавшей себѣ наконецъ ногу въ Понтрезинѣ. Что-то такое милое, легкое было въ Аннелизѣ, такъ она хорошо смѣялась, словно тихо переливалась черезъ край. Они повѣнчались въ Мюнхенѣ, дабы

избѣжать наплыва берлинскихъ знакомыхъ. Цвѣли каштаны. Одинъ изъ лакеевъ въ гостиницѣ умѣлъ говорить на восьми языкахъ. У жены былъ нѣжный маленькій шрамъ, — слѣдъ аппендицита.

Она была ласкова, послушна, тиха, но изрѣдка на нее находили припадки стыдливой, нервной страстности, и тогда Кречмару казалось, что никакихъ другихъ женщинъ ему не надобно. Вскорѣ она забеременѣла, заходила вразвалку, пристрастилась къ снѣгу, который ѣла пригоршнями, быстро сгребая его съ перилъ палисадника или со спинки скамьи, когда никто не смотрѣлъ. Онъ испытывалъ къ ней мучительную, безвыходную нѣжность, заботился о ней, — чтобъ она ложилась рано, не дѣлала рѣзкихъ движеній, — а по ночамъ ему снились какія-то молоденькія полуголыя веныры и пустынный пляжъ, и ужасная боязнь быть застигнутымъ женой. По утрамъ Аннелиза разсматривала въ зеркалѣ свой конусообразный животъ, удовлетворенно и таинственно улыбаясь. Наконецъ ее увезли въ клинику, и Кречмаръ недѣли три жилъ одинъ, терзаясь, не зная, что дѣлать съ собой, алѣя отъ двухъ вещей, — отъ мысли, что жена можетъ умереть, и отъ мысли, что, будь онъ не такимъ трусомъ, онъ нашелъ бы въ какомъ-нибудь барѣ женщину и привелъ бы ее въ свою пустую спальню.

Она рожала очень долго и болѣзненно. Кречмаръ ходилъ взадъ и впередъ по длинному, бѣлому коридору больницы, отправлялся курить въ уборную и потомъ опять шагаль, сердясь на румяныхъ, шуршащихъ сестеръ, которыя все пытались загнать его куда-то. Наконецъ, изъ ея палаты вышелъ ассистентъ и угрюмо сказалъ одной изъ сестеръ: «Все кончено». У Кречмара передъ глазами появился мелкій черный дождь, вродѣ мерцанія очень ста-

рыхъ кинематографическихъ лентъ. Онъ ринулся въ палату. Оказалось, что Аннелиза благополучно разрѣшилась отъ бремени.

Дѣвочка была сперва красненькая и сморщенная, какъ воздушный шарикъ, когда онъ уже выдыхается. Скоро она обтянулась, а черезъ годъ начала говорить. Теперь спустя восемь лѣтъ, она говорила гораздо меньше, ибо унаслѣдовала приглушенный нравъ матери, — и веселость у нея была тоже материнская, — особая, ненавязчивая веселость, когда человѣкъ словно радуется самому себѣ, тихо развлекается собственнымъ существованіемъ.

И въ продолженіе всѣхъ этихъ лѣтъ Кречмаръ оставался женѣ вѣренъ. Онъ дивился своей двойственности, онъ чувствовалъ, что, поскольку можетъ любить человѣка, онъ любитъ жену по настоящему, крѣпко и нѣжно, — и во всѣхъ вещахъ, кромѣ сокровенной, бессмысленной жажды обладанія какими-то молоденькими красавицами, которыхъ все равно никогда, никогда не коснешься, Кречмаръ былъ съ женой откровененъ: она читала всѣ его письма, получаемыя и отправляемыя, такъ какъ была по-житейски любопытна, спрашивала о подробностяхъ его довольно случайныхъ дѣлъ, связанныхъ съ аукціонами картинъ, экспертизами, выставками, — и потомъ задавала обычные свои вопросы, на которые сама отвѣчала. Были очень удачныя поѣздки за границу, въ Италію, на югъ Франціи, были дѣтскія болѣзни Ирмы, были, наконецъ, прекрасные, нѣжные вечера, когда Кречмаръ съ женой сидѣлъ на балконѣ и думалъ о томъ, какъ незаслуженно счастливъ. И вотъ, послѣ этихъ выдержанныхъ лѣтъ, въ расцвѣтѣ тихой и мягкой жизни, близясь къ концу своего четвертаго десятка, Кречмаръ вдругъ почувствовалъ, что на него надвигается то самое невѣроятное, сладкое,

головокружительное и нѣсколько стыдное, что подстерегало и дразнило его съ отроческихъ лѣтъ.

Какъ-то въ мартѣ (за недѣлю до разговора о морской свинкѣ), Кречмаръ, направляясь пѣшкомъ въ кафе, гдѣ долженъ былъ встрѣтиться въ десять часовъ вечера съ дѣловымъ знакомымъ, замѣтилъ, что часы у него непостижимымъ образомъ спѣшатъ, что теперь только половина девятого. Возвращаться домой на другой конецъ города было конечно бессмысленно, сидѣть же полтора часа въ кафе, слушать громкую музыку и, мучась, исподтишка, смотрѣть на чужихъ любовницъ, нимало его не прельщало. Черезъ улицу, горѣла красными лампочками вывѣска маленькаго кинематографа, обливая сладкимъ малиновымъ отблескомъ снѣгъ. Кречмаръ мелькомъ взглянулъ на афишу (пожарный, несущій желтоволосую женщину) и взялъ билетъ. Къ кинематографу онъ вообще относился серьезно, и даже самъ собирался кое-что сдѣлать въ этой области, — создать, напримѣръ, фильму исключительно въ рембрандтовскихъ или гойевскихъ тонахъ. Какъ только онъ вошелъ въ бархатный сумракъ зальца (первый сеансъ подходилъ къ концу), къ нему быстро скользнулъ круглый свѣтъ электрическаго фонарика, и такъ же плавно и быстро повелъ его по чуть пологой темнотѣ. Но въ ту минуту, когда фонарикъ направился на билетъ въ его рукѣ, Кречмаръ замѣтилъ озаренное сбоку лицо той, которая наводила свѣтъ, и, пока онъ за ней шелъ, смутно различалъ ея фигуру, походку, чуялъ шелестящій вѣтерокъ. Садясь на крайнее мѣсто въ одномъ изъ среднихъ рядовъ, онъ еще разъ взглянулъ на нее и увидѣлъ опять, что такъ его поразило, — чудесный продолговатый блескъ случайно освѣщеннаго глаза и очеркъ щеки, нѣжный, тающій, какъ на темныхъ фонахъ у

очень большихъ мастеровъ. Она, отступивъ, смѣшалась съ темнотой, и Кречмара охватили вдругъ скука и грусть. Глядѣть на экранъ было сейчасъ ни къ чему, — все равно это было непонятное разрѣшеніе какихъ-то событій, которыхъ онъ еще не зналъ (... кто-то, плечистый, слѣпо шелъ на пятившуюся женщину...). Было странно подумать, что эти непонятные персонажи и непонятныя дѣйствія ихъ станутъ понятными и совершенно иначе имъ воспринимаемыми, если онъ просмотритъ картину сначала. Интересно знать, — вдругъ подумалъ Кречмаръ, — смотрятъ ли вообще капельдинерши на экранъ, или все имъ осточертѣло?

Какъ только замолкъ рояль, и въ зальцѣ разсвѣло, онъ опять ее увидѣлъ: она стояла у выхода, еще касаясь складки портьеры, которую только-что отдернула, и мимо нея, тѣсняясь, проходили люди, уже насытившіеся свѣтовой простоквашей. Одну руку она держала въ карманѣ узорнаго передника. На лицо ея Кречмаръ смотрѣлъ прямо съ какимъ-то испугомъ. Прелестное, мучительно прелестное лицо. Ничего оно не выражало, кромѣ, быть можетъ, утомленія. Ей было свиду пятнадцать-шестнадцать лѣтъ.

Затѣмъ, когда зальце почти опустѣло, и начался приливъ свѣжихъ, ясноглазыхъ людей, — она нѣсколько разъ проходила совсѣмъ рядомъ, и вблизи она была еще милѣе. Онъ отворачивался, смотрѣлъ по сторонамъ, такъ какъ было слишкомъ тягостно длить взглядъ. направленный на нее, и ему вспомнилось, сколько разъ красота проходила мимо него и пропадала безслѣдно.

Съ полчаса онъ просидѣлъ въ темнотѣ, выпуклыми глазами уставившись на экранъ. Она приподняла для него складку портьеры. «Взгляну!» — подумалъ онъ съ нѣкоторымъ отчаяніемъ. Ему пока-

залось, что губы у нея легонько дрогнули. Она опустила складку. Кречмаръ вышелъ и вступилъ въ малиновую лужу, — снѣгъ таялъ, ночь была сырая, съ теплымъ вѣтромъ.

Черезъ три дня онъ не стерпѣлъ и, чувствуя стыдъ, раздраженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то смутно рокочущій восторгъ, отправился вновь въ «Аргусъ» и опять попалъ къ концу сеанса. Все было, какъ въ первый разъ: фонарикъ, продолговатый луиніевскій глазъ, вѣтерокъ, темнота, потомъ очаровательное движеніе руки, откидывающей рывкомъ портьеру. «Дюжинный Донъ-Жуанъ сегодня же съ ней бы познакомился», — беспомощно подумалъ Кречмаръ. На экранѣ, одѣтая въ тюлю, рѣзвилась морская свинка Чипи, изображая русскій балетъ. За этимъ слѣдовала картина изъ японской жизни «Когда цвѣтутъ вишни». Выходя, Кречмаръ хотѣлъ удостовѣриться, узнаетъ ли она его. Взгляда ея онъ не поймалъ. Шелъ дождь, блестя красныя асфальтъ.

Если бъ онъ не сдѣлалъ того, чего раньше не дѣлалъ никогда, — попытки удержать мелькнувшую красоту, несразу сдать, чуть-чуть на судьбу принажать, — если бъ онъ второй разъ не пошелъ въ «Аргусъ», то, быть можетъ, ему удалось бы осадить себя во-время. Теперь же было поздно. Въ третье свое посѣщеніе онъ твердо рѣшилъ улыбнуться ей, однако такъ забилося сердце, что онъ не попалъ въ тактъ, промахнулся. На другой день былъ къ обѣду его шуринъ, говорили какъ разъ объ искѣ Горна, дочка съ некрасивой жадностью пожирала шоколадный кремъ, жена ставила вопросы невпопадъ. «Что ты, съ луны что-ли свалилась?» — сказалъ онъ и запоздалой улыбкой попытался гнать выказанное раздраженіе. Послѣ обѣда сидѣлъ съ женой рядомъ на широкомъ дива-

нѣ, мелкими поцѣлуями мѣшалъ ей разсматривать «Die Dame» и глухо про себя думалъ: «Какая чепуха... Вѣдь я счастливъ... Чего же мнѣ еще? Никогда больше туда не пойду».

III.

Ее звали Магда Петерсъ, и ей было вправду только шестнадцать лѣтъ. Ея родители промышляли швейцарскимъ дѣломъ. Отецъ, контуженный на войнѣ, уже сѣдоватый, постоянно дергалъ головой и впадалъ по пустякамъ въ ярость. Мать, еще довольно молодая, но рыхлая женщина, холодного и грубаго нрава, съ ладонью, всегда полной потенциальныхъ оплеухъ, обычно ходила въ тугомъ платочкѣ, чтобы при работѣ не пылились волосы, но послѣ большой субботней уборки (производимой главнымъ образомъ пылесосомъ, который остроумно совокуплялся съ лифтомъ), наряжалась и отправлялась черезъ улицу въ гости. Жильцы недолюбливали ее за надменность, за дѣловую манеру требовать у входящаго, чтобы онъ вытиралъ ноги о мать и не ступалъ по мрамору (котораго, впрочемъ, было немного). Ей часто снилась по ночамъ сказочно-великолѣпная, бѣлая какъ сахаръ лѣстница и маленькій силуэтъ человѣка, уже дошедшаго доверху, но оставившаго на каждой ступени большой черный подошвенный отпечатокъ, лѣвый, правый, лѣвый, правый... Это былъ мучительный сонъ.

Отто, Магдинъ братъ, былъ старше сестры на три года, работалъ теперь на велосипедной фабрикѣ, презрительно относился къ бургерскому республиканству отца и, сидя въ ближнемъ кабѣ,

разсуждалъ о политикѣ, опускалъ съ громовымъ стукомъ кулакъ на столъ, восклицая: «человѣкъ первымъ дѣломъ долженъ жрать, да!» Такова была главная его аксіома, — сама по себѣ довольно правильная.

Магда въ дѣтствѣ ходила въ школу, и тамъ ей было легче, чѣмъ дома, гдѣ ее били много и зря, такъ что оборонительный подъемъ локтя былъ самымъ обычнымъ ея жестомъ. Это, впрочемъ, не мѣшало ей расти веселой и бойкой дѣвочкой. Когда ей было лѣтъ восемь, ее до боли ущипнулъ безъ всякой причины почтенный старикъ, жившій въ партерѣ. О ту пору она любила участвовать въ крикливой и бурной футбольной игрѣ, которую затѣвали мальчишки посреди мостовой. Десяти лѣтъ она научилась ѣздить на велосипедѣ брата и, голорукая, со взлетающей черной косичкой, мчалась взадъ и впередъ по своей улицѣ, весело вскрикивая, а потомъ останавливалась, оперевшись одной ногой въ край панели и о чемъ-то раздумывая. Въ двѣнадцать лѣтъ она немного уgomонилась, и любимымъ ея занятіемъ сдѣлалось стоять у двери, шептаться съ дочкой угольщика о женщинахъ, шлявшихся къ одному изъ жильцовъ или смотрѣть на прохожихъ, отмѣчать платья и шляпы. Какъ-то она нашла на лѣстницѣ потрепанную сумочку, а въ сумочкѣ мыльце съ приставшимъ волоскомъ и полдюжины непристойныхъ открытокъ. Какъ-то ее поцѣловали въ открытую шею одинъ изъ гимназистовъ, еще недавно старавшихся сбить ее съ ногъ во время игры. Какъ-то, среди ночи, съ ней случилась истерика, и ее облили водой, а потомъ драли.

Черезъ годъ она уже была чрезвычайно мила собой, носила короткое, ярко-красное платьице и была безъ ума отъ кинематографа. Появился въ супротивномъ домѣ молодой человѣкъ, кудрявый.

въ пестрой фуфайкѣ, который по вечерамъ облокачивался въ окнѣ на подушку и улыбался ей издали, — но скоро онъ съѣхалъ.

Впослѣдствіи она вспоминала то время жизни съ томительнымъ и страннымъ чувствомъ, — эти свѣтлые, теплые, мирные вечера, трескъ запираемыхъ лавокъ, отецъ сидитъ верхомъ на стулѣ и курить трубку, поминутно дергая головой, словно энергично отрицая что-то, мать судачить о причудахъ жильцовъ съ сосѣдной швейцарихой («я ему тогда сказала... онъ мнѣ тогда сказалъ...»), госпожа фонъ Брокъ возвращается домой съ покупками въ сѣткѣ, погода проходитъ горничная Лизбетъ съ левреткой и двумя жесткошерстыми фоксами, похожими на игрушки... Вечерѣтъ. Вотъ братъ съ двумя-тремя товарищами, они мимоходомъ обступаютъ ее, немного тѣснятъ, хватаютъ за голыя руки, у одного изъ нихъ глаза, какъ у Файта. Улица, еще освѣщенная низкимъ солнцемъ, затихаетъ совсѣмъ. Только напротивъ двое лысыхъ играютъ на балконѣ въ карты, — и слышенъ каждый звукъ.

Ей было едва четырнадцать лѣтъ, когда, подружившись съ приказчицей изъ писчебумажной лавки на углу, Магда узнала, что у этой приказчицы есть сестра натурщица, — совсѣмъ молоденькая дѣвочка, а уже недурно зарабатывающая. У Магды появились прекрасныя мечты. Какимъ то образомъ путь отъ натурщицы до фильмовой дивы показался очень короткимъ. Въ то же приблизительно время она научилась танцевать и нѣсколько разъ посѣщала съ подругой заведеніе «Парадизъ», бальный залъ, гдѣ, подъ цимбалы и улюлюканіе джаза, пожилые мужчины дѣлали ей весьма откровенныя предложенія.

Однажды она стояла на углу своей улицы; къ панели, рѣзко затормазивъ, присталъ нѣсколько разъ

уже видѣнный молодой мотоциклистъ, съ зачесанными назадъ блѣдными волосами, одѣтый въ необыкновенную кожаную куртку, и предложилъ ее покатать. Магда улыбнулась, сѣла сзади верхомъ, поправила юбку, и въ слѣдующее мгновеніе едва не задохнулась отъ быстроты. Онъ повезъ ее за городъ и тамъ остановился. Былъ солнечный вечеръ, толклась мошकारа. Кругомъ былъ верескъ да сосны. Мотоциклистъ слѣзъ и сѣлъ рядомъ съ ней на краю дороги. Онъ разсказалъ ей, что ѣздилъ недавно, вотъ такъ какъ есть, въ Испанію, разсказалъ, что прыгалъ нѣсколько разъ съ парашютомъ. Затѣмъ онъ ее обнялъ, сталъ тискать и очень мучительно цѣловать, и у нея было чувство, что все внутри таетъ и какъ-то разливается. Ей вдругъ сдѣлалось нехорошо, она поблѣднѣла и заплакала. «Можно цѣловать, — сказала она, — но нельзя такъ тормошить, у меня голова сегодня болитъ, я нездорова». Мотоциклистъ разсердился, молча пустилъ машину, довезъ Магду до какой-то улицы и тамъ оставилъ. Домой она вернулась пѣшкомъ. Братъ, видѣвшій, какъ она уѣзжала, треснулъ ее кулакомъ по шеѣ, да еще пнулъ сапогомъ, такъ что она упала и больно стукнулась о швейную машину.

Зимой она, наконецъ, познакомилась съ натурщицей, сестрой приказчицы, и съ какой-то пожилой, важной на видъ дамой, у которой было малиновое родимое пятно во всю щеку. Ее звали Левандовская. У этой Левандовской Магда и поселилась, въ комнаткѣ для прислуги. Родители, давно корившіе ее дармоѣдствомъ, были теперь довольны, что отъ нея освободились. Мать находила, что всякій трудъ, приносящій доходъ, честенъ. Братъ, который бывало поговаривалъ не безъ угрозъ о капиталистахъ, покупающихъ дочерей бѣдняковъ, временно работалъ въ Бреславлѣ и къ Левандовской на-

грянулъ только гораздо позже, гораздо позже...

Она позировала сперва въ большой классной комнатѣ какой-то женской школы, а потомъ въ настоящемъ ателье, гдѣ рисовали ее не только женщины, но и мужчины, нѣкоторые совсѣмъ молодые. Все было впрочемъ очень чинно. Темноголовая, стриженная, совершенно голая, она бокомъ сидѣла на коврикѣ, опираясь на выпрямленную руку — такъ что на мѣстѣ локтя былъ нѣжный морщинистый глазокъ — сидѣла, чуть склонивъ худенькій станъ, въ позѣ задумчиваго изнеможенія, и смотрѣла исподлобья, какъ рисовальщики поднимаютъ и опускаютъ глаза, и слушала легкій шорохъ карандашной штриховки или попискиваніе угля, — и скоро ей становилось скучно разбирать, кто сейчасъ воспроизводитъ ея ляжку, а кто голову, и было одно только желаніе: перемѣнить положеніе тѣла. Отъ скуки она выискивала самаго привлекательнаго изъ художниковъ, едва замѣтно щурилась всякій разъ, когда онъ, съ полуоткрытымъ отъ прилежанія ртомъ, поднималъ лицо. Ей никогда не удавалось смутить его, переключить его умъ на другія, менѣе строгія, мысли, и это ее немножко сердило. Когда она прежде думала о томъ, какъ вотъ будетъ сидѣть одинокая и голая подъ сходящимися взорами многихъ глазъ, ей сдавалось, что будетъ стыдновато, но вмѣстѣ съ тѣмъ довольно пріятно, какъ въ теплой ваннѣ. Оказывалось, что это вовсе нестыдно, а только утомительно и однообразно. Тогда она начала придумывать всякія штучки для своего развлеченія, не снимала ожерелья съ шеи, мазала губы, подводила свои и такъ подведенные тѣнью, и такъ очаровательные глаза, и разъ даже чуть-чуть оживила карминомъ блѣдные кончики грудей. Ей за это сильно влетѣло отъ Левандовской, которой кто-то насплетничалъ.

Магда впрочемъ лишь смутно понимала, чего именно добивается. Далеко-далеко маячилъ образъ фильмовой дивы. Господинъ въ нарядномъ пальто съ котиковымъ воротникомъ шалью подсаживалъ ее въ лаковый автомобиль. Она покупала переливчатое, прямо-таки журчащее платье, которое сіяло и лилось въ витринѣ баснословнаго магазина. Сидѣть часами нагишомъ и даже не получать въ свою собственность портреты, которые съ нея пишутъ, было довольно прѣснымъ удѣломъ. Она не замѣчала, что въ какомъ-то смыслѣ геній ея судьбы — геній кинематографическій. Присутствія и мановенія его она не замѣтила даже въ тотъ весенній вечеръ, когда Левандовская впервые упомянула о «влюбленномъ провинціалѣ».

«Нельзя тебѣ жить безъ друга, — спокойно сказала Левандовская, попивая кофе. — Ты — бойкое дитя, ты — попрыгунья, ты безъ друга пропадешь. Онъ скромный человѣкъ, провинціальный житель, и ему нужна тоже скромная подруга въ этомъ городѣ соблазновъ и скверны».

Магда держала на колѣняхъ собаку Левандовской, — толстую желтую таксу съ сѣдиной на мордѣ и съ длинной бородавкой на щекѣ. Она взяла въ кулакъ шелковое ухо собаки и, не поднимая глазъ, отвѣтила:

«Ахъ, это успѣется. Мнѣ только пятнадцать. И зачѣмъ? Все это будетъ такъ — зря, я знаю этихъ господъ».

«Ты дура, — сказала Левандовская съ раздраженіемъ, — я тебѣ рассказываю не о шелопаѣ, а о добромъ, щедромъ человѣкѣ, который видѣлъ тебя на улицѣ и съ тѣхъ поръ только тобой и бредитъ».

«Какой-нибудь старичекъ», — замѣтила Магда и поцѣловала собаку въ лобъ.

«Дура, — повторила Левандовская. — Ему тридцать лѣтъ, онъ бритый, шикарный, — шелковый галстукъ, золотой мундштукъ. У него только душа скромная».

«Гулять, гулять», — сказала Магда собакѣ, — та сползла на полъ и потомъ, въ коридорѣ, затрусила, держа тѣло бочкомъ, какъ это дѣлаютъ всѣ старыя таксы.

Господинъ, о которомъ шла рѣчь, не былъ ни провинціаломъ, ни скромнымъ человѣкомъ, ни даже Мюллеромъ (фамилія, подъ которой онъ представился). Съ Левандовской онъ познакомился черезъ двухъ темпераментныхъ комивояжеровъ, съ которыми игралъ въ покеръ, по дорогѣ изъ Гамбурга въ Берлинъ. О цѣнѣ сначала не упоминалось: сводня показала фотографію улыбающейся дѣвочки, и Мюллеръ потребовалъ смотринъ. Въ назначенный день Левандовская накупила пирожныхъ, наварила много кофе, посовѣтовала надѣть какъ разъ то красное платье, которое Магдѣ теперь казалось такимъ потрепаннымъ, такимъ дѣтскимъ, и около шести раздался жданный звонокъ. «Чѣмъ я рискую, — въ послѣдній разъ подумала Магда. — Если онъ собой дурень, то я ей такъ и скажу, а если нѣтъ, то я еще успѣю рѣшить».

Къ сожалѣнію нельзя было такъ просто установить, дурень ли или хорошъ Мюллеръ. Странное, своеобразное лицо. Матово-черные волосы были небрежно причесаны на проборъ сухой щеткой, на слегка впалыя щеки какъ будто легъ тонкій слой рисовой пудры. Блестящіе рысьи глаза и треугольные ноздри ни минуты не оставались спокойными, между тѣмъ, какъ нижняя часть лица съ двумя мягкими складками по бокамъ рта была напротивъ весьма неподвижна, — изрѣдка только онъ обли-

зываетъ глянцевитыя толстыя губы. На немъ была замѣчательная голубая рубашка, яркій, какъ тропическое небо, галстухъ и сине-вороной костюмъ съ широченными панталонами. Онъ великолѣпно двигался, поводя крѣпкими квадратными плечами, — это былъ высокій и стройный мужчина, Магда ждала совсѣмъ не такого и нѣсколько потерялась, когда, сидя со скрещенными руками на твердомъ стулѣ и сквозь зубы разговаривая съ Левандовской о достопримѣчательностяхъ Берлина, Мюллеръ принялся ее, Магду, потрошить взглядомъ; вдругъ, перебивъ самого себя на полсловѣ, онъ спросилъ ее рѣзкимъ, звенящимъ голосомъ, какъ ее зовутъ. Она сказала. «Ага, Магдалина», — произнесъ онъ съ короткимъ смѣшкомъ и, такъ же внезапно освободивъ ее отъ напора своего взгляда, продолжалъ свой глухой разговоръ съ Левандовской.

Погодя онъ замолкъ, закурилъ и, отдирая прилипшій къ яркой, словно воспаленной, губѣ кусочекъ папиросной бумаги, сказалъ: «Идея, госпожа Левандовская. Возьмите на мой счетъ автомобиль и поѣзжайте въ оперу, — у меня вотъ оказался свободный билетъ, вы какъ разъ успѣете».

Левандовская поблагодарила, степенно возраживъ, что сегодня устала и останется дома. «Можно вамъ сказать два слова?» — недовольно проговорилъ Мюллеръ и всталъ со стула. «Выпейте еще чашку», — спокойно предложила Левандовская. Онъ пожалъ плечами, окинулъ Магду какимъ-то хлещущимъ взглядомъ, но вдругъ просіялъ добродушной улыбкой, сѣлъ на диванъ рядомъ съ ней и принялся рассказывать серію анекдотовъ о какомъ-то своемъ пріятелѣ пѣвцѣ, который, въ Лоэнгринѣ, не успѣлъ сѣсть на лебедя и рѣшилъ ждать слѣдующаго. Магда кусала губы и вдругъ наклоня-

ла голову, помирая со смѣху. У Левандовской уютно тряса бують.

Онъ позволилъ себѣ роскошь медленнаго подступа, осторожныхъ и ласковыхъ взглядовъ, даже вздоховъ. Левандовская, получившая только небольшой задатокъ, а заломившая неслыханную цѣну, не отходила ни на шагъ. Съ ея согласія Магда перестала позировать и проводила цѣлые дни за вышивкой. Иногда, когда она вечеромъ выводила собаку, Мюллеръ вырасталъ изъ сумерекъ и шелъ рядомъ съ нею, и ее это такъ волновало, что она невольно ускоряла шагъ, и забытая такса отставала, упорно и грустно ковыляя бочкомъ, бочкомъ. Левандовская вскорѣ почуяла эти встрѣчи и стала выводить собаку сама.

Такъ прошло больше недѣли со дня знакомства. Однажды Мюллеръ рѣшилъ принять чрезвычайныя мѣры. Платить огромную сумму, которую просила сводня, было нелѣпо, разъ дѣло выходило само собою. Придя вечеромъ, онъ много наговорилъ смѣшного, выпилъ три чашки кофе, затѣмъ, улучивъ мгновеніе, подошелъ къ Левандовской, поднялъ ее, быстрой, мелкой рысцой понесъ въ ванную и, ловко переставивъ ключъ, заперъ дверь. Левандовская была такъ поражена, что первыя полминуты молчала, — потомъ, впрочемъ, принялась вопить, стучать и ухать всѣмъ тѣломъ въ дверь. «Забирай свои вещи и айда», — обратился онъ къ Магдѣ, которая стояла среди гостиной, держась за голову.

Они поселились въ хорошей комнатѣ, снятой имъ наканунѣ, и, едва переступивъ порогъ, Магда, съ охотой, съ жаромъ, даже съ какой-то злостью, предалась судьбѣ, осаждавшей ее такъ давно, такъ упорно. Мюллеръ, впрочемъ, нравился ей совсѣмъ по особенному, — было что-то неотразимое въ его

глазахъ, въ голосъ, въ ухваткахъ, въ его манеръ толстыми жаркими губами ѣздить вверхъ и внизъ по ея спинѣ, между лопатками. Онъ мало съ ней разговаривалъ, часами сидѣлъ, держа ее у себя на колѣняхъ, посмѣиваясь и о чемъ-то думая. Она не знала, какія у него дѣла въ Берлинѣ, кто онъ — и каждый разъ, когда онъ уходилъ, боялась, что онъ не вернется. Если не считать этой боязни, она была счастлива, до глупости счастлива, она мечтала, что сожителство ихъ будетъ длиться всегда. Кое-что онъ ей подарилъ, — парижскую шляпу, часики, — впрочемъ не былъ чрезмѣрно щедръ на подарки, зато водилъ ее въ хорошіе рестораны и въ большіе кинематографы, гдѣ она до слезъ хохотала надъ похождениями Чипи. Онъ такъ пристрастился къ Магдѣ, что часто, уже собираясь уходить, вдругъ бросалъ шляпу въ уголъ (эта привычка обращаться съ дорогой шляпой ее немножко удивляла) и оставался. Все это продолжалось ровно мѣсяць. Какъ-то утромъ онъ всталъ раньше обыкновеннаго и сказалъ, что долженъ уѣхать. Она спросила, надолго ли. Онъ устоялъ на нее, потомъ заходилъ по комнатамъ въ своей ослѣпительной малиново-лазурной пижамѣ, потирая руки, словно намыливалъ ихъ. «Навсегда, навсегда», — сказалъ онъ вдругъ и, не глядя на нее, сталъ одѣваться. Она подумала, что онъ, можетъ быть, шутить и рѣшила выждать, — откинула одѣяло, такъ какъ было очень душно въ комнатахъ и, вытянувшись, повернулась къ стѣнкѣ. «У меня нѣтъ твоей фотографіи», — проговорилъ онъ, со стукомъ надѣвая башмаки. Потомъ она слышала, какъ онъ возится съ чемоданомъ, защелкиваетъ его. Еще черезъ нѣсколько минутъ: «Не двигайся, — сказалъ онъ, — и не смотри, что я дѣлаю». «Застрѣлить», — почему-то подумала она, но не шелохнулась. Что онъ дѣлалъ? Тишина. Она

чуть двинула голымъ плечомъ. «Не двигайся», — повторилъ онъ. «Цѣлится», — подумала Магда безъ всякаго страха. Тишина продолжалась минутъ пять. Въ этой тишинѣ бродилъ, спотыкаясь, какой-то маленькій шуршащій звукъ, который казался ей знакомымъ, но почему знакомымъ? «Можешь повернуться», — проговорилъ онъ съ грустью, но Магда лежала неподвижно. Онъ подошелъ, поцѣловалъ ее въ щеку и быстро вышелъ. Она пролежала въ постели весь день. Онъ не вернулся.

На другое утро она получила телеграмму изъ Гамбурга: «Комната оплачена до іюля прощай дон-нерветтеръ прощай». «Господи, какъ я буду жить безъ него?» — проговорила Магда вслухъ. Она мигомъ распахнула окно, рѣшивъ однимъ прыжкомъ съ собою покончить. Къ дому напротивъ, звеня, подъѣхалъ красно-золотой пожарный автомобиль, собиралась толпа, изъ верхнихъ оконъ валилъ бурый дымъ, летѣли какія-то черныя бумажки. Она такъ заинтересовалась пожаромъ, что отложила свое намѣреніе.

У нея оставалось очень мало денегъ; съ горя, какъ въ хорошихъ фильмахъ, она пошла шататься по танцевальнымъ кафе. Вскорѣ она познакомилась съ двумя японцами и, будучи слегка навеселѣ, согласилась у нихъ переночевать; утромъ она попросила двѣсти марокъ, они ей дали три съ полтиной и вытолкали вонъ, — послѣ чего она рѣшила быть осмотрительнѣе.

Однажды къ ней подсѣлъ толстый старый чело-вѣкъ, съ носомъ, какъ гнилая груша, и съ коричневыми точками сплошь по всей лысинѣ, и сказалъ: «Пріятно опять встрѣтиться, помните, барышня, какъ мы рѣзвились на пляжѣ, въ Герингсдорфѣ?» Она смѣясь, отвѣтила, что онъ ошибается. Старикъ

спросилъ, что она желаетъ пить. Потомъ онъ поѣхалъ ее провожать и въ темнотѣ таксомотора сдѣлался очень косноязыченъ и гадокъ. Она выскочила. Старикъ вышелъ тоже и, не смущаясь присутствіемъ шофера, умолялъ о свиданіи. Она дала ему номеръ своего телефона. Когда онъ ей оплатилъ комнату до ноября, да еще далъ денегъ на котиковое пальто, она позволила ему остаться у нея на ночь. Съ нимъ оказалось сначала очень легко, онъ сразу засыпалъ, послѣ краткаго и слабаго объятія, и спалъ непробудно до разсвѣта. Потомъ онъ началъ требовать всякихъ странныхъ новшествъ. Гардеробъ ея пополнился двумя новыми платьями. Неожиданно онъ пропустилъ назначенное свиданіе, черезъ нѣсколько дней она позвонила къ нему въ контору и узнала, что онъ скончался.

Воспоминаніе о старикѣ было омерзительно. Такого опыта она рѣшила не повторять. Продавъ шубу, она дотянула до февраля. Наканунѣ этой продажи, ей страстно захотѣлось показаться родителямъ. Она подѣхала къ дому въ таксомоторѣ. День былъ субботній, мать полировала ручку входной двери. Увидѣвъ дочь, она такъ и замерла. «Боже мой!» — воскликнула она съ чувствомъ. Магда молча улыбнулась, сѣла снова въ таксомоторъ и уже въ окно увидѣла брата, который, выбѣжалъ на панель, кричалъ ей что-то вслѣдъ — вѣроятно угрозы.

Она переѣхала въ комнату подешевле, вечерами неподвижно сидѣла на краю кушетки въ нарастающей темнотѣ, подпирая виски ладонями и пыхтя папирсой. Хозяйка, пожилая, неопредѣленныхъ занятій, заглядывала къ ней, сердобольно ее разспрашивала, рассказывала, что у ея родственника мленькій кинематографъ, приносящій неплохой ходъ. Зима была холодная, деньги шли на уѣ

«Что же будетъ дальше?» — думала Магда. Какъ-то, въ бодрый и дерзкій день она ярко покрасилась и, выбравъ самую звучную по названію кинематографическую контору на Фридрихштрассе, добилась того, что директоръ ее принялъ. Онъ оказался пожилымъ господиномъ съ черной повязкой на правомъ глазу и съ пронзительнымъ блескомъ въ лѣвомъ. Магда начала съ того, что дескать уже много играла въ провинціи, получала хорошія роли... «Въ кино?» — спросилъ тотъ, ласково глядя на ея возбужденное лицо. Она назвала какую-то фирму, какую-то картину — очень убѣдительно и даже надменно, — оттого что все повторяла про себя: «Какъ онъ смѣетъ не знать меня, какъ онъ смѣетъ сомнѣваться...» Послѣдовало молчаніе. Директоръ прищурилъ единственный видимый глазъ и сказалъ: «А знаете, — вѣдь вамъ повезло, что вы попали именно ко мнѣ. Любой мой коллега соблазнился бы вашей молодостью, наобѣщаль бы вамъ горы добра и потребовалъ бы отъ васъ очень опредѣленнаго, очень банальнаго задатка. Затѣмъ онъ бы васъ бросилъ. Я человѣкъ немолодой, много видѣвшій, у меня дочка вѣроятно старше васъ, — и вотъ позвольте мнѣ вамъ сказать: вы никогда актрисой не были и вѣроятно не будете. Пойдите домой, подумайте хорошенько, посоветуйтесь съ вашими родителями...»

Магда хлестнула перчаткой по краю стола, встала и съ искаженнымъ лицомъ вышла вонъ. Въ томъ же домѣ была еще одна фирма. Тамъ ее просто не приняли. Въ третьемъ мѣстѣ ей сказали, — чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ нея: «оставьте вашъ телефонъ». Она вернулась домой въ бѣшенствѣ. Мать ей сварила два яйца, гладила ее по плечу, а Магда жадно и сердито ѣла, потомъ принесла банку коньяку, двѣ рюмки и, наливъ ихъ до кра-

евъ, унесла бутылку. «Ваше здоровье, — сказала она, опять садясь за столъ. — Все будетъ благополучно. Я какъ разъ завтра увижу моего деверя, я съ нимъ поговорю...»

Первое время Магду забавляла новая должность. Было правда немного обидно начинать кинематографическую карьеру не актрисой, даже не статисткой... Къ концу первой же недѣли ей уже казалось, что она всю жизнь только и дѣлала, что указывала людямъ мѣста. Въ пятницу впрочемъ была перемѣна программы, это ее оживило. Стоя въ темнотѣ, прислонясь къ стѣнкѣ, она смотрѣла на Грету Гарбо. Черезъ два-три сеанса ей стало опять нестерпимо скучно. Прошла еще недѣля. Какой-то посѣтитель, замѣшкавъ въ дверяхъ, странно посмотрѣлъ на нее — застѣнчивымъ и жалобнымъ взглядомъ. Черезъ два-три вечера онъ появился опять. Выглядѣлъ онъ довольно молодо, былъ отлично одѣтъ, косилъ на нее жаднымъ голубымъ глазомъ... «Человѣкъ очень приличный, но размазня», — подумала Магда. Когда, появившись въ четвертый или пятый разъ, онъ пришелъ невпопадъ, то-есть на фильму, которую уже разъ видѣлъ, Магда почувствовала нѣкоторое возбужденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ ей было памятно предупрежденіе хозяина: «Одинъ разъ глазки — и вышвырну». Посѣтитель, однако, былъ удивительно робокъ. Выйдя какъ-то изъ кинематографа, чтобы отправиться домой, Магда увидѣла его неподвижно стоящимъ на той сторонѣ улицы. Она засѣменила, не оглядываясь, рассчитывая, что онъ перейдетъ наискосокъ и послѣдуетъ за ней. Этого, однако, не случилось: онъ исчезъ. Когда, черезъ два дня, онъ опять пришелъ въ «Аргусъ», былъ у него какой-то больной, затравленный, очень интересный видъ. По окончаніи послѣдняго сеанса, Магда вышла, раскрывая зонтикъ. «Стоить», — от-

мѣтила она про себя и перешла къ нему, на ту сторону. Онъ двинулся, уходя отъ нея, какъ только замѣтилъ ея приближеніе. Сердце у него билось въ гортани, не хватало воздуха, пересохли губы. Онъ чувствовалъ, какъ она идетъ сзади и боялся ускорить шагъ, чтобы не потерять счастья, и боялся шагъ замедлить, чтобы счастье не перегнало его. Но, дойдя до перекрестка, Кречмаръ принужденъ былъ остановиться: проѣзжали гуськомъ автомобили. Тутъ она его перегнала, чуть не попала подъ автомобиль и, отскочивъ, ухватилась за его рукавъ. Засвѣтился зеленый дискъ. Онъ нащупалъ ея локоть, и они перешли. «Началось, — подумалъ Кречмаръ, — безуміе началось».

«Вы совершенно мокрый», — сказала она съ улыбкой; онъ взялъ изъ ея руки зонтикъ, и она еще тѣснѣе прижалась къ нему, и сверху барабанило счастье. Одно мгновеніе онъ побоялся, что лопнетъ сердце, — но вдругъ полегчало, онъ какъ бы разомъ привыкъ къ воздуху восторга, отъ котораго сперва задыхался, и теперь заговорилъ безъ труда, съ наслажденіемъ.

Дождь пересталъ, но они все шли подъ зонтикомъ. У ея подѣзда остановились, зонтикъ былъ отданъ ей и закрытъ. «Не уходите еще», — взмолился Кречмаръ и, держа руку въ карманѣ пальто, попробовалъ большимъ пальцемъ снять съ безымяннаго обручальное кольцо, — такъ, на всякій случай. «Постойте, не уходите», — повторилъ онъ и наконецъ судорожнымъ движеніемъ освободился отъ кольца. «Уже поздно, — сказала она, — моя тетя будетъ сердиться». Кречмаръ подошелъ къ ней вплотную, взялъ за кисти, хотѣлъ ее поцѣловать, но попалъ въ ея шапочку. «Оставьте, — пробормотала она, наклоня голову. — Оставьте, это нехорошо». «Но вы еще не уйдете. у меня никого

нѣтъ въ мірѣ, кромѣ васъ». «Нельзя, нельзя», — отвѣтила она, вертя ключомъ въ замкѣ и напирая на дверь. «Завтра я буду опять ждать», — сказалъ Кречмаръ. Она улыбнулась ему сквозь стекло.

Кречмаръ остался одинъ, онъ отдуваясь разстегнулъ пальто, почувствовалъ вдругъ легкость и наготу лѣвой руки, поспѣшно надѣлъ еще теплое кольцо и пошелъ къ таксомоторной стоянкѣ.

IV.

Дома ничего не измѣнилось, и это было странно: жена, дочь, Максъ принадлежали точно другой эпохѣ, мирной и свѣтлой, какъ пейзажи раннихъ итальянцевъ. Максъ, весь день работавшій въ театальной своей конторѣ, любилъ отдыхать у сестры, души не чаялъ въ племянницѣ и съ нѣжнымъ уваженіемъ относился къ Кречмару, къ его сужденіямъ, къ темнымъ картинамъ по стѣнамъ, къ шпинатному гоблену въ столовой.

Кречмаръ, отпирая дверь своей квартиры, съ замираніемъ, со сквознякомъ въ животѣ, думалъ о томъ, какъ сейчасъ встрѣтится съ женой, съ Максомъ, — не почувютъ ли они измѣну (ибо эта прогулка подъ дождемъ являлась уже измѣной, — все прежнее было только вымысломъ и снами), быть можетъ его уже замѣтили, выслѣдили, — и онъ, отпирая дверь, торопливо сочинялъ сложную исторію о молодой художницѣ, о бѣдности и талантѣ ея, о томъ, что ей нужно помочь устроить выставку... Тѣмъ живѣе онъ ощутилъ переходъ въ другую, ясную, эпоху, которую онъ за одинъ вечеръ

такъ лихорадочно опередилъ, — и, послѣ мгновеннаго замѣшательства отъ вида неизмѣнишагося коридора, отъ бѣлизны двери въ глубинѣ, за которой спала дочка, отъ честныхъ плечъ Максова пальто, любовно надѣтаго горничной на плюшевую вѣшалку, отъ всѣхъ этихъ домашнихъ знакомыхъ примѣтъ, — наступило успокоеніе: все хорошо, никто ничего не знаетъ. Онъ вошелъ въ гостиную: Аннелиза въ клѣтчатомъ платьѣ, Максъ съ сигарой, да еще старая знакомая, вдова барона, обѣднѣвшая во время инфляціи и теперь торговавшая коврами и картинами... Неважно, что говорили, — важно только это ощущеніе повседневности, обыкновенности, простоты. И потомъ, въ мирно освѣщенной спальнѣ, лежа рядомъ съ женой, Кречмаръ дивился своей двойственности, отмѣчалъ свою ненарушимую нѣжность къ Аннелизѣ, — и одновременно въ немъ пробѣгала молніевидная мысль, что быть можетъ завтра, уже завтра, да, навѣрное, завтра...

Но все это оказалось не такъ просто. И во второе свиданіе, и въ слѣдующія, Магда искусно избѣгала поцѣлуевъ. Разсказывала она о себѣ немного, — только то, что сирота, дочь художника, живетъ у тетки, очень нуждается, хотѣла бы перемѣнить свою утомительную службу. Кречмаръ назвался Шиффермюллеромъ, и Магда съ раздраженіемъ подумала: «Везетъ мнѣ на мельниковъ», — а затѣмъ: «Ой, врешь». Мартъ былъ дождливый, ночныя прогулки подъ зонтикомъ мучили Кречмара, онъ предложилъ ей какъ-то зайти въ кафе. Кафе онъ выбралъ маленькое, мизерное, — зато безопасное. У него была манера, когда онъ усаживался въ кафе или ресторанѣ, сразу выкладывать на столъ портсигаръ и зажигалку. На портсигарѣ Магда замѣтила инициалы «Б. К.». Она промолчала, пс-

думала и попросила его принести телефонную книгу. Пока онъ своей нѣсколько мѣшковатой, разгильдяйской походкой шелъ къ телефону, она быстро посмотрѣла на шелковое дно его шляпы, оставшейся на стулѣ, и прочла его имя и фамилію (необходимая мѣра противъ разсѣянности художниковъ при шапочномъ разборѣ). Кречмаръ, нѣжно улыбаясь, принесъ книгу, и, пользуясь тѣмъ, что онъ смотритъ на ея шею и опущенныя рѣсницы, Магда живо нашла его адресъ и телефонъ и, ничего не сказавъ, спокойно захлопнула потрепанный, размякшій, голубой томъ. «Сними пальто», — тихо сказалъ Кречмаръ, впервые обратившись къ ней на ты. Она, не вставая, принялась вылѣзть изъ рукавовъ макинтоша, нагнувъ голову, наклоня плечи то вправо, то влево, и на Кречмара вѣяло фіалковымъ жаромъ, пока онъ помогалъ ей освободиться отъ пальто и глядѣлъ, какъ хотятъ ея лопатки, какъ собираются и расходятся складки смугловатой кожи на позвонкахъ. Это продолжалось мгновение. Она сняла и шляпу, посмотрѣлась въ зеркало и, послюнивъ палецъ, пригладила на вискахъ темно-каштановые акрошкёры. Кречмаръ сѣлъ рядомъ съ ней, не спуская глазъ съ этого лица, въ которомъ все было прелестно, — и жаркій цвѣтъ щекъ, и блестящія отъ ликера губы, и дѣтское выраженіе удлинненныхъ карихъ глазъ, и чуть замѣтное пятнышко на чуть пушистой скулѣ. «Если мнѣ бы сказали, что за это меня завтра казнятъ, — подумалъ онъ, — я все равно бы на нее смотрѣлъ». Даже легкая вульгарность, берлинскій переливъ ея рѣчи, ахи и смѣшки. перенимали особое очарованіе у звучности ея голоса, у блеска бѣлозубаго рта, — и, смѣясь, она сладко жмурилась. Онъ хотѣлъ взять ея руку, но она и этого не позволила. «Ты сведешь меня съ ума», — пробормоталъ Кречмаръ.

Магда хлопнула его по кисти и сказала, тоже на ты: «Веди себя хорошо, будь послушным».

Первой мыслью Кречмара на другое утро было: «Такъ дальше невозможно. Слѣдуетъ взять для нея комнату, — безъ тетки. Такъ устроить, чтобы ей не служить. Мы будемъ одни, мы будемъ одни. Обучать арсу аморису. Она еще такъ молода. Удивительно, какъ это у нея нѣтъ жениха или друга...»

«Ты спишь?» — тихо спросила Аннелиза. Онъ притворно зѣвнулъ и открылъ глаза. Аннелиза, въ голубой ночной сорочкѣ, сидѣла на краю постели и читала письма.

«Что-нибудь интересное?» — спросилъ Кречмаръ, глядя на ея прѣсно-бѣлое предплечье.

«Онъ проситъ у тебя опять денегъ. Говоритъ, что жена и теща больны, что противъ него интригуютъ, — нужно дать».

«Да-да, непременно», — отвѣчалъ Кречмаръ, необычайно живо представивъ себѣ покойнаго отца Магды, — тоже, вѣроятно, стараго, мало даровитаго, разжеваннаго жизнью, художника.

«А это — приглашеніе въ «Палитру», придется пойти. А это — изъ Америки».

«Прочти вслухъ», — попросилъ онъ.

«Глубокоуважаемый господинъ Кречмаръ. Мой повѣренный сообщаетъ мнѣ о томъ живомъ и безпристрастномъ вниманіи, которое вы удѣлили дѣлу о нарушеніи моихъ правъ. Я предполагаю... — »

Тутъ затрещалъ телефонъ на ночномъ столикѣ. Аннелиза цокнула языкомъ и взяла трубку. Кречмаръ, разсѣянно глядя на ея бѣлые, пухлые пальцы, сжимающіе черную трубку, вчужѣ слышалъ микроскопическій голосъ, говорившій съ другою конца.

«А, здравствуйте», — воскликнула Аннелиза и сдѣлала мужу ту опредѣленную, пучеглазую грима-

су, по которой онъ всегда зналъ, что звонить баронесса, большая телефонница. Онъ потянулся за письмомъ изъ Америки, лежащимъ на перинѣ, и, посмотрѣлъ на подпись. Вошла Ирма, всегда приходившая по утрамъ здороваться съ родителями. Она молча поцѣловала отца, молча поцѣловала мать, которая то слушала, то восклицала, и порою кивала вмѣстѣ съ трубкой. «Чтобы никакихъ сюрпризовъ нянѣ сегодня не было», — тихо сказалъ Кречмаръ дочкѣ, намекая на какое-то недавнее прегрѣшеніе. Ирма улыбнулась. Она была некрасивая, со свѣтлыми рѣсницами, съ веснушками надъ блѣдными бровями, и очень худенькая.

«До свиданія, спасибо, до свиданія», — облегченно проговорила Аннелиза и звонко повѣсила трубку. Кречмаръ принялся за чтеніе письма. Аннелиза держала дочь за руки и что-то ей говорила, смѣясь, цѣлуя ее и слегка подергивая послѣ каждой фразы. Ирма все улыбалась и скребла ногой по полу.

Опять затрещалъ телефонъ. Кречмаръ приложилъ трубку къ уху.

«Здравствуй, Бруно Кречмаръ», — сказалъ незнакомый женскій голосъ. «Кто говоритъ?» — спросилъ Кречмаръ и вдругъ почувствовалъ, словно спускается на очень быстромъ лифтѣ. «Нехорошо было меня обманывать, — продолжалъ голосъ, — но я тебя прощаю. Ты слушаешь? Я хотѣла только тебѣ сказать, что... — » «Ошибка, это другой», — хрипло сказалъ Кречмаръ и разъединилъ. Въ то же мгновеніе онъ съ ужасомъ подумалъ, что, какъ онъ давеча слышалъ голосъ, просачивавшійся съ того конца, и даже какъ будто различалъ слова, такъ и Аннелиза теперь могла все слышать. «Что это было? — съ любопытствомъ спросила она. — Отчего ты такой красный?»

«Какая-то дичь! Ирма, уходи, нечего тебѣ тутъ валандаться. Совершенная дичь. Уже десятый разъ попадаютъ ко мнѣ по ошибкѣ. Онъ пишетъ, что вѣроятно пріѣдетъ зимой въ Берлинъ и хочетъ со мной познакомиться».

«Кто пишетъ?»

«Ахъ Господи, никогда ничего сразу не понимаешь. Ну, вотъ этотъ самый, — карикатуристъ, изъ Америки. Этотъ самый Горнъ...»

«Какой Горнъ?» — уютно спросила Аннелиза.

V.

Вечерняя встрѣча выдалась довольно бурная. Весь день Кречмаръ пробылъ дома, боясь, что Магда позвонитъ опять. Это слѣдовало въ корнѣ пресѣчь. Когда она вышла изъ «Аргуса», онъ прямо съ того началъ: «Послушай, Магда, я запрещаю тебѣ звонить ко мнѣ. Это чортъ знаетъ что такое. Если я тебѣ не сообщилъ моей фамиліи, значитъ, были къ тому основанія». «Всего лучшаго», — спокойно проговорила Магда и пошла, не оглядываясь. Онъ далъ ей отойти, постоялъ, беспомощно глядя ей вслѣдъ. Какой промахъ, — надо было смолчать, она въ самомъ дѣлѣ подумала бы, что ошиблась... Тихонько обогнавъ ее, Кречмаръ пошелъ рядомъ. «Прости меня, — сказалъ онъ. — Не нужно на меня сердиться, Магда. Я безъ тебя не могу. Вотъ я все думалъ, — брось службу, это такъ утомляетъ тебя. Я богатъ. У тебя будетъ своя комната, квартира, все что хочешь».

«Я понимаю, въ чемъ дѣло, — проговорила Маг-

да холоднымъ голосомъ. — Ты вѣроятно все-таки женатъ, — какъ я и думала сначала. Иначе ты не былъ бы со мной такъ грубъ по телефону».

«А если я женатъ, — спросилъ Кречмаръ, — ты со мной больше не будешь встрѣчаться?»

«Мнѣ какое дѣло? Надувай ее, ей должно быть полезно».

«Магда, не надо!» — воскликнулъ Кречмаръ, опѣшивъ.

«А ты меня не учи».

«Магда, послушай, это правда, — у меня жена и ребенокъ, — но я прошу тебя, — эти насмѣшки лишнія... Ахъ, погоди, Магда!» — добавилъ онъ, всплеснувъ руками.

«Поди ты къ дьяволу!» — крикнула она и захлопнула ему дверь въ лицо.

«Погадайте мнѣ», — сказала она хозяйкѣ. Та вынула изъ ящика колоду картъ, столь сальныхъ, что изъ нихъ можно было сварить супъ. Появился богатый брюнетъ, потомъ козни, хлопоты, какая-то пирушка... «Надо посмотрѣть, какъ онъ живетъ, — думала Магда, облокотясь на столъ. — Можетъ быть, онъ все-таки шантрапа, и не стоитъ связываться. Согласиться? Не рано ли?»

Черезъ день она позвонила ему снова. Аннелиза была въ ванной. Кречмаръ заговорилъ почти шопотомъ, посматривая на дверь. Несмотря на боязнь, онъ испытывалъ большое счастье оттого, что Магда его простила. «Мое счастье, — сказалъ онъ, вытягивая губы, — мое счастье». «Слушай, когда твоей жены сегодня не будетъ дома?» — спросила она со смѣхомъ. «Не знаю, — отвѣтилъ Кречмаръ, похолодѣвъ, — а что?» «Я хочу къ тебѣ придти на минутку. Онъ помолчалъ. Гдѣ-то стукнула две «Я боюсь дольше говорить», — пробормо

Кречмаръ. «Какой ты трусь. Помни, что, если я къ тебѣ приду, то поцѣлую». «Сегодня не знаю, не выйдетъ, — сказалъ онъ черезъ силу. — Если я сейчасъ повѣшу трубку, не удивляйся, вечеромъ тебя увижу, мы тогда...» Онъ повѣсилъ трубку, и нѣкоторое время сидѣлъ неподвижно, слушая громъ сердца. «Я дѣйствительно трусь, — подумалъ онъ. — Она въ ванной еще провозится съ полчаса...»

«У меня маленькая просьба, — сказалъ онъ Магдѣ при встрѣчѣ. — Сядемъ въ автомобиль, покатаемся». «Въ открытый», вставила Магда. «Нѣтъ, это опасно. Обѣщаю тебѣ, хорошо себя вести», — добавилъ онъ, — любуясь при свѣтѣ фонаря ея подѣтски поднятымъ къ нему лицомъ.

«Вотъ что, — заговорилъ онъ, когда они очутились въ таксомоторѣ. — Я на тебя, конечно, не въ претензіи за то, что ты мнѣ звонишь, но я прошу и даже умоляю тебя больше этого не дѣлать, моя прелесть, мое сокровище» («давно бы такъ», — подумала Магда); «во-вторыхъ, объясни мнѣ, какъ ты узнала мою фамилью». Она безъ всякой надобности солгала, что его дескать знаетъ въ лицо одна ея знакомая, которая ихъ видѣла вмѣстѣ на улицѣ. «Кто такая?» — спросилъ съ ужасомъ Кречмаръ. «Ахъ, простая женщина, родня, кажется, кухарки или горничной, служившей у тебя когда-то». Кречмаръ мучительно напрягъ память. «Я, впрочемъ, сказала ей, что она обозналась, — я умная дѣвочка».

Въ автомобилѣ переливались пятнистыя потемки, она сидѣла до одури близко, отъ нея шло какое-то блаженное, животное тепло, мимо оконъ носился шумный сумракъ ночного Тиргартена...
мру, если не буду ею обладать, или свихнусь»,

— подумаль Кречмаръ и сказалъ: «Въ-третьихъ, насчетъ твоего переселенія. Найди себѣ квартирку въ двѣ-три комнаты съ кухней. Я за все заплачу. Съ условіемъ, что ты мнѣ позволишь къ тебѣ заглядывать». «Ты, кажется, забылъ, Бруно, нашъ утренній разговоръ». «Но это такъ опасно, — воскликнулъ Кречмаръ. — Вотъ, напримѣръ, завтра я буду одинъ приблизительно съ четырехъ до шести. Но мало ли что можетъ случиться...» Онъ себѣ представилъ, какъ жена, ненарокомъ, воротится съ дороги... Молодая художница, нужно ей помочь устроить выставку. «Но я же тебя поцѣлую, — тихо сказала Магда. — И, знаешь, все въ жизни всегда можно объяснить».

Всякая мысль о Магдѣ, о ея тонкомъ отроческомъ сложеніи и шелковистой кожѣ, всегда вызывала у него дрожь въ ногахъ, желаніе застонать. Обѣщанное прикосновеніе казалось такимъ блаженствомъ, что дальше некуда. Однако, за этимъ еще открывалась новая, невѣроятная даль: тамъ ждалъ его взгляда тотъ самый образъ, который еще недавно множество молодыхъ живописцевъ такъ равнодушно и плохо рисовали, поднимая и опуская глаза. Но объ этихъ скучныхъ солнечныхъ часахъ въ студіяхъ Кречмаръ ровно ничего не зналъ. Мало того, — на-дняхъ старый докторъ Лампертъ показывалъ ему папку рисунковъ углемъ, сдѣланныхъ за послѣдній годъ его сыномъ, и среди нихъ былъ портретъ голой стройной дѣвочки съ ожерельемъ на шеѣ и съ темной прядью вдоль склоненнаго лица. «Горбунъ вышелъ лучше», — замѣтилъ Кречмаръ, вернувшись къ другому листу, гдѣ былъ изображенъ бородатый уродъ, со смѣло прочерченными морщинами. «Да, талантливъ», — добавилъ онъ, захлопнувъ папку. И все. Онъ ничего не понялъ.

И сейчас его трясъ ознобъ, онъ ходилъ по кабинету и смотрѣлъ въ окно, и справлялся о времени у всѣхъ часовъ въ домѣ. Магда уже опоздала на двадцать минутъ. «Подожду до половины и спущусь на улицу, — прошепталъ онъ, — а то уже будетъ поздно, поздно, — у насъ такъ мало времени...»

Окно было открыто. Сіялъ мокрый весенній день, по желтой стѣнѣ дома напротивъ струилась тѣнь дыма изъ тѣневой трубы. Кречмаръ высунулся по поясъ, опираясь пальцами о подоконникъ. «Боже мой, слѣдовало ей твердо сказать: ко мнѣ нельзя». Въ это мгновеніе онъ завидѣлъ ее, — она переходила улицу, безъ пальто, безъ шляпы, словно жила по близости.

«Есть еще время сбѣжать, не пустить», — подумалъ онъ, но вмѣсто этого вышелъ въ прихожую и, когда услышалъ ея легкій шагъ на лѣстницѣ, безшумно открылъ дверь.

Магда, въ короткомъ, ярко-красномъ платьѣ, съ открытыми руками, улыбаясь, взглянула въ зеркало, потомъ повернулась на одной ногѣ, приглаживая затылокъ. «Ты роскошно живешь», — сказала она, сіяющими глазами окидывая широкую прихожую, пистолеты и сабли на стѣнѣ, прекрасную темную картину, кремовый кретонъ вмѣсто обоевъ. «Сюда?» — спросила она, толкнувъ дверь, и, войдя, продолжала бѣгать глазами по сторонамъ.

Онъ, замирая, взялъ ее одной рукой за талию и вмѣстѣ съ ней глядѣлъ на люстру, на шелковую мебель, словно и самъ былъ чужой здѣсь, — но видѣлъ, впрочемъ, только солнечный туманъ, все плыло, кружилось, и вдругъ подъ его рукой что-то дивно дрогнуло, бедро ея чуть поднялось, она двинулась дальше. «Однако, — сказала она, перей-

дя въ слѣдующую комнату, — я не знала, что ты такъ богатъ, какіе ковры...»

Буфетъ въ столовой, хрусталь и серебро такъ на нее подѣйствовали, что Кречмару удалось незамѣтно нащупать ея ребра и — повыше — горячую, нѣжную мышцу. «Дальше», — сказала она, облизнувшись. Зеркало отразило: блѣднаго, серьезнаго господина, идущаго рядомъ съ дѣвочкой въ красномъ платьѣ. Онъ осторожно погладилъ ее по голѣй рукѣ, теплой и удивительно ровной, — зеркало затуманилось... «Дальше», — сказала Магда.

Онъ жаждалъ поскорѣе привести ее въ кабинетъ, сѣсть съ ней на диванъ; вернись жена, все было бы просто: посѣтительница, по дѣлу...

«А тамъ что?» — спросила Магда.

«Тамъ дѣтская. Ты все уже осмотрѣла, пойдемъ въ кабинетъ».

«Пусти», — сказала она, заигравъ ключицами.

Онъ всей грудью вздохнулъ, словно не дышалъ все то время, пока держалъ ее, идя съ нею рядомъ.

«Дѣтская, Магда, — я тебѣ говорю: дѣтская».

Она и туда вошла. У него было странное желаніе вдругъ крикнуть ей: пожалуйста, ничего не трогай. Но она уже держала въ рукахъ толстую морскую свинку изъ плюша. Онъ взялъ это изъ ея рукъ и бросилъ въ уголъ. Магда засмѣялась. «Хорошо живется твоей дѣвочкѣ», — сказала она и открыла слѣдующую дверь.

«Магда, полно, — сказалъ съ мольбой Кречмаръ. — Не юли такъ. Отсюда не слышно, кто-нибудь можетъ придти. Все это страшно рискованно».

Но она, какъ взбалмошный ребенокъ, увернулась, черезъ коридоръ вошла въ спальню. Тамъ она сѣла у зеркала, перекинула ногу на ногу, повертѣла въ рукахъ щетку съ серебрянной спинкой, понюхала горлышко флакона.

«Пожалуйста, оставь», — сказалъ Кречмаръ. Тогда она вскочила, отбѣжала къ двуспальной кровати и сѣла на край, по дѣтски поправляя подвязку и показывая кончикъ языка.

«...А потомъ застрѣлюсь...», — быстро подумалъ Кречмаръ.

Но она опять отскочила и, увильнувъ отъ его рукъ, выбѣжала изъ комнаты. Онъ кинулся за ней. Магда захлопнула дверь и, громко дыша и смѣясь, повернула снаружи ключъ (ахъ, какъ колотила въ дверь бѣдная Левандовская!..)

«Магда, отопри», — тихо сказалъ Кречмаръ. Онъ слышалъ ея быстро удаляющіеся шаги. «Отопри», — повторилъ онъ громче. Тишина. Полная тишина. «Опасное существо, — подумалъ онъ. — Какое, однако, фарсовое положеніе». Онъ испытывалъ страхъ, досаду, мучительное чувство обманутой жажды... Неужели она ушла? Нѣтъ, кто-то ходилъ по квартирѣ. Кречмаръ легонько стукнулъ кулакомъ и крикнулъ: «Отопри, слышишь!» Шаги приблизились. Это была не Магда.

«Что случилось? — раздался неожиданный голосъ Макса. — Что случилось? Ты запертъ?» (Боже мой, вѣдь у Макса былъ ключъ отъ квартиры!).

Дверь открылась. Максъ былъ очень красенъ. «Въ чемъ дѣло, Бруно?» — спросилъ онъ съ тревогой.

«Глупѣйшая исторія... Я сейчасъ тебѣ расскажу... Пойдемъ въ кабинетъ, выпьемъ по рюмкѣ».

«Я испугался, — сказалъ Максъ. — Я думалъ Богъ знаетъ что случилось. Хорошо, знаешь, что я зашелъ. Аннелиза мнѣ говорила, что будетъ дома къ шести. Хорошо, что я пришелъ раньше. Хорошо, знаешь. Я думалъ прямо не знаю что. Кто тебя запертъ?»

Кречмаръ стоялъ къ нему спиной, доставая бутылку коньяку изъ шкапа. «Ты никого не встрѣтилъ на лѣстницѣ?» — спросилъ онъ, стараясь говорить спокойно.

«Нѣтъ, я приверженецъ лифта», — отвѣтилъ Максъ.

«Пронесло», — подумалъ Кречмаръ и очень оживился.

«Понимаешь, какая штука, — сказалъ онъ, наливая коньякъ, — былъ воръ. Этого не слѣдуетъ, конечно, сообщать Аннелизѣ, но былъ воръ. Понимаешь, онъ думалъ очевидно, что никого нѣтъ дома, зналъ, что ушла прислуга. Вдругъ слышу шумъ. Выхожу въ коридоръ, вижу: бѣжитъ человѣкъ — вродѣ рабочаго. Я за нимъ. Хотѣлъ его схватить, но онъ оказался ловче и заперъ меня. Потомъ я слышалъ, какъ стукнула дверь, — вотъ я и думалъ, что ты его встрѣтилъ».

«Ты шутишь», — сказалъ Максъ съ испугомъ.

«Нѣтъ, совершенно серьезно...»

«Но вѣдь онъ вѣроятно успѣлъ стащить что-нибудь. Нужно провѣрить. Нужно заявить въ полицію».

«Ахъ, онъ не успѣлъ, — сказалъ Кречмаръ. — Все это произошло мгновенно, я его спугнулъ».

«Но какъ же онъ проникъ? Съ отмычкой, что-ли? Невѣроятно! Пойдемъ, посмотримъ».

Они прошли по всѣмъ комнатамъ, провѣрили замки дверей и шкаповъ. Все было чинно и сохранно. Уже къ концу ихъ изслѣдованія, когда они проходили черезъ библиотечную, у Кречмара вдругъ потемнѣло въ глазахъ, ибо между шкафами, изъ-за вертучей этажерки, выглядывалъ уголокъ ярко-краснаго платья. Какимъ-то чудомъ Максъ ничего

не замѣтилъ, хотя рыскалъ глазами по сторонамъ. Въ столовой онъ распахнулъ створки буфета.

«Оставь, Максъ, довольно, — сказалъ Кречмаръ хрипло. — Ясно, что онъ ничего не взялъ».

«Какой у тебя видъ, — сказалъ Максъ. — Бѣдный! Я понимаю, такія вещи дѣйствуютъ на нервы».

Донеслись звуки голосовъ. Явились: Аннелиза, бонна, Ирма, подруга Ирмы, — толстая съ неподвижнымъ, кроткимъ лицомъ, но аховая озорница. Кречмару казалось, что онъ спитъ, и вотъ — тянется, тянется, самый страшный сонъ, который онъ когда-либо видѣлъ. Присутствіе Магды въ домѣ было чудовищно, невыносимо. Онъ предложилъ всѣмъ отправиться въ театръ, но Аннелиза сказала, что утомлена. За ужиномъ онъ напрягалъ слухъ и не замѣчалъ, что ѣстъ. Максъ все посматривалъ по сторонамъ, — только бы сидѣлъ на мѣстѣ, только бы не разгуливалъ. Была ужасная возможность: дѣти начать рѣзвиться по всѣмъ комнатамъ. Но къ счастью подруга Ирмы скоро ушла. Ему казалось, что всѣ они — и Максъ, и жена, и прислуга, и онъ самъ, — безпрестанно какъ-то расползаются по всей квартирѣ и не даютъ Магдѣ выскользнуть, выбраться, — если вообще она собирается это сдѣлать. Больше компактности, — сыграемъ, что-ли, въ преферансъ. Въ десять Максъ наконецъ ушелъ. Прислуга замкнула за нимъ дверь на цѣпочку, задвинула стальной засовъ, включила контрольный звонокъ, — теперь не выбраться, заперта. «Спать, спать», — сказалъ Кречмаръ женѣ, нервно зѣвая. Они легли. Все было тихо въ домѣ. Вотъ Аннелиза собралась потушить свѣтъ. «Ты спи, — сказалъ онъ, — а я еще пойду почитаю. У меня сонъ пропалъ». Она дремотно улыбнулась. «Только потомъ

не буди меня», — пробормотала она. Въ спальнѣ потемнѣло.

Все было тихо, выжидательно тихо, казалось, что тишина не выдержитъ и вотъ-вотъ разсмѣется. Въ пижамѣ и въ мягкихъ туфляхъ, Кречмаръ безшумно пошелъ по коридору. Странно сказать: страхъ разсѣялся; кошмаръ теперь перешелъ въ то нѣсколько бредовое, но блаженное состояніе, когда можно сладко и свободно грѣшить, ибо жизнь есть сонъ. Кречмаръ на ходу разстегнулъ воротъ пижамы: все въ немъ содрогалось, — ты сейчасъ, вотъ сейчасъ будешь моей. Онъ тихо открылъ дверь библиотечной и включилъ свѣтъ. «Магда, сумасшедшая», — сказалъ онъ жаркимъ шопотомъ. — Это была красная шелковая подушка съ воланами, которую онъ самъ же на-дняхъ принесъ, чтобы на полу, у низкой полки, просматривать фоліанты.

VI.

Магда сообщила хозяйкѣ, что скоро переѣзжаетъ. Все складывалось чудесно, — она и не мечтала, что Кречмаръ столь богатъ. Въ воздухѣ его жилья она почуяла добротность и основательность его богатства. Жена, судя по портретамъ, нимало не походила на даму съ властнымъ лицомъ, опухшими ногами и тяжелымъ характеромъ, которую Магда представляла себѣ; напротивъ, это видно была смиренная, нехваткая женщина, которую можно отстранить безъ труда. Самъ Кречмаръ не только не былъ Магдѣ противенъ. — онъ даже нравился ей. У него была мягкая, благородная наружность,

отъ него вѣяло душистымъ талькомъ и хорошимъ табакомъ. Разумѣется, густое счастье ея первой любви было неповторимо. Она запрещала себѣ вспоминать Мюллера, мѣловую блѣдность его щекъ, горячій мясистый ротъ, длинныя, всепонимающія руки. Когда она все-таки вспоминала, какъ онъ покинулъ ее, ей сразу опять хотѣлось выпрыгнуть изъ окна или открыть газовый кранъ. Кречмаръ могъ до нѣкоторой степени успокоить ее, утолить жаръ, — какъ тѣ прохладныя листья подорожника, которые такъ пріятно прикладывать къ воспаленному мѣсту. А кромѣ всего — Кречмаръ былъ не только прочно богатъ, онъ еще принадлежалъ къ тому міру, гдѣ свободенъ доступъ къ сценѣ, къ кинематографу. Нерѣдко, заперевъ дверь, Магда дѣлала передъ зеркаломъ страшныя глаза или расслабленно улыбалась, а не то прижимала къ виску подразумеваемый револьверъ, и ей сдавалось, что у нея это выходитъ вовсе не хуже, чѣмъ въ Холливудѣ.

Послѣ вдумчивыхъ и осмотрительныхъ поисковъ, она нашла въ отличномъ районѣ неплохую квартиру. Кречмаръ такъ растерялся и обмякъ послѣ ея визита, что она пожалѣла его, сразу взяла деньги, которыя онъ ей сунулъ во время обычной прогулки, — и въ подъѣздѣ поцѣловала его. Пламя этого поцѣлуя осталось при немъ и вокругъ него, будто смутный, цвѣтной ореолъ, въ которомъ онъ и вернулся домой, и который онъ не могъ оставить въ передней, какъ шляпу, и, войдя въ спальню, онъ недоумѣвалъ, неужто жена не увидитъ по его глазамъ, что случилось.

Но Аннелиза, тридцатипятилѣтняя, мирная, Аннелиза, ни разу не подумала о томъ, что мужъ можетъ ей измѣнить. Она знала, что у Кречмара были до женитьбы мелкія увлеченія, она помнила, что

и сама, дѣвочкой, была тайно влюблена въ стараго актера, который приходилъ въ гости къ отцу и смѣшно изображалъ говоръ саксонца; она слышала и читала о томъ, что мужа и жены вѣчно измѣняютъ другъ другу, — объ этомъ были и сплетни, и поэмы, и анекдоты, и оперы. Но она была совершенно просто и непоколебимо убѣждена, что ея бракъ — особенный бракъ, драгоценный и чистый, изъ котораго ни анекдота, ни оперы не сдѣлаешь. Раздражительность и нервность мужа она объясняла погодой, — май выдался необыкновенно странный, то жарко, то ледяные дожди съ градомъ, который звякалъ о стекла и таялъ на подоконникахъ. «Не поѣхать ли намъ куда-нибудь? — вскользь предложила она. — Въ Тироль, скажемъ, или въ Римъ?» «Поѣзжай, если хочешь, — отвѣтилъ Кречмаръ. — У меня дѣла по горло, ты отлично знаешь». «Да нѣтъ, я просто такъ», — примирительно сказала Аннелиза и отправилась съ дочкой смотрѣть на слоненка въ Зоологическомъ Саду.

Другое дѣло Максъ. Исторія съ запертой дверью оставила въ немъ непріятный осадокъ. Кречмаръ не только не заявилъ въ полицію, но даже какъ-будто разсердился, когда Максъ объ этомъ опять заговорилъ. Человѣкъ, который вступаетъ въ рукопашную со взломщикомъ, не такъ то легко примиряется съ этимъ. Максъ невольно задумывался, — старался установить, не замѣтилъ ли онъ все-таки кого-нибудь подозрительнаго, когда входилъ въ домъ, направляясь къ лифту. Вѣдь онъ былъ наблюдателенъ, — онъ замѣтилъ, напримѣръ, кошку, которая выскочила изъ палисадника, дѣвочку въ красномъ платьѣ, для которой придержалъ дверь, пучекъ звуковъ, доносившихся изъ швейцарской, где играло радіо. Очевидно, взломщикъ притаился, пока ползъ вверхъ

тонкоствнный лифтъ. Но откуда все-таки это зыбкое, непріятное чувство?

Въ молодости онъ какъ-то упустилъ жениться, жилъ одинъ, былъ давно въ связи съ пожилой, увядшей актрисой, которая все еще ухитрялась ему измѣнять и потомъ всякій разъ валялась у него въ ногахъ, несказанно его этимъ смущая; дѣльно завѣдывалъ театральной конторой, слылъ отличнымъ гастрономомъ и немного этимъ гордился; писалъ, несмотря на свою толщину, стихи, которыхъ никому не показывалъ, и состоялъ въ обществѣ покровительства животныхъ. Супружеское счастье Кречмаровъ было для него чѣмъ-то плѣнительно святымъ. Когда, черезъ нѣсколько дней послѣ исторіи со взломщикомъ, телефонная Парка соединила его съ Кречмаромъ, пока тотъ говорилъ съ кѣмъ-то другимъ, Макса такъ ошеломили невольно перехваченныя слова, что онъ проглотилъ кусочекъ спички, которой копалъ въ зубахъ. Слова были такія: «...не спрашивай, а покупай, что хочешь, только не звони мнѣ...» «Но ты не понимаешь, Бруно... — » — привередливо и нѣжно проговорилъ женскій голосъ... Тутъ Максъ повѣсилъ трубку, судорожнымъ движеніемъ, словно нечаянно схватилъ змѣю.

Вечеромъ, сидя въ смугло-озаренной гостиной съ сестрой и зятемъ, Максъ не зналъ, какъ держаться, о чемъ говорить. Онъ былъ изъ тѣхъ впечатлительныхъ людей, которые краснѣютъ до слезъ отъ чужой неловкости. Теперь же случилось нѣчто, во сто кратъ худшее.

«Нѣтъ, нѣтъ, это ошибка, это глупое недоразумѣніе», — уговаривалъ онъ себя, глядя на спокойное лицо Кречмара, читавшаго журналъ, на его мягкія домашнія туфли, на тщательность, съ которой онъ разрѣзалъ страницы ножомъ изъ сло-

новой кости... «Не можетъ быть... Меня навела на эти мысли тогдашняя исторія. Слова, которыя я выхватилъ изъ воздуха, объясняются какъ-нибудь очень просто. И какъ же можно обманывать Аннелизу?» Она сидѣла въ углу дивана и подробно, добросовѣстно рассказывала содержаніе пьесы, которую недавно видѣла. У нея были свѣтлые, пустые глаза, лоснился носъ, — тонкій, милый носъ. Максъ кивалъ и улыбался. Онъ, впрочемъ, не понималъ ни слова, точно она говорила по-русски или по-испански.

VII.

Между тѣмъ, Магда сняла приглянувшуюся ей квартиру, наняла кухарку, накупила немало хозяйственныхъ вещей, начиная съ сервиза и кончая туалетной бумагой, заказала визитныя карточки и занялась прихорашиваніемъ комнатъ. Любопытно, что, не взирая на то, что Кречмаръ щедро — и даже съ какимъ-то умиленіемъ — раскошелился, платилъ то онъ собственно вслѣпую, ибо не только не видалъ снятой квартирки, но даже не зналъ адреса: Магда уговорила его, что этакъ гораздо забавнѣе, будетъ ему сюрпризъ, ничего, что нѣскольکو дней пройдетъ безъ встрѣчъ, она по телефону сообщить ему адресъ, когда все будетъ готово, и тогда онъ сразу примчится. Прошла недѣля, предполагалось, что она позвонитъ въ четвергъ, и онъ весь день сторожилъ телефонъ. Но телефонъ блестѣлъ и молчалъ. Въ пятницу онъ рѣшилъ, что Магда надула его и навсегда исчезла. Подвечеръ явился Максъ (эти посѣщенія были теперь адомъ для Макса), Аннелизы не было дома. Максъ сѣлъ

въ кабинетѣ противъ Кречмара и не зналъ, о чемъ говорить. Кречмаръ давно замѣтилъ, что Максъ держится странно. «Вѣроятно, съ дѣлами неурядицы», — смутно подумалъ онъ. Максъ курилъ и смотрѣлъ на кончикъ своей сигары. Онъ даже какъ-будто похудѣлъ за послѣднее время. «Выслѣдиль, — съ минутнымъ содроганіемъ подумалъ Кречмаръ. — Ну, и пускай. Онъ мужчина, онъ долженъ понять». (Это была очень фальшивая мысль). Вошла Ирма, и Максъ оживился, посадилъ ее къ себѣ на колѣни, смѣшно ёкнулъ, когда она, садясь, нечаянно въѣхала кулачкомъ въ его упругій животъ. Аннелиза вернулась. Кречмару вдругъ показалась невыносимой перспектива ужина, длиннаго вечера. Онъ объявилъ, что не ужинаетъ дома, пожалъ плечами, когда жена ласково спросила, почему онъ раньше не предупредилъ, поцѣловалъ дочку въ лобъ и, торопясь, вышелъ.

Имъ владѣло одно желаніе: во что бы то ни стало, сейчасъ же, разыскать Магду, — судьба не имѣла права, посуливъ такое блаженство, притвориться, что ничего не обѣщано. Его охватило такое отчаяніе, что онъ рѣшился на довольно опасный шагъ. Онъ зналъ, что прежняя ея комната выходила во дворъ, онъ зналъ также, что она тамъ жила со своей теткой. Туда-то онъ и направился. Проходя черезъ дворъ, онъ увидѣлъ какую-то горничную, стелившую въ одной изъ нижнихъ комнатъ у открытаго окна постель. «Фрейлейнъ Петерсъ? — переспросила она. — Кажется, съѣхала. Впрочемъ, посмотрите сами. Пятый этажъ, лѣвая дверь».

Кречмару открыла растрепанная женщина съ красными глазами, но цѣпочки не сняла, говорила съ нимъ черезъ шелку. «Я хочу узнать новый адресъ фрейлейнъ Петерсъ, — сказалъ Кречмаръ. —

Она тутъ жила со своей теткой». «Съ теткой?» — не безъ интереса произнесла женщина и только тогда сняла цѣпочку. Она его ввела въ крохотную комнату, гдѣ все дрожало и звякало отъ малѣйшаго движенія, и гдѣ на клеенчатой скатерти стояла тарелка съ картофельнымъ пюре, соль въ прорванномъ мѣшечкѣ, три пустыхъ бутылки изъ-подъ пива, — и какъ-то загадочно улыбаясь, предложила ему сѣсть.

«Если бы я была ея теткой, — сказала она, подмигнувъ, — то вѣроятно я не знала бы ея адреса. Тетки, — добавила она, — никакой, собственно, у нея нѣтъ». «Пьяна», — подумалъ съ тоской Кречмаръ. «Послушайте, — проговорилъ онъ, — я васъ прошу сказать мнѣ, куда она переѣхала». «Она у меня снимала комнату», — задумчиво сказала та, съ горечью размышляя о неблагодарности Магды, скрывшей и богатаго друга, и новый свой адресъ, который, впрочемъ, оказалось нетрудно вынюхать. «Какъ же быть? — воскликнулъ Кречмаръ. — Гдѣ же я могу узнать?» Хозяйкѣ стало жаль его. Она не могла рѣшить, удовольствіе или непріятность доставить она Магдѣ тѣмъ, что сообщить адресъ этому нарядному, взволнованному, синеглазому господину, — но было такъ грустно смотрѣть на него, что она, вздохнувъ, дала ему нужную справку. «И за мной раньше охотились, и за мной, — бормотала она, провожая его, — да-да, и за мной...»

Было около восьми, легкія сумерки оживлялись нѣжными оранжевыми огнями, небо было еще совсѣмъ голубое, и отъ него кружилась голова. «Сейчасъ будетъ рай», — думалъ Кречмаръ, летя въ таксомоторѣ по дымчатому асфальту.

На двери была ея визитная карточка. Угрюмая бабища, съ красными какъ сырое мясо руками, пошла о немъ доложить. «Уже кухарку завела, —

восторженно подумалъ Кречмаръ. — Вотъ мы какіе». «Пожалуйте», — сказала та, вернувшись. Онъ пригладилъ волосы и вошелъ. Магда въ кимоно лежала на цвѣтистой кушеткѣ, заломивъ обнажившіяся руки; на животѣ у нея покоилась корешкомъ вверхъ открытая книга. Комната была до нельзя безвкусно обставлена, и это его растрогало.

«Ну, здравствуй», — сказала Магда, протягивая руку съ несвойственной ей лѣнивой томностью.

«Ты какъ будто знала, что я сегодня приду, — прошепталъ онъ, сдерживая смѣхъ. — Спроси, какъ я выюлилъ твой адресъ».

«Я жъ тебѣ написала адресъ», — проговорила она, держа его за пальцы.

«Нѣтъ, это было уморительно, — продолжалъ Кречмаръ, не слушая ея и съ нарастающимъ чувствомъ наслажденія глядя на эти подвижныя губы, которыя онъ сейчасъ поцѣлуетъ. — Это было уморительно... И ты очень гадкая, что выдумала тетку».

«Зачѣмъ ты ходилъ туда? — произнесла Магда недовольно. — Вѣдь я же написала тебѣ мой адресъ. Справа наверху, совершенно отчетливо».

«Наверху? Отчетливо? — удивленно повторилъ Кречмаръ. — О чемъ ты?»

Она хлопнула по книгѣ и слегка привстала.

«Да вѣдь письмо ты получилъ?»

«Какое письмо?» — спросилъ Кречмаръ, и вдругъ приложилъ ладонь ко рту, и глаза его расширились.

«Я сегодня утромъ послала тебѣ письмо, — сказала Магда, глядя на него съ любопытствомъ. — Я такъ и рассчитала, что ты съ вечерней почтой получишь его и сразу придешь».

«Не можетъ быть», — выговорилъ Кречмаръ.

«Ахъ, я могу тебѣ пересказать. Дорогой, любимый Бруно, гнѣздышко свито, и я жду тебя. Только не цѣлуй слишкомъ крѣпко, а то у твоей дѣвочки можетъ закружиться головка... Все».

«Магда, — сказалъ онъ тихо. — Магда, что ты надѣлала... Вѣдь я ушелъ раньше. Вѣдь почти приходитъ въ безъ четверти восемь. Вѣдь сейчасъ...»

«Опять я виновата, — сказала она. — Не смѣй на меня сердиться. Я ему такъ мило пишу, а онъ... Прямо обидно».

Она дернула плечомъ, взяла книгу и повернулась на бокъ. На лѣвой страницѣ была картинка: Грета Гарбо, гримирующаяся передъ зеркаломъ.

Кречмаръ мелькомъ подумалъ: «Какъ странно, — случается катастрофа, а человѣкъ замѣчаетъ какую-то картинку». Часы показывали безъ двадцати восемь. Магда лежала, изогнутая и неподвижная, какъ ящерица.

«Ты же меня погубила... Ты меня», — началъ онъ, но не dokonчилъ и выбѣжалъ изъ комнаты, загремѣлъ внизъ по лѣстницѣ, замахалъ проѣзжавшему таксомотору, вскочилъ въ него, — и, сидя на краешкѣ, поддавшись впередъ, глядѣлъ на спину шофера и бормоталъ: «Что же это такое, Господи... я не успѣю... я не успѣю...»

Автомобиль остановился. Онъ выпрыгнулъ. Близъ палисадника знакомый почтальонъ, разставивъ ноги херомъ, говорилъ съ толстякомъ швейцаромъ «Мнѣ есть письма?» — задыхаясь спросилъ Кречмаръ. «Только что отнесъ къ вамъ наверхъ», — отвѣтилъ почтальонъ съ дружелюбной улыбкой.

Кречмаръ поднялъ глаза. Окна его квартиры были уже освѣщены. Онъ почувствовалъ, что теря-

еть власть надъ собой, и, чтобы только не оставаться на одномъ мѣстѣ, вошелъ въ домъ, началъ подниматься. Одна площадка. Вторая. Молодая художница, ей нужно устроить выставку. Знаешь, былъ воръ, я хотѣлъ его схватить... Землетрясеніе, бездна... Она уже прочла, она уже все знаетъ. Кречмаръ, не дойдя до своей двери, вдругъ повернулъ и побѣжалъ внизъ. Мелькнула кошка, гибко скользнула сквозь рѣшетку.

Черезъ пять минутъ онъ опять вошелъ въ ту комнату, въ которую недавно входилъ съ такимъ счастливымъ трепетомъ. Магда лежала на кушеткѣ, все въ той же позѣ застывшей ящерицы. Книга была открыта все на той же страницѣ — гримирующаяся Грета. Онъ сѣлъ поодаль на стулъ и принялся трещать суставами пальцевъ.

«Перестань», — сказала Магда, не поднимая головы.

Онъ пересталъ, но вскорѣ началъ опять.

«Ну что же, письмо пришло?»

«Ахъ, Магда...» — тихо произнесъ онъ и прочистилъ горло. Потомъ снова прочистилъ еще громче и сказалъ пѣтушинымъ голосомъ: «Поздно, поздно, почтальонъ уже выходилъ».

Онъ всталъ, прошелся раза два по комнатѣ, высморкался и сѣлъ снова на то же мѣсто.

«Она читаетъ всѣ мои письма, ты вѣдь это знаешь...» — проговорилъ онъ, глядя сквозь дрожащій туманъ на носокъ своего башмака и легонько топая имъ по расплывчатому узору на коврѣ.

«Ты бы ей запретилъ».

«Ахъ, Магда, что ты понимаешь въ этомъ... Такъ было заведено, такъ было всегда... Особенно по вечерамъ. Были всякія смѣшныя письма... Какъ ты

могла... Я просто не знаю, что она сдѣлаетъ теперь. Вѣдь не можетъ быть такого чуда... Ну, хоть этотъ разъ, хоть этотъ, — была занята другимъ, отложила, забыла... Ты понимаешь, Магда, что это бессмысленно, — чудесъ не бываетъ».

«Ты только не выходи въ прихожую, когда она прикатитъ. Я одна къ ней выйду».

«Кто? Когда?» — спросилъ онъ, неясно представивъ себѣ почему-то давешнюю полупьяную женщину.

«Когда? Вѣроятно, сейчасъ. У нея вѣдь теперь есть мой адресъ».

Кречмаръ все не понималъ.

«Ахъ, ты вотъ о чемъ, — сказалъ онъ наконецъ. — Вотъ о чемъ... Боже мой, какая же ты глупая, Магда. Повѣрь, что какъ разъ это никакъ не можетъ случиться. Все, — но только не это...»

«Тѣмъ лучше», — подумала Магда, и ей стало вдругъ чрезвычайно весело. Посылая письмо, она рассчитывала на гораздо меньшее: мужъ не показываетъ, жена злится, топаетъ ногой, старается вырвать... Первая брешь сомнѣнія была бы пробита, и это облегчило бы Кречмару дальнѣйшій путь. Теперь же случай помогъ, все разрѣшилось однимъ махомъ. Она отложила книгу и посмотрѣла съ улыбкой на его дрожащія губы. Съ нимъ происходило неладное, — наступила чрезвычайно важная минута, — и если не принять должныхъ мѣръ... Магда вытянулась, хрустнула плечами, почувствовала въ своемъ стройномъ тѣлѣ вполнѣ пріятное предвкушеніе и сказала, глядя въ потолокъ:

«Пройди сюда, Бруно».

Онъ подошелъ; сокрушенно мотая головой, сѣлъ на край кушетки.

«Обними же меня, — произнесла она, жмурясь, — ужъ такъ и быть — я тебя утѣшу».

Берлинъ, майское утро, еще очень рано. Въ плющѣ егозятъ воробьи. Толстый автомобиль, развозящій молоко, шелеститъ шинами, словно по шелку. Въ слуховомъ окошкѣ на скатѣ черепичной крыши отблескъ солнца. Воздухъ еще не привыкъ къ звонкамъ, къ гудкамъ и принимаетъ, и носитъ эти звуки, какъ нѣчто новое, ломкое, дорогое. Въ палисадникахъ цвѣтеть сирень; бѣлыя бабочки, несмотря на утренній холодокъ, летаютъ тамъ и сямъ, будто въ деревенскомъ саду. Все это окружило Кречмара, когда онъ вышелъ изъ дома, гдѣ провелъ ночь.

Онъ чувствовалъ мертвую зыбь во всемъ тѣлѣ, — и ѣсть хотѣлось, и вмѣстѣ съ тѣмъ слегка поташнивало, и все было какое-то чужое, — неуютное прикосновеніе бѣлья къ кожѣ, нервное ощущеніе небритости. Не диво, что былъ онъ такъ опустошенъ: эта ночь явилась той, о которой онъ, въ концѣ концовъ, только и думалъ съ маниакальной силою всю жизнь. Разнузданность этой шестнадцатилѣтней дѣвочки лишь обострила его счастье, — уже потому, какъ она сводила лопатки, мурлыкала, закидывала голову, когда онъ, только еще раздѣвалъ ее, щекоталъ ее губами, Кречмаръ понялъ, что не холодноватая поволока невинности ему нужна, а вотъ именно эта рѣзвая природная отзывчивость. Тогда и онъ сразу, какъ въ самыхъ своихъ распущенныхъ снахъ, сбросилъ съ себя привычное бремя робкой и неуклюжей сдержанности. Въ этихъ снахъ, посѣщавшихъ его такъ давно, ему постоянно мерещилось, что онъ выходитъ изъ-за скалы на пустынный пляжъ, и вдругъ навстрѣчу — молоденькая купальщица. У Магды былъ

точь-въ-точь снившійся ему очаровательный очеркъ, — развязная естественность наготы, точно она давно привыкла бѣгать раздѣтой по взморью его сновъ. Она была подвижна и неугомонна, — жаркое дыханіе, акробатическія ласки, послѣ краткаго полуобморока, она оживлялась снова, — подпрыгивала на матрацѣ и, смѣясь, перелѣзала черезъ грядку кровати, и ходила по комнатѣ, нарочито виляя отроческими бедрами, глядясь въ зеркало и грызя сухую, оставшуюся съ утра, булочку.

Заснула она какъ-то вдругъ — будто замолкла на полусловѣ, — уже тогда, когда въ комнатѣ электричество стало оранжевымъ, а окно дымно-синимъ. Кречмаръ направился въ ванную каморку, но, добывъ изъ крана только нѣсколько капель ржавой воды, вздохнулъ, двумя пальцами вынулъ изъ ванны мочалку, посмотрѣлъ на подозрительно розовое мыло, подумалъ, что прежде всего придется научить Магду чистотѣ. Брезгливо одѣвшись, и положивъ на столикъ записку, онъ любовался, какъ спитъ Магда, прикрылъ ее периной, поцѣловалъ въ теплые, растрепанные, темные волосы и тихо вышелъ.

И теперь, шагая вдоль пустой улицы и проникаясь жалостью къ прозрачному, невинному утру, онъ понималъ, что начинается расплата, — и постепенно, тяжелыми волнами, приливали думы о женѣ, о дочери. Когда онъ увидѣлъ домъ, гдѣ прожилъ съ Аннелизой такъ долго, когда тронулся лифтъ, въ которомъ лѣтъ девять тому назадъ поднялись румяная мамка съ его ребенкомъ на рукахъ и очень блѣдная, очень нѣжная Аннелиза, — когда онъ остановился передъ дверью, на которой холодно и безгрѣшно золотилась его фамилія, Кречмаръ почти былъ готовъ отказаться отъ повторенія этой ночи, — только бы случилось чудо. Онъ

говорилъ себѣ, что, если все-таки Аннелиза письма не прочла, ночное свое отсутствіе онъ объяснить какъ-нибудь, — даже пожертвуетъ своей репутаціей трезвенника, — напился пьянъ, буянилъ, мало ли что бываетъ... Однако, слѣдовало отпереть вотъ эту дверь и войти, и увидѣть... что увидѣть? Это просто нельзя было представить себѣ. «Можетъ быть, не войти вовсе, оставить все такъ, какъ есть, уѣхать, зарыться...» Вдругъ онъ вспомнилъ, какъ на войнѣ приходилось покидать прикрытие.

Въ прихожей онъ замеръ, прислушиваясь. Тишина. Обычно въ этотъ утренній часъ квартира бывала уже полна звуковъ, — шумѣла гдѣ-то вода, бонна звонко говорила съ Ирмой, въ столовой звякала горничная... Тишина. Посмотрѣвъ въ уголъ, онъ замѣтилъ въ стойкѣ женинъ зонтикъ. Внезапно появилась Фрида, — почему-то безъ передника, — и сказала съ отчаяніемъ въ голосъ: «Госпожа съ маленькой барышней уѣхали, еще вечеромъ уѣхали». «Куда?» — спросилъ Кречмаръ, глядя въ уголъ. Фрида все объяснила, говоря скоро и крикливо, а потомъ разрыдалась и, рыдая, взяла изъ его рукъ шляпу и трость. «Вы будете пить кофе?» — спросила она сквозь слезы. «Да, все равно, кофе...»

Въ спальнѣ былъ многозначительный беспорядокъ. Желтое платье жены лежало на постели. Одинъ изъ ящиковъ комода былъ выдвинутъ. Со стола исчезли портреты покойнаго тестя и дочери. Завернулся уголъ ковра.

Онъ поправилъ коверъ и тихо пошелъ въ кабинетъ. Тамъ, на бюварѣ, лежало нѣсколько распечатанныхъ писемъ. Какой дѣтскій почеркъ у Магды. Драйеры приглашаютъ на балъ. Отъ Горна, —

пустыя любезности черезъ океанъ. Счетъ отъ дантиста.

Часа черезъ два явился Максъ. Онъ видно неудачно побрился: на толстой щекѣ былъ черный крестъ пластыря. «Я пріѣхалъ за ея вещами», — сказалъ онъ на ходу. Кречмаръ пошелъ за нимъ слѣдомъ и молча смотрѣлъ, какъ онъ и Фрида то-ропливо, словно спѣша на поѣздъ, наполняютъ сундукъ. «Не забудьте зонтикъ», — проговорилъ Кречмаръ вяло. Потомъ въ дѣтской повторилось то же самое. Въ комнатѣ бонны уже стоялъ аккуратно запертый чемоданъ, — взяли и его.

«Максъ, на два слова», — пробормоталъ Кречмаръ и, кашлянувъ, пошелъ въ кабинетъ. Максъ послѣдовалъ за нимъ и сталъ у окна. «Это катастрофа», — сказалъ Кречмаръ. Молчаніе.

«Одно могу вамъ сообщить, — произнесъ наконецъ Максъ, глядя въ окно. — Аннелиза едва ли выживетъ. Вы... она...» Максъ осѣкся, и черный крестъ на его щекѣ нѣсколько разъ подпрыгнулъ.

«Она все равно что мертвая. Вы ее... вы съ ней... Собственно говоря, вы такой подлецъ, какихъ мало».

«Ты очень грубъ», — сказалъ Кречмаръ и попробовалъ улыбнуться.

«Но вѣдь это же чудовищно, — вдругъ крикнулъ Максъ, впервые съ минуты прихода посмотрѣвъ на него. — Гдѣ ты подцѣпилъ ее? Почему эта паскудница смѣетъ тебѣ писать?»

«Но, но, потише», — произнесъ Кречмаръ съ бессмысленной угрозой.

«Я тебя ударю, честное слово, ударю!» — продолжалъ еще громче Максъ.

«Постыдись Фриды — пробормоталъ Кречмаръ. — Она вѣдь все слышитъ. Это катастрофа».

«Ты мнѣ отвѣтишь?» — и Максъ хотѣлъ его схватить за лацканъ. Кречмаръ вяло шлепнулъ его по рукѣ.

«Не желаю допроса, — сказалъ онъ, — все это крайне оскорбительно. Можетъ быть, это странное недоразумѣніе. Можетъ быть, ничего такого нѣтъ...»

«Ты лжешь, — заоралъ Максъ и стукнулъ объ полъ стуломъ. — Ты лжешь! Я только что былъ у нея. Продажная дѣвченка, которую слѣдуетъ отдать въ исправительный домъ. Я зналъ, что ты будешь лгать. Какъ ты могъ, негодяй! Вѣдь это даже не развратъ, это... —

«Довольно, довольно», — задышающимъ голосомъ перебилъ Кречмаръ.

Проѣхалъ грузовикъ, задрожали стекла оконъ.

«Эхъ ты, — сказалъ Максъ съ неожиданнымъ спокойствіемъ и грустью. — Кто могъ подумать...»

Онъ вышелъ. Фрида всхлипывала въ прихожей. Кто-то выносилъ сундуки. Потомъ все стихло.

IX.

Въ полдень Кречмаръ съ однимъ чемоданомъ перѣѣхалъ къ Магдѣ. Фриду оказалось нелегко уговорить остаться въ пустой квартирѣ. Она, наконецъ, согласилась, когда онъ предложилъ, чтобы въ бывшую комнату бонны вселился бравый вахмистръ, Фридинъ женихъ. На всѣ телефонныя звонки она должна была отвѣчать, что Кречмаръ съ семьей неожиданно отбылъ въ Италію.

Магда встрѣтила его холодно. Утромъ ее разбудилъ бѣшеный толстякъ, искалъ Кречмара и дважды назвалъ ее потаскухой. Кухарка, женщина недюжинныхъ силъ, вытолкала его вонъ. «Эта квартира, собственно говоря, рассчитана на одного человѣка», — сказала она, взглянувъ на чемоданъ Кречмара. «Пожалуйста, я прошу тебя», — взмолился онъ. «Вообще намъ придется еще о многомъ поговорить, я не намѣрена выслушивать грубости отъ твоихъ идіотовъ родственниковъ», — продолжала она, расхаживая по комнатѣ, въ красномъ шелковомъ халатикѣ, дымя папиросой. Темные волосы налѣзали на лобъ, это придавало ей нѣчто цыганское.

Послѣ обѣда она поѣхала покупать граммофонъ; — почему граммофонъ, почему именно въ этотъ день? Разбитый, съ сильной головной болью, Кречмаръ остался лежать на кушеткѣ въ безобразной гостиной и думалъ: «Вотъ случилось что-то неслыханное, а я въ концѣ концовъ довольно спокоенъ. У Аннелизы обморокъ длился двадцать минутъ, и потомъ она кричала, — вѣроятно это было невыносимо слушать, — а я спокоенъ... Развестись я съ ней не могу, потому что все-таки она моя жена, — и нѣтъ у меня никакого внутренняго права на разводъ, — я Аннелизу люблю, я конечно застрѣлюсь, если она умретъ изъ-за меня. Интересно, какъ объяснили Ирма переѣздъ на квартиру Макса, спѣшку, безтолочь. Какъ противно Фрида говорила объ этомъ: «И она кричала, и она кричала», — съ ужаснымъ удареніемъ на «и». Странно Аннелиза никогда въ жизни не повышала голоса.

На слѣдующій день, пользуясь отсутствіемъ Магды, которая отправилась закупить пластинокъ, Кречмаръ составилъ женѣ длинное письмо, въ которомъ совершенно искренне, но слишкомъ крас-

норѣчиво, объяснялъ, что любить ее какъ прежде, — несмотря на увлеченіе, «разомъ испепелившее наше семейное счастье». Онъ плакалъ, и прислушивался, не идетъ ли Магда, и продолжалъ писать, плача и шепча. Онъ просилъ прощенія у жены, просилъ беречь дочь, не давать ей возненавидѣть недостойнаго, но несчастнаго отца, — однако, изъ письма не было видно, готовъ ли онъ отъ увлеченія отказаться, коли жена проститъ. Отвѣта онъ не получилъ.

Тогда онъ понялъ, что, если не хочетъ мучиться, долженъ оподлиться безусловно, безоговорочно и вымарать образъ семьи изъ памяти, и всецѣло отдаться чудовищной, безобразной, почти болѣзненной страсти, которую возбуждала въ немъ веселая красота Магды. Она же была всегда готова раздѣлить съ нимъ любовную падучую, сколько угодно, въ любое время дня и ночи, это только освѣжало ее, она была рѣзва, безпечна, — благо врачъ еще въ прошломъ году объяснилъ ей, что забеременѣть она неспособна. Кречмаръ научилъ ее каждое утро принимать ванну съ мыломъ, вмѣсто того, чтобы только мыть шею и руки, какъ она дѣлала раньше. Ногти у нея были теперь всегда чистые, и не только на рукахъ, но и на ногахъ отливали земляничнымъ лакомъ. Она сбрила темнорусые волоски подмышками и больно порѣзалась жиллетнымъ клинкомъ. Видъ крови въ ней вызывалъ тошноту и головокруженіе. Кречмаръ бросился въ аптеку, принесъ желтой ваты, іоду, еще чего-то.

Онъ открывалъ въ ней все новыя очарованія, — а то, что въ другой показалось бы ему вульгарнымъ лукавствомъ или грубымъ безстыдствомъ, въ Магдѣ — только трогало и смѣшило его. Еще полудѣтское очертаніе ея тѣла и откровенное сластолюбіе, — медленное погасаніе этихъ долго-

ватыхъ глазъ, словно постепенно темнѣющіе слои свѣта въ театральномъ залѣ, доводили его до такого безумія, что онъ въ конецъ утрачивалъ всякое тѣлесное приличіе — ту сдержанность, которой отличались его классическія объятія со стыдливой женой.

Онъ почти не выходилъ изъ дому, боясь встрѣтить знакомыхъ, и отпускалъ отъ себя Магду скрѣпя сердце, и то лишь утромъ, — на охоту за чулками и шелковымъ бѣльемъ. Его удивляло въ ней отсутствіе любознательности, — она не спрашивала ничего изъ его прежней жизни, принадлежа къ числу тѣхъ людей, которые представляютъ себѣ ближняго по извѣстной схемѣ и схемѣ этой довѣряютъ вполнѣ. Онъ старался, иногда, занять ее своимъ прошлымъ, говорилъ о дѣтствѣ, о матери, которую помнилъ лишь смутно и объ отцѣ, крутомъ сангвиникѣ, любившемъ своихъ лошадей, своихъ собакъ, дубы и пшеницу своего помѣстья, и умершаго внезапно, — и отчего? — отъ сочнаго, тряскаго смѣха, которымъ разразился въ бильярдной, гдѣ гость-краснобай, шмякая кулакомъ въ ладонь, выкрикивалъ сальный анекдотецъ.

«Какой? Расскажи», — попросила Магда, облизнувшись, но онъ не зналъ какой.

Онъ говорилъ далѣе о ранней своей страсти къ живописи, о работахъ своихъ, о цѣнныхъ находкахъ, о томъ, какъ чистятъ картину — чеснокомъ и толченой смолой, — какъ старый лакъ обращается въ пыль, какъ подъ фланелевой тряпкой, смоченной скипидаромъ, исчезаетъ грубая, черная тѣнь, и вотъ расцвѣтаетъ баснословная красота, — голубые холмы, излучистая восковая тропинка, маленькіе пилигримы...

Магду занимало главнымъ образомъ, сколько стоитъ такая картина.

Когда же онъ говорилъ о войнѣ, о томъ, какъ онъ мучился въ окопахъ, она удивлялась, почему онъ, ежели богатъ, не устроился въ тылу. «Какая ты смѣшная! — восклицалъ Кречмаръ, цѣлуя ее въ шею, — Господи, какая ты смѣшная!..»

Магдѣ бывало скучно по вечерамъ, — ее влекли кинематографы, нарядные кабаки, негритянская музыка. «Все будетъ, все будетъ, — говорилъ онъ. — Ты только потерпи, дай мнѣ отдышаться, сообразить, обвыкнуть. У меня всякіе планы... Мы еще махнемъ куда-нибудь, вотъ ты увидишь...»

Онъ оглядывалъ гостиную, и его поражало, что онъ, не терпѣвшій безвкусія въ вещахъ, полюбилъ это нагроможденіе ужасовъ, эти модныя мелочи обстановки, кѣторыми безъ разбора плѣнялись Магда. На все падалъ отсвѣтъ его страсти и все оживлялъ.

«Мы очень мило устроились, правда, Магда?»

Она снисходительно соглашалась. Она знала, что все это только временно. Воспоминаніе о богатой квартирѣ Кречмара было неотразимо, но конечно не слѣдовало спѣшить.

Какъ-то, въ началѣ іюня, Магда пѣшкомъ шла отъ модистки и уже приближалась къ дому, когда кто-то сзади схватилъ ее за руку, повыше локтя. Она обернулась. Это былъ ея братъ Отто. Онъ непріятно ухмылялся. Поодаль, тоже ухмыляясь, но сдержаннѣе, стояли двое его товарищей.

«Здравствуй, дитя, — сказалъ онъ. — Нехорошо забывать родныхъ».

«Оставь мой локоть», — тихо произнесла Магда, опустивъ рѣсницы.

Отто подбоченился. «Какъ ты мило одѣта, — проговорилъ онъ, оглядывая ее съ головы до ногъ. — прямо можно сказать дамочка».

Магда повернулась и пошла. Но онъ опять схватилъ ее и сдѣлалъ ей больно. «Ау-уа!» — тихо вскрикнула она, какъ бывало въ дѣтствѣ.

«Ну-ка ты, — сказалъ Отто. — Я уже третій день наблюдаю за тобой. Знаю, какъ ты живешь. Однако, мы лучше отойдемъ отсюда...»

«Пусти, пусти», — прошептала Магда, стараясь отлѣпить его пальцы. Кое-кто изъ прохожихъ остановился и смотрѣлъ, мечтая о скандалѣ. Домъ былъ совсѣмъ близко. Кречмаръ могъ случайно выглянуть въ окно. Это было бы плохо.

Она тронулась, поддаваясь его нажиму. Отто повелъ ее за уголь. Подошли, осклабясь и болтая руками, остальные двое, — Каспаръ и Куртъ. «Что тебѣ нужно отъ меня?» — спросила Магда, съ ненавистью глядя на мятый картузь брата, на папиросу за ухомъ, на голую бычью шею. Онъ мотнулъ головой. «Пойдемъ вотъ туда — въ кабакъ».

«Отвяжись!» — крикнула она. Тѣ двое подступили совсѣмъ близко и, урча, затѣснили ее. Ей сдѣлалось страшно.

Они вчетверомъ вошли въ темный трактиръ. У стойки нѣсколько людей хрипло и громко о чемъ-то разсуждали. «Сядемъ сюда, въ уголь», — сказалъ Отто.

Сѣли. Магда живо вспомнила, какъ она съ братомъ и вотъ съ этими загорѣлыми молодцами ѣздила за городъ купаться. Они учили ее плавать и цапали за голыя ляжки. У одного изъ нихъ, у Каспара, была на кисти и на груди бирюзовая татуировка. Валялись на берегу, осыпали другъ друга жирнымъ бархатнымъ пескомъ, они хлопали ее по мокрому купальному костюму, какъ только она ложилась ничкомъ. Все это было такъ чудесно, такъ весело. Особенно, когда мускулистый, свѣтловолосый Каспаръ выбѣгалъ на берегъ, тряся руками,

будто съ холоду и приговаривая: «Вода мокрая, мокрая». Плавая, держа ротъ подъ поверхностью, онъ умѣлъ издавать громкіе, тюленьи звуки. Выйдя изъ воды, онъ прежде всего зачесывалъ волосы назадъ и осторожно надѣвалъ картузъ. Помнится, играли въ мячъ, а потомъ она легла, и они ее облѣпили пескомъ, оставивъ только лицо открытымъ, и камушками выложивъ крестъ.

«Вотъ что, — сказалъ Отто, когда появились на столѣ четыре кружки свѣтлаго пива. — Ты не должна стыдиться своей семьи только потому, что у тебя есть богатый другъ. Напротивъ, ты должна о семьѣ заботиться». Онъ отпилъ пива, отпили и его товарищи. Они оба глядѣли на Магду насмѣшливо и недружелюбно.

«Ты все это говоришь наобумъ, — съ достоинствомъ произнесла Магда. — Дѣло обстоитъ иначе, чѣмъ ты думаешь. Мы женихъ и невѣста, вотъ что».

Все трое разразились хохотомъ. Магда почувствовала къ нимъ такую непріязнь, что отвела глаза и стала щелкать затворомъ сумки. Отто взялъ сумку изъ ея руки, открылъ, нашелъ тамъ только пудреницу, ключи и три марки съ полтиной. Деньги онъ вынулъ, замѣтивъ, что онѣ пойдутъ на уплату за пиво. Послѣ чего онъ съ поклономъ положилъ сумку передъ ней на столъ.

Заказали еще пива. Магда тоже глотнула, — черезъ силу — она пива не терпѣла, — но иначе они бы и это выпили. «Мнѣ можно теперь итти?» — спросила она, приглаживая акрошкеры.

«Какъ? Развѣ не пріятно посидѣть въ кабачкѣ съ братомъ и друзьями? — удивился Отто. — Ты, Магда, очень измѣнилась. Но, главное — мы еще не поговорили о нашемъ дѣлѣ...»

«Ты меня обокралъ, и теперь я ухожу».

Опять всё заурчали, какъ давеча на улицѣ, и опять ей стало страшно.

«О кражѣ не можетъ быть и рѣчи, — злобно сказалъ Отто. — Это деньги не твои, а деньги, высосанные такъ или иначе изъ нашего брата. Ты эти фокусы оставь — насчетъ кражъ. Ты — — ». Онъ сдержалъ себя и заговорилъ тише. «Вотъ что, Магда. Изволь сегодня же взять у твоего друга немного денегъ, для меня, для семьи. Марокъ пятьдесятъ. Поняла?»

«А если я этого не сдѣлаю?» — спросила Магда.

«Тогда будетъ месть, — отвѣтилъ Отто спокойно. — О, мы все знаемъ про тебя... Невѣста, — скажите пожалуйста!»

Магда вдругъ улыбнулась и прошептала, опустивъ рѣсницы: «Хорошо, я достану. Теперь все? Я могу идти?»

«Да постой же, постой, куда ты такъ торопишься? И вообще, знаешь, надо видаться, мы поѣдемъ какъ-нибудь за-городъ, — правда?» — обратился онъ къ друзьямъ. — «Вѣдь бывало такъ славно. Не зазнавайся, Магда».

Но она уже встала, — допивала стоя свое пиво.

«Завтра въ полдень на томъ же углу», — сказалъ Отто, — «а потомъ завалимся на весь день въ Ванзей. Ладно?»

«Ладно», — сказала Магда съ улыбкой и кивнувъ вышла.

Она вернулась домой, и когда Кречмаръ, отложивъ газету, подошелъ къ ней, Магда зашаталась и склонилась, притворяясь, что лишается чувствъ. Вышло очень удачно. Онъ испугался, уложилъ ее на кушетку, принесъ коньяку. «Что случилось, что случилось?» — спрашивалъ онъ, глядя ее по волосамъ. «Ты меня теперь бросишь», — простонала

Магда. Онъ переглотнулъ и вообразилъ самое страшное: измѣну. «Что-жъ? Застрѣлю», — сказалъ онъ про себя и уже совсѣмъ спокойно повторилъ: «Что случилось, Магда?» «Я обманула тебя», — сказала она и замолкла. «Смерть», — подумалъ Кречмаръ. «Ужасный обманъ, Бруно, — продолжала она. — Мой отецъ — вовсе не художникъ, а бывшій слесарь, теперь швейцаръ, мать моетъ лѣстницу, братъ — простой рабочій. У меня было тяжелое, тяжелое дѣтство, — меня колотили, меня терзали...»

Кречмаръ почувствовалъ невѣроятное — нѣжное и сладкое — облегченіе, и затѣмъ — жалость.

«Нѣтъ, не цѣлуй меня, Бруно. Ты долженъ все знать. Я бѣжала изъ дому. Я служила сперва натурщицей. Меня эксплуатировала одна страшная старуха. Затѣмъ у меня была несчастная любовь, — онъ былъ женатъ, какъ вотъ ты, и жена не дала ему развода, и тогда я его бросила, хотя безумно его любила. Затѣмъ меня преслѣдовалъ старикъ-банкиръ, предлагалъ мнѣ все свое состояніе, и тогда пошли грязныя сплетни, но конечно — вранье, онъ ничего не добился. Онъ умеръ отъ разрыва сердца. Я начала служить въ «Аргусъ». Ты понимаешь, — онъ обѣщалъ меня сдѣлать звѣздой экрана, а я выбрала честный путь...»

«Счастье мое, счастье», — бормоталъ Кречмаръ.

«Неужели ты не презираешь меня? — спросила она, стараясь улыбнуться сквозь слезы, что было очень трудно, ибо слезъ то не было. — Это хорошо, что ты меня не презираешь. Но теперь слушай самое страшное: братъ меня выслѣдилъ, онъ требуетъ у меня денегъ, будетъ теперь насъ шантажировать... Ты понимаешь, когда я увидѣла его и подумала: мой бѣдный, довѣрчивый заяцъ не знаетъ, какая у меня семья, — тогда, знаешь, тогда мнѣ

стало стыдно уже отъ другого, — отъ того, что я тебѣ не сказала всей правды, — такъ стыдно, Бруно...»

Онъ обнялъ ее, нѣжно защекоталъ, она стала тихо смѣяться (какъ просто удалось оставить брата въ дуракахъ).

«Знаешь, — сказалъ Кречмаръ, — я теперь боюсь тебя выпускать одну. Какъ же быть? Вѣдь не обратиться же къ полиціи?»

«Нѣтъ, только не это», — необыкновенно рѣшительно воскликнула Магда. Она почему-то боялась полиціи и полицейскихъ.

Х.

Утромъ она вышла въ сопровождении Кречмара, — надо было закупить легкихъ лѣтнихъ вещей, а также мазей противъ солнечныхъ ожоговъ: Сольфи, адриатическій курортъ, намѣченный Кречмаромъ, славился своимъ сіяющимъ пляжемъ. Садясь въ таксомоторъ, она замѣтила брата, стоящаго на другой сторонѣ улицы, но Кречмару не показала его.

Появляться съ Магдой на улицѣ, переходить съ ней изъ магазина въ магазинъ, было для Кречмара сопряжено съ неотступной тревогой: онъ боялся встрѣтить знакомыхъ, онъ еще не могъ привыкнуть къ своему положенію. Когда они вернулись домой, слѣжки уже не было; Магда поняла, что братъ смертельно обидѣлся и теперь приметъ свои мѣры. Такъ оно и случилось. Дня за два до отъѣзда, Кречмаръ сидѣлъ и писалъ дѣловое письмо,

Магда въ сосѣдней комнатѣ уже укладывала вещи въ новый сундукъ; онъ слышалъ шуршаніе бумаги и пѣсенку, которую она, съ закрытымъ ртомъ, безъ словъ, не переставала тихо напѣвать. «Какъ все это странно, — думалъ Кречмаръ. — Если гадалка предсказала бы мнѣ подъ Новый Годъ, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ моя жизнь такъ круто измѣнится — ... » — Магда что-то уронила въ сосѣдней комнатѣ, пѣсенка оборвалась, потомъ опять возобновилась. «Вѣдь пять мѣсяцевъ назадъ я былъ примѣрнымъ мужемъ, и Магды просто не существовало въ природѣ вещей. Какъ это случилось быстро. Другіе люди совмѣщаютъ семейное счастье съ легкими удовольствіями, а у меня почему-то все сразу спуталось, и даже теперь я не могу сообразить, когда допущена была первая неосторожность; и вотъ сейчасъ я сижу и какъ будто разсуждаю здраво и ясно, а на самомъ дѣлѣ все продолжается этотъ полетъ кувыркомъ неизвѣстно куда...»

Онъ вздохнулъ и опять принялся за письмо. Вдругъ — звонокъ. Изъ разныхъ дверей выбѣжали одновременно въ прихожую: Кречмаръ, Магда и кухарка. «Бруно, — сказала Магда шопотомъ, — будь остороженъ, я увѣрена, что это Отто». «Иди къ себѣ, — отвѣтилъ Кречмаръ. — Я ужъ съ нимъ справлюсь».

Онъ открылъ дверь. На порогѣ стоялъ юноша съ грубоватымъ неумнымъ лицомъ, — и все же очень похожій на Магду. На немъ былъ довольно приличный синій костюмъ воскреснаго вида, конецъ лиловаго галстука уходилъ, суживаясь, подъ рубашку.

«Кого вамъ нужно?» — спросилъ Кречмаръ.

Отто кашлянулъ и развязно проговорилъ: «Мнѣ

нужно съ вами потолковать о моей сестрѣ, я — Магдинъ братъ».

«Да почему именно со мной?»

«Вы вѣдь господинъ..? — вопросительно началъ Отто, — господинъ..?»

«Шифермюллеръ», — подсказалъ Кречмаръ съ облегченіемъ.

«Ну такъ вотъ, господинъ Шифермюллеръ, я васъ видѣлъ съ моей сестрой и подумалъ, что вамъ будетъ любопытно, если я... если мы...»

«Очень любопытно, — только что же вы стоите въ дверяхъ? Входите».

Тотъ вошелъ и опять кашлянулъ.

«Я вотъ что, господинъ Шифермюллеръ. У меня сестричка молодая и неопытная. Моя мать, господинъ Шифермюллеръ, ночей не спитъ съ тѣхъ поръ, какъ наша Магда ушла изъ дому. Да, господинъ Шифермюллеръ, вѣдь ей пятнадцать лѣтъ, — вы не вѣрьте, если она говоритъ, что больше. Вѣдь помилуйте, очень нехорошо выходитъ, господинъ Шифермюллеръ. Что же это такое, сударь, въ самомъ дѣлѣ, мы — честные, отецъ — старый солдатъ, я не знаю, какъ это можно исправить...»

Отто все больше взвинчивалъ себя и начиналъ вѣрить въ то, что говоритъ.

«Не знаю, какъ быть, — продолжалъ онъ возбужденно. — Это не дѣло, господинъ Шифермюллеръ. Представьте себѣ, что у васъ есть любимая, невинная сестра, которую купилъ и развратилъ...»

«Послушайте, мой другъ, — перебилъ Кречмаръ. — Тутъ какое-то недоразумѣніе. Моя невѣста мнѣ рассказывала, что ея семья была только рада отъ нея отдѣлаться».

«Ахъ, сударь, — проговорилъ Отто, щурясь и

качая головой. — Неужто вы хотите меня увѣрить, что вы на ней женитесь. Вѣдь гдѣ же гарантія, вѣдь когда на честной дѣвушкѣ женятся, то перво-на-перво идутъ посовѣтоваться къ родителямъ ея, или тамъ къ брату, — побольше вниманія, поменьше гордости, сударь».

Кречмаръ съ нѣкоторой опаской смотрѣлъ на Отто и думалъ про себя, что въ концѣ концовъ тотъ говоритъ резонъ и столько же имѣетъ права печься о Магдѣ, какъ Максъ объ Аннелизѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, что Отто лживъ и грубъ, что горячность его неискренна.

«Стопъ, стопъ, — рѣшительно прервалъ Кречмаръ. — Я все это отлично понимаю, но право же говорить намъ не о чемъ, все это васъ не касается. Уходите, пожалуйста».

«Ахъ, вотъ какъ, — сказалъ Отто, насупившись. — Вотъ какъ. Ну, хорошо».

Онъ помолчалъ, теребя шляпу и глядя въ полъ. Пораздумавъ, онъ началъ съ другого конца.

«Вы можете быть дорого за это поплатитесь, сударь. Я сестру можете быть хорошо знаю, — всю подноготную. Это я изъ братскихъ побужденій называлъ ее невинной. Но, господинъ Шифермюллеръ, вы слишкомъ довѣрчивы, — очень даже странно и смѣшно, что вы ее зовете невѣстой. Я ужъ такъ и быть вамъ кое-что о ней поразскажу».

«Не стоитъ, — сильно покраснѣвъ, отвѣтилъ Кречмаръ. — Она сама мне все сказала. Несчастливая дѣвочка, которую семья не могла уберечь. Пожалуйста, уходите», — и Кречмаръ приоткрылъ дверь.

«Вы пожалѣете», — неловко проговорилъ Отто.

«Уходите», — повторилъ Кречмаръ.

Тотъ очень медленно двинулся съ мѣста. Креч-

марь съ пустоватой сентиментальностью, свойственной инымъ зажиточнымъ людямъ, вдругъ представилъ себѣ, какъ должно быть бѣдно и грубо существованіе этого юноши. Прежде, чѣмъ закрыть дверь, онъ быстро вынулъ бумажникъ, посплюнулъ большой палецъ и сунулъ въ руку Отто десять марокъ.

Дверь захлопнулась. Отто посмотрѣлъ на ассигнацію, постоялъ, постоялъ, потомъ позвонилъ.

«Какъ, вы опять!» — воскликнулъ Кречмаръ.

Отто протянулъ руку съ билетомъ. «Я не желаю подачекъ, — пробормоталъ онъ злобно. — Отдайте эти деньги безработному, коли вы не нуждаетесь въ нихъ.

«Да что вы, мой другъ, берите», — сказалъ Кречмаръ смущенно.

Отто двинулъ плечами. «Я не принимаю подачекъ отъ баръ. У меня есть своя гордость. Я...»

«Но я просто думалъ...» — началъ Кречмаръ.

Отто поговорилъ еще немного, потоптался, хмуро положилъ деньги въ карманъ и ушелъ. Соціальная потребность была удовлетворена, теперь можно было идти удовлетворять потребности человѣческія.

«Маловато, — подумалъ онъ, — да ужъ лапню .

XI.

Съ той минуты, какъ Аннелиза прочла Магдино письмо, ей все казалось, что длится какой-то нереальный сонъ, или что она сошла съ ума, или что

мужъ умеръ, а ей лгутъ, что онъ измѣнилъ. Ей помнилось, что она поцѣловала его въ лобъ передъ уходомъ — въ тотъ далекій уже вечеръ — поцѣловала въ лобъ, а потомъ онъ сказалъ: «Нужно будетъ все-таки завтра объ этомъ спросить доктора. А то она все чешется». Это были его послѣднія слова, — о легкой сыпи, появившейся у дочки на рукахъ и на шеѣ, — и послѣ этого онъ исчезъ, а черезъ нѣсколько дней сыпь отъ цинковой мази прошла, — но не было на свѣтѣ такой мази, отъ которой бы стерлось воспоминаніе: его большой, теплый лобъ, размашистое движеніе къ двери, поворотъ головы, «нужно будетъ все-таки завтра...»

Она такъ первые дни плакала, что прямо удивлялась, какъ это слезныя железы не сякнутъ, — и знаютъ ли фізіологи, что человѣкъ можетъ изъ своихъ глазъ выпустить столько соленой воды? Тотчасъ приходило на память какъ она съ мужемъ купала трехлѣтнюю Ирму въ ванночкѣ съ морской водой на терасѣ въ Аббаціи, — и вдругъ оказывалось, что слезъ осталось еще сколько угодно, — можно наплакать какъ разъ такую ванночку и выкупать ребенка, и потомъ щелкнуть фотографическимъ аппаратомъ, чтобы получился снимокъ, вотъ этотъ снимокъ въ альбомѣ, посвященномъ младенчеству Ирмы: терасса, ванночка, блестящій толстый ребеночекъ, и тѣнь мужа, — ибо солнце было сзади него, когда онъ снималъ, — длинная тѣнь съ разставленными локтями, протянувшаяся по гравію.

Иногда, въ минуты сравнительнаго покоя, она говорила себѣ: ну хорошо, меня бросилъ, но Ирму — какъ онъ о ней не подумалъ? И Аннелиза начинала донимать брата, правильно ли они сделали, что послали Ирму съ бонной въ Мисдрой, и Максъ отвѣчалъ, что правильно, и уговаривалъ ее тоже поѣхать туда, но она и слышать не хотѣла. Несмо-

тря на униженіе, на гибель, на чувство ужаса и непоправимости, Аннелиза, едва это сознавая, ждала изо дня на день, что откроется дверь, и блѣдный, всхлипывающій, съ протянутыми руками, войдетъ мужъ.

Большую часть дня она проводила въ какомъ-нибудь случайномъ креслѣ — иногда даже въ прихожей — въ любомъ мѣстѣ, гдѣ ее настигаль туманъ задумчивости, — и тупо вспоминала ту или иную подробность супружеской жизни, и вотъ уже ей казалось, что мужъ измѣнялъ ей съ самого начала, въ теченіе всѣхъ этихъ девяти лѣтъ.

Максъ старался занять Аннелизу, какъ умѣлъ, приносилъ ей журналы и новыя книги, вспоминалъ съ нею дѣтство, покойныхъ родителей, старшаго брата, убитаго на войнѣ. Однажды, въ жаркій лѣтній день, онъ повезъ ее въ Тиргартенъ, тамъ они вышли и долго бродили, и съ полчася смотрѣли на обезьянку, которая, улизнувъ отъ гулявшаго съ ней господина, забралась въ самую гущу высокаго вяза, откуда хозяинъ тщетно старался ее сманить внизъ, то тихимъ свистомъ, то сверканіемъ зеркала, то желтизной большого банана. «Онъ не достанетъ ее, это безнадежно, она никогда не придетъ», — сказала наконецъ Аннелиза и вдругъ заплакала. Они пѣшкомъ возвращались домой, и было такъ жарко, что Максъ снялъ пиджакъ, несмотря на то, что былъ въ подтяжкахъ. «Это нехорошо, — сказала со вздохомъ Аннелиза. — Нуженъ поясъ». «Но онъ не держитъ, — возразилъ Максъ. — У меня животъ какъ-то неправильно выросъ». Въ это мгновеніе сестра сильно сжала ему руку. Она смотрѣла въ сторону, на проѣзжавшій таксомоторъ. Таксомоторъ затрубилъ, выпустилъ вправо красный языкъ и скрылся за уголъ.

Въ своемъ черномъ купальномъ трико, до раскосности короткомъ на ляжкахъ и уходившемъ вглубь чуть выпуклымъ мыскомъ, когда она, какъ сейчасъ, сдвинувъ вытянутыя ноги, лежала навзничъ, — въ черномъ трико съ бѣлымъ резиновымъ пояскомъ и клинообразными вырѣзами на бокахъ, до самой талии, — Магда подозрительной стройностью и соразмѣрностью членовъ отличалась отъ двухъ дѣвочекъ-подростковъ, дочекъ краснаго англичанина въ полотняной шляпѣ, которыя валялись поодаль. Кречмаръ облокотясь на песокъ, не отрываясь, смотрѣлъ на нее, на ея руки и ноги, уже сплошь покрытыя гладкимъ солнечнымъ лакомъ, на румяно-золотое лицо съ облупившимся носомъ и только-что покрашеннымъ ртомъ. Откинутые со лба волосы отливали каштановымъ, блескомъ, раковина маленькаго уха мерцала песчинками, въ темномъ трико сквозили еще болѣе темныя сосцы, — и весь ея туго сидящій костюмъ съ обманчивыми перехватцами и просвѣтами, съ тонкими бридочками на лоснящихся плечахъ, держался, какъ говорится, на честномъ словѣ, — перерѣжешь вотъ тутъ или тутъ, и все разойдется.

Кречмаръ высыпалъ изъ ладони горсть легкаго песка на ея втянутый животъ. Магда открыла глаза, замигала отъ солнца, улыбнулась, косясь на любовника, и зажмурилась снова.

Погодя она приподнялась и замерла въ сидячемъ положеніи, обхвативъ колѣни. Теперь онъ видѣлъ ея голую спину, переливъ позвонковъ, блескъ приставшихъ песчинокъ. «Постой, я смахну», — сказалъ онъ. Кожа у нея была горячая, шелковая. «Боже, — проговорила Магда. — Какое голубое море!»

Оно было дѣйствительно очень голубое. Когда поднималась волна, то на ея блестящей крутизнѣ кобальтовыми тѣнями отражались силуэты купальщиковъ. Мужчина въ оранжевомъ халатѣ стоялъ у самой воды и протиралъ очки. Откуда ни возьмись, прилетѣлъ большой, разноцвѣтный какъ арлекинъ, мячъ, прыгнувъ съ легкимъ звономъ, и Магда, мгновенно вытянувшись поймала его, и встала и бросила его кому-то. Теперь Кречмаръ видѣлъ ее, окруженную солнечной пестротой пляжа, которая однако была сейчасъ для него мутна, настолько пристально онъ сосредоточилъ взглядъ на Магдѣ. Легкая, ловкая, съ темной прядью вдоль уха, съ вытянутой послѣ броска рукою въ сверкающей браслеткѣ, Магда видѣлась ему, какъ нѣкая восхитительная заставка, возглавляющая всю его жизнь.

Она близилась, онъ лежалъ ничкомъ и наблюдалъ, какъ передвигаются ея маленькія ступни. Магда нагнулась надъ нимъ и, весело крикнувъ, игривымъ берлинскимъ жестомъхватила его по хорошо набитымъ трусикамъ.

«Пойдемъ въ воду!» — крикнула она и побѣжала впередъ, ступая на пальцы и слегка припадая на одну ногу, — и потомъ, раскинувъ руки, уже мѣся воду, замедленнымъ шагомъ пошла все дальше, дальше, и вотъ уже начала подливать къ колѣнямъ кудрявая пѣна. Она опустилась въ водѣ на четвереньки, попробовала плыть, но захлебнулась и быстро встала, со смѣхомъ избѣгая Кречмара. Ея черный костюмъ блестѣлъ, прилипъ къ тѣлу, посрединѣ живота образовалась лунка. «Ахъ-ахъ», — дышала она, улыбаясь, плюясь и отводя мокрые волосы съ глазъ. Вдругъ, ладонью проѣхавъ по поверхности, она окатила Кречмара, и онъ отвѣтилъ тѣмъ же, и такъ они долго другъ въ друга шарахали ослѣпительной водой и громко кричали, и по-

жилая англичанка подъ зонтикомъ лѣниво сказала, обратившись къ мужу: «Look at that German romping about with his daughter. Now don't be lazy, take the kids out for a good swim...»

XIII.

Потомъ, въ цвѣтистыхъ халатахъ, они поднимались кремнистой тропой между желтыхъ кустовъ утесника и дрока. Небольшая, но за крупныя деньги нанятая вилла бѣлѣла, какъ сахарная, сквозь черноту кипарисовъ. Черезъ гравій перемахивали синекрылые кузнечики. Магда старалась ихъ поймать въ руку. Присѣвъ на корточки, она осторожно приближала пальцы къ кобылкѣ, но углами поднятыя лапки вдругъ вздрагивали, и, выпустивъ вѣрные крылья, насѣкомое перелетало на три сажени дальше или терялось среди чертополоха запущеннаго садика.

Въ прохладной комнатѣ съ рѣшетчатыми отраженіями жалюзи на терракетовомъ полу Магда, какъ змѣя, высвобождалась изъ темной чешуи купальнаго костюма и ходила по комнатѣ въ однихъ туфляхъ на высокихъ каблукахъ, и солнечныя полосы отъ жалюзи проходили по ея тѣлу.

Вечерами были танцы въ казино. Море принимало зеркально-лиловый оттѣнокъ, и появлялся въ направленіи къ Рагузѣ уже освѣщенный пароходъ. Кречмаръ старательно съ ней танцевалъ, ея гладко причесанная голова едва доходила до его плеча.

Очень скоро по пріѣздѣ возникли новые знакомые, — итальянцы, англичане, австрійцы, — Кречмаръ сразу сталъ чувствовать гнетущую унижитель-

ную ревность, наблюдая за тѣмъ, какъ она тѣсно танцуетъ съ другимъ, и зная, что у нея подъ тонкимъ платьемъ ровно ничего не надѣто, даже подвязокъ: замѣчательный загаръ замѣнялъ ей чулки. Она поднимала глаза къ кавалеру и сдержанно улыбалась. Иногда Кречмаръ терялъ ее изъ виду, и тогда вставалъ и, стуча папиросой о крышку портсигара, шелъ наугадъ, попадалъ въ какую-то залу, гдѣ играли въ карты, на терассу, потомъ въ бильярдную, и уже внѣ себя, уже увѣренный, что она ему гдѣ то измѣняетъ, возвращался сквозь человѣческій лабиринтъ къ своему столику, и вдругъ она появлялась и садилась возлѣ него въ своемъ нарядномъ переливчатомъ платьѣ, которое не дѣлало ее старше, и онъ, умолчавъ о своихъ опасеніяхъ, судорожно гладилъ ее подъ столомъ по голымъ колѣнкамъ, стукавшимся другъ о дружку, когда она, стегка откинувъ станъ, хохотала надъ смѣшными замѣчаніями австрійца.

Къ чести Магды слѣдуетъ сказать, что она прилагала всѣ усилія, чтобы оставаться Кречмару совершенно и безусловно вѣрной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы часто и основательно онъ ее ни ласкалъ, Магда уже давно чувствовала какой-то недочетъ, какую-то неполноту ощущенія, и это нервило ее, и она вспоминала того, перваго, отъ малѣйшаго прикосновенія котораго все въ ней разгоралось и вздрагивало. Къ несчастью, молодой австріецъ, лучшій танцоръ въ Сольфи, былъ чѣмъ-то похожъ на перваго ея возлюбленнаго, — сходство, неуловимое для глаза, что-то въ сухомъ прикосновеніи его большой ладони, въ пристальномъ, слегка насмѣшливомъ взглядѣ, въ манерѣ раздувать ноздри. Однажды, между двумя танцами, она оказалась съ нимъ въ темномъ углу сада, и была та очень банальная, очень человѣческая смѣсь далекой музыки и

лунныхъ лучей, которая такъ дѣйствуетъ на всякую душу. Чешуйчатое сіяніе играло посреди моря, и тѣни олеандровъ шевелились на странной бѣлизнѣ ближней стѣны. «Ахъ, нѣтъ», — сказала Магда, чувствуя, какъ губы молчаливаго человѣка, обнявшаго ее, гуляютъ по ея шеѣ, по щекѣ, а горячія, умныя руки забираются подъ бальное платье, надѣтое прямо на тѣло. «Ахъ нѣтъ», — повторила она, но тутъ же закинула голову, жадно отвѣчая на его поцѣлуй, и онъ при этомъ такъ проницательно ее ласкалъ, что она почувяла приближеніе еще большаго удовольствія, — однако во время вырвалась и побѣжала по галлерей къ далекой, освѣщенной двери.

Этого больше не повторилось. Магда, вкусивъ жизни, которую ей могъ дать Кречмаръ, жизни, полной роскоши первоклассныхъ фильмъ, ихъ бриллиантоваго солнца и пальмоваго вѣтерка, — такъ боялась все это мигомъ утратить, что не смѣла рисковать и даже какъ будто лишилась на время главнаго быть можетъ свойства своего — самоувѣренности. Самоувѣренность, впрочемъ, сразу вернулась къ ней, какъ только они осенью оказались опять въ Берлинѣ. «Да, это конечно превосходно, — сухо сказала она, окидывая взглядомъ отличный номеръ въ отличной гостиницѣ. — Но ты понимаешь, Бруно, что это не можетъ такъ продолжаться».

Кречмаръ поспѣшилъ отвѣтить, что уже принялъ мѣры къ снятію квартиры.

«Что онъ меня душой, что-ли, считаетъ», — подумала она съ чувствомъ сильнѣйшей къ нему неприязни. «Бруно, — проговорила она тихо. — Ты не понимаешь...» Она глубоко вздохнула, потомъ сѣла и закрыла лицо руками.

«Ты стыдишься меня», — сказала она, глядя сквозь пальцы на Кречмара.

Онъ хотѣлъ обнять ее. «Не тронь!» — крикнула она, отскочивъ. «Я не желаю, — прозябать съ тобой на задворкахъ и смотрѣть цѣлый день, какъ ты боишься выходить со мной на улицу. Нѣтъ, не смѣй меня трогать... Я все отлично чувствую. Если ты меня стыдишься, можешь меня бросить и вернуться къ своей Лисхенъ, пожалуйста, пожалуйста...»

«Магда, перестань», — беспомощно бормоталъ Кречмаръ.

Она бросилась на диванъ. Ей удалось зарыдать. Кречмаръ, опустившись на колѣни, осторожно касался ее плеча, которымъ она дергала всякій разъ, какъ онъ приближалъ пальцы. «Чего же ты хочешь? — спросилъ онъ. — А, Магда?»

«Я хочу жить открыто, у тебя, у тебя, — произнесла она, захлебываясь. — На твоей собственной квартирѣ, — и видѣть людей, — жить во всю...»

«Хорошо», — сказалъ онъ, вставъ съ колѣнъ.

«А черезъ годъ ты на мнѣ женишься, — подумала про себя Магда, машинально продолжая всхлипывать. — Женишься, если, конечно, я къ тому времени не буду уже въ Холливудѣ, — тогда я тебя къ чорту пошлю».

«Умоляю тебя больше не плакать! — воскликнулъ Кречмаръ. — А то я и самъ зареву».

Магда сѣла и жалобно улынулась. Слезы на рѣдкость красили ее. Лицо пылало, мокрые глаза лучились, на щекѣ дрожала чудесная грушевидная слеза.

Точно такъ же какъ онъ теперь никогда не говорилъ ей объ искусствѣ, въ которомъ Магда не понимала ни аза, Кречмаръ не открылъ ей мучительныхъ чувствъ, которыя ему довелось испытать въ первые дни жизни съ ней въ комнатахъ, гдѣ онъ провелъ съ женой десять лѣтъ. Всюду были вещи, напоминавшія ему Аннелизу, ея подарки ему, его подарки ей. Въ глазахъ у Фриды онъ прочелъ хмурое осужденіе, а черезъ недѣлю, чѣмъ-то новой госпожѣ не потрафивъ, она презрительно выслушала Магдину крикливую брань и тотчасъ съѣхала. Спальня и дѣтская укоризненно, трогательно и чисто глядѣли въ глаза Кречмару, — особенно спальня, ибо изъ дѣтской Магда живо сдѣлала голую комнату для пингъ-понга. Но спальня... Въ первую ночь тамъ Кречмару все казалось, что онъ чувствуетъ легкій запахъ женинаго одеколона, и это втайнѣ смущало и связывало его, и Магда въ ту ночь издѣвалась надъ его неожиданной расслабленностью.

О, какъ былъ невыносимъ первый телефонный звонокъ, звонилъ старый знакомый, спрашивалъ, весело ли было въ Италиі, хорошо ли поживаетъ Аннелиза, не склонна ли она пойти въ среду на премьеру съ его женой? «Мы временно живемъ отдѣльно», — съ трудомъ проговорилъ Кречмаръ («временно»... — насмѣшливо подумала Магда, — осматривая въ зеркалѣ свою начавшую отгорать спину).

Ему доставляло невеселое развлеченіе наблюдать, какъ постепенно изъ вопросовъ знакомыхъ исчезало упоминаніе о женѣ. Кое-кому онъ намекнулъ, что у него невѣста; невѣстой онъ, впрочемъ, никогда не называлъ Магду въ лицо. Слухъ о пере-

мѣнѣ въ его жизни распространился очень быстро, — и опять было ему интересно слѣдить, какъ иные переставали у него бывать, иные напротивъ были черезчуръ любезны съ нимъ и съ Магдой, а нѣкоторые старались сдѣлать видъ, точно ничего не случилось. Были наконецъ и такіе, которые по-прежнему радовались видѣть его, но какъ-то такъ выходило, что бывали они у него неизмѣнно безъ своихъ женъ, ставшихъ до странности болѣзненными.

Онъ скоро освоился съ присутствіемъ Магды въ этихъ полныхъ воспоминаній, комнатахъ, и это происходило оттого, что стоило ей перемѣнить извѣчное положеніе любого незамѣтнѣйшаго предмета, какъ данная комната сразу лишалась знакомой души, воспоминаніе испарялось навсегда. И къ зимѣ прошлое вымерло вовсе въ этихъ двѣнадцати комнатахъ, — и квартира была, можетъ быть, очень хороша, но уже ничего общаго не имѣла съ той, въ которой онъ жилъ съ Аннелизой.

Однажды, когда въ поздній часъ послѣ бала онъ Магду купалъ (такъ водилось у нихъ), она, сидя въ надушенной ваннѣ и поднимая на кончикѣ ноги набухшую губку, спросила, не думаетъ ли онъ, что изъ нея вышла бы фильмовая актриса. Онъ засмѣялся, ничего уже не соображая отъ предчувствія близкаго наслажденія, сказалъ: «конечно, еще бы», — и Магда наконецъ вылѣзла, онъ, торопясь, завернулъ ее въ мохнатую простыню, растеръ и понесъ въ спальню.

Черезъ нѣсколько дней она опять вернулась къ этой темѣ, при чемъ выбрала минуту, когда у Кречмара яснѣй работала голова. Онъ порадовался ея любви къ кинематографу и, думая ее заинтересовать, сталъ развивать передъ ней нѣкоторыя излюбленные свои теоріи о фильмѣ нѣмой и о фильмѣ говорунѣ. «Какъ снимаются?» — спросила она, пе-

ребивъ его на полсловѣ. Онъ предложилъ какъ-нибудь ее повести въ ателье, все показать, все объяснить. Съ этого и началось.

«Что я дѣлаю, стопъ, стопъ», — какъ-то сказалъ онъ себѣ, вспомнивъ, что наканунѣ общалъ финансировать фильму, затѣянную режиссеромъ средней руки, при условіи, что Магдѣ дана будетъ вторая женская роль, роль покинутой невѣсты. «Нехорошо, — продолжалъ онъ мысленно. — Тамъ всякіе матовые актеры, всякое женолюбивое хамье, и выйдетъ глупо, если я буду ходить за ней по пятамъ. А съ другой стороны, ей необходима какая-нибудь забава, и меньше будетъ шатаний по кабакамъ, если ей придется вставать спозаранку».

Думать было поздно, — уже договоръ былъ заключенъ, и — скоро начались репетиціи. Магда первое время возвращалась крайне злой и раздраженной, жаловалась, что ее заставляютъ повторять одно и то же движеніе по сто разъ, что режиссеръ на нее оретъ, что она слѣпнетъ отъ свѣта огромныхъ лампъ. Ее утѣшало, что исполнительница главной роли, Доріанна Каренина (та самая, которая годъ тому назадъ была написана съ Чипи въ рукахъ), относится къ ней очаровательно, хвалитъ ее, предсказываетъ чудеса («дурной знакъ», — подумалъ Кречмаръ).

Она потребовала, чтобы онъ не присутствовалъ на съемкахъ, это, молъ, стѣсняетъ ее, да и сюрприза не выйдетъ, если все будетъ извѣстно заранее. Зато дома онъ не разъ подсматривалъ, чрезвычайно умиляясь, какъ она передъ трюмо принимаетъ томно-трагическія позы. Замѣтивъ его, она топала ногой, и онъ клялся, что ничего не видѣлъ. Онъ отвозилъ ее въ ателье, потомъ за ней заѣзжалъ, однажды ему сказали, что это продолжится еще два

часа, и онъ отправился погулять, и невзначай попалъ въ районъ, гдѣ жилъ Максъ, внезапно ему страстно захотѣлось увидѣть издали дочку, — въ это время она возвращалась изъ школы. Ему вдругъ показалось, что вонъ тамъ она идетъ съ подругами, онъ почувствовалъ страхъ и быстро ушелъ.

Въ этотъ день Магда вышла изъ ателье розовая, смѣющаяся; съемки подходили къ концу, и нынче ей не было сдѣлано ни одного замѣчанія, и она играла, какъ еще никогда. «Знаешь что? — сказалъ Кречмаръ. — Я Доріанну приглашаю на ужинъ. Да, большой ужинъ, интересные гости. Сегодня утромъ мнѣ звонилъ одинъ извѣстный художникъ, вѣрнѣе, знаешь, карикатуристъ, который, знаешь, дѣлаетъ карикатуры. Это онъ выдумалъ Чипи, которую ты такъ любишь. Онъ только-что пріѣхалъ изъ Америки, и говорятъ, онъ очень, очень занятный. Я и его пригласилъ».

«Только я буду сидѣть рядомъ съ тобой, — сказала Магда, — а то прошлый разъ...»

«Хорошо, но помни, мое сокровище, я не хочу, чтобы всѣ знали, что ты у меня живешь».

«Ахъ, это всѣ знаютъ», — сказала Магда и вдругъ нахмурилась.

«Ты пойми, — продолжалъ Кречмаръ, — это вѣдь тебѣ неловко, а не мнѣ. Мнѣ то конечно все равно, я условностей не люблю, такъ что ты, Магдочка, опять, какъ прошлый разъ сдѣлай, — пожалуйста, для себя же».

«Но это глупо... И главное вообще эти непріятности можно было бы избѣжать».

«То-есть, какъ — избѣжать?»

«Если ты не понимаешь...» — начала она («когда

же, собственно, онъ наконецъ заговорить о разводѣ?»).

«Будь благоразумна, — сказалъ Кречмаръ, примирительно. — Ты подумай, я дѣлаю, все, что ты хочешь, — вотъ теперь, съ этой фильмой, ну, Магда, ну, моя дорогая...»

XV.

Все было какъ слѣдуетъ: на японскомъ подносѣ въ прихожей лежало нѣкоторое число записокъ: Докторъ Лампертъ — Марго Денисъ, Робертъ Горнъ — Магда Петерсъ, фонъ-Коровинъ — Ольга Вальдгеймъ и т. д. Недавно поступившій буфетчикъ — рослый, пожилой мужчина, съ лицомъ англійскаго лорда (такъ, по крайней мѣрѣ, находила Магда, иногда останавливавшая на немъ взглядъ, не лишенный легкой задумчивости), величаво встрѣчалъ гостей. Черезъ каждая нѣсколько минутъ раздавался звонокъ. Въ угловой гостиной было уже пять человѣкъ гостей, не считая Магды. Вотъ явился Коровинъ — «фонъ»-Коровинъ. Онъ былъ худощавъ, носилъ монокль и говорилъ по-нѣмецки превосходно. Опять заминка, — и явился писатель Брюкъ, толстый, румяный человѣкъ въ потрепаномъ смокингѣ, съ женою, старѣющей, хорошо сложенной дамой, въ свое время плававшей въ стеклянномъ бассейнѣ среди дрессированныхъ тюленей. Разговоръ въ гостиной былъ уже довольно живой. Ольга Вальдгеймъ, полногрудая пѣвица съ абрикосовыми волосами, сладкозвучно и забавно рассказывала о своихъ ангорскихъ кошкахъ, которыхъ у нея было полдюжины. Кречмаръ стоялъ подбоченясь и,

черезъ бѣлый бобрикъ стараго Ламперта (врача и меломана), посматривалъ на Магду: черное съ тюлемъ платье очень ей шло, на груди былъ большой бархатно-оранжевый цвѣтокъ, она сдержанно и туманно улыбалась, и въ глазахъ у нея было особое ланье выраженіе, — признакъ, что она ни слова не понимаетъ изъ того, что ей говоритъ Лампертъ о музыкѣ Гиндемита. Вдругъ Кречмаръ замѣтилъ, что она жарко покраснѣла и встала. «Боже мой, какая глупенькая... Зачѣмъ такъ вскакивать». Входило сразу нѣсколько человѣкъ: Доріанна Каренина, Горнъ, актеръ Штаудингеръ, двое молодыхъ писателей... Доріанна обняла Магду, у которой замѣчательно блестяли глаза, какъ бывало во время плача. «Какая глупенькая, — подумалъ онъ опять, — такъ преклоняться передъ этой бездарной кобылой». Доріанна, впрочемъ, была прекрасна, она славилась своими плечами, джіокондовой улыбкой и хриплымъ голосомъ.

Кречмаръ шагнулъ къ Горну, который, повидимому не зная, кто здѣсь хозяинъ, потиралъ руки, какъ будто ихъ намыливалъ. «Я очень радъ васъ видѣть у себя, — сказалъ Кречмаръ. — Знаете, я васъ представлялъ совсѣмъ не такимъ, я представлялъ васъ почему-то полнымъ и въ роговыхъ очкахъ. Господа, это создатель Чипи. Пожаловалъ къ намъ изъ Америки». Горнъ, продолжая намыливать ладони, стоялъ и дѣлалъ маленькіе кивки. «Садитесь, — сказалъ Кречмаръ. — Вы, говорятъ, къ намъ въ Берлинъ не надолго?» «Какъ это было немило, — хриплымъ басомъ сказала Доріанна Каренина, — что вы не позволили мнѣ появляться на людяхъ съ моей любимой игрушкой!» «То-то, я все смотрю: знакомое лицо», — отвѣтилъ Горнъ, берясь за стулъ рядомъ съ Магдой.

Взглядъ Кречмара опять вернулся къ ней. Она

какъ-то по-дѣтски наклонилась къ сосѣдкѣ, — художницѣ Марго Денисъ, — и, странно улыбаясь, со слезами на глазахъ, необычно быстро говорила что-то. Онъ сверху видѣлъ ея маленькое пурпурное ухо, жилку на шеѣ, нѣжную раздвоенную тѣнь груди. «Боже мой, что она говоритъ!» Лихорадочно и торопливо, точно желая кого-то заговорить, Магда несла совершенную околесину и все время прижимала ладонь къ пылающей щекѣ. «Мужская прислуга меньше воруетъ, — лепетала она. — Конечно, картину нельзя унести. Но все-таки... Я прежде очень любила картины со всадниками, но, когда видишь слишкомъ много картинъ, — »

«Фрейлейнъ Петерсъ, — съ мягкой улыбкой обратился къ ней Кречмаръ, — я хочу вамъ представить создателя знаменитаго звѣрька».

Магда судорожно обернулась и сказала: «Ахъ, здравствуйте!» (къ чему эти ахи, вѣдь объ этомъ не разъ говорилось...). Горнъ поклонился, сѣлъ и спокойно обратился къ Кречмару: «Я читалъ вашу превосходную статью о Себастіано дель Піомбо. Вы напрасно только не привели его сонетовъ, — они прескверные, — но какъ разъ это и пикантно».

Магда вскочила и быстро, чуть ли не вприпрыжку, пошла навстрѣчу послѣдней гостѣ, высокой и высохшей дамѣ, похожей на общипанную орлицу. Магда съ ней ѣздила верхомъ въ манежѣ.

Стулъ ея оказался пустымъ, на него пересѣла чернобровая, армянскаго типа, Марго Денисъ и обратилась къ Горну: «Я вамъ ничего не скажу о Чипи, — Чипи, должно быть, набилъ вамъ оскомину, я это очень хорошо понимаю. А вотъ что, — какъ вы оцѣниваете работы Кумминга, — я имѣю въ виду его послѣднюю серію, — висѣлицы и фабрики, — знаете?»

Раскрылись двери въ столовую. Мужчины стали глазами искать своихъ дамъ. Горнъ немножко отсталъ и озирался. Кречмаръ, уже взявъ подруку Доріанну, тоже посмотрѣлъ, ища Магду. Она мелькнула далеко впереди, среди плывущихъ въ столовую паръ. «Нынче она не въ ударѣ», — подумалъ Кречмаръ и передалъ свою даму Горну.

Уже за омаромъ разговоръ въ томъ концѣ стола, гдѣ сидѣли Доріанна, Горнъ, Магда, Кречмаръ, Марго Денисъ, сдѣлался громкимъ, но какимъ-то разнoboкимъ. Магда сразу выпила немало бѣлаго вина и теперь сидѣла очень прямо, сіяющими глазами глядя прямо передъ собой. Горнъ, не обращая вниманія ни на нее, ни на Доріанну, имя которой его раздражало, спорилъ наискосокъ черезъ столъ съ писателемъ Брюкомъ с пріемахъ художественной изобразительности. Онъ говорилъ: «Беллетристъ толкуетъ, напимѣръ, объ Индіи, гдѣ вотъ я никогда не бывалъ, и только отъ него и слышно, что о баядерахъ, охотѣ на тигровъ, факирахъ, бетелѣ, змѣяхъ, — все это очень напряженно, очень пряно, сплошная, однимъ словомъ, тайна востока, — но что же получается? Получается то, что никакой Индіи я передъ собой не вижу, а только чувствую воспаленіе надкостницы отъ всѣхъ этихъ восточныхъ сладостей. Иной же беллетристъ говоритъ всего два слова объ Индіи: я выставилъ на ночь мокрые сапоги, а утромъ на нихъ уже выросъ голубой лѣсъ, (— плѣсень, сударыня, — объяснилъ онъ Доріаннѣ, которая поднимала одну бровь), — и сразу Индія для меня, какъ живая, — остальное я ужъ самъ, я ужъ самъ воображу».

«Юги, — сказала Доріанна, — дѣлаютъ удивительныя вещи. Они умѣютъ такъ дышать, что — »

«Но позвольте, господинъ Горнъ, — взволнованно кричалъ Брюкъ, написавшій только что романъ,

дѣйствіе коего протекало на Цейлонѣ, — нужно же освѣтить всесторонне, основательно, чтобы всякій читатель понялъ. Если я описываю, напримѣръ, плантацію, то обязанъ, конечно, подойти съ самой важной стороны, со стороны эксплуатаціи, жестокости блага колониста. Тайнственная, огромная мощь востока — »

«Вотъ это и скверно», — сказалъ Горнъ.

Магда коротко разсмѣялась, глядя прямо передъ собой. Это уже случалось второй или третій разъ. Кречмаръ, обсуждая съ Марго Денисъ послѣднюю выставку, искоса наблюдалъ за Магдой, чтобы та не подвыпила. Погодя онъ замѣтилъ, что она хлеба-етъ изъ его бокала. «Какая-то она сегодня особенно дѣтская», — подумалъ онъ и подъ столомъ коснулся ея колѣна. Магда некстати засмѣялась и швырнула черезъ столъ гвоздикой въ старичка Ламперта.

«Я не знаю, господа, какъ вы относитесь къ Зелгекранцу, — сказалъ Кречмаръ, проникая въ разговоръ между Горномъ и Брюкомъ. — По-моему нѣкоторыя его новеллы прекрасны, хотя, правда, онъ иногда теряется въ лабиринтахъ сложной психологіи. Когда-то въ молодости я часто встрѣчался съ нимъ, онъ тогда любилъ писать при свѣчахъ, и вотъ, мнѣ кажется, что его манера — »

Послѣ ужина сидѣли въ мягкихъ креслахъ, до тошноты курили, Магда появлялась то тутъ, то тамъ, и за ней покорно слѣдовалъ одинъ изъ молодыхъ писателей и потомъ она ему папиросой обжигала руку, и онъ, покрывшись испариной, героически улыбался и просилъ еще. Горнъ въ углу тихо поссорился съ Брюкомъ и, подсѣвъ къ Кречмару, принялся ему описывать Берлинъ, да такъ хорошо, что Кречмаръ заслушался. «Я думалъ, что вы съ

дѣтства не бывали здѣсь, — сказалъ онъ Горну. — Мнѣ очень жаль, что случай нашъ не свелъ раньше».

Наконецъ прошла по гостямъ та волна — сначала легкая, журчащая, затѣмъ колыхающаяся все шире, — которая въ нѣсколько минутъ очищаетъ домъ подъ возгласы прощальныхъ привѣтствій. Кречмаръ остался совершенно одинъ. Воздухъ былъ мутно-сиреневый отъ сигарнаго дыма. Онъ распахнулъ окно, хлынула черная, морозная ночь. Онъ увидѣлъ, какъ далеко внизу, на тротуарѣ, другъ съ другомъ прощались гости, какъ отъѣхалъ автомобиль Брюка, — онъ слышалъ звонкій гортанный голосъ Магды... «Не очень удачный вечеръ», — почему-то подумалъ Кречмаръ и, зѣвая, отошелъ отъ окна.

XVI.

«Однако», — сказалъ Горнъ, когда онъ съ Магдой завернулъ за уголъ. «Однако», — повторилъ онъ. «Признаюсь, — добавилъ онъ черезъ полминуты, — что никакъ не надѣялся такъ легко тебя разыскать».

Магда сѣменила рядомъ, плотно запахнувшись въ котиковое пальто. Горнъ взялъ ее подъ локоть и заставилъ ее остановиться.

«Я прямо глазамъ своимъ не повѣрилъ. Какъ ты попала туда? Посмотри же на меня. Ты, знаешь, стала такой красавицей...»

Магда вдругъ всхлипнула и отвернулась. Онъ потянулъ ее за рукавъ, — она отвернулась еще круче, они закружились на мѣстѣ.

«Брось, — сказалъ онъ. — Отвѣть мнѣ что-нибудь! Какъ тебѣ удобнѣе — ко мнѣ или къ тебѣ? Да что ты право, какъ нѣмая?»

Она вырвалась и быстро пошла назадъ, къ углу. Горнъ послѣдовалъ за ней.

«Какая ты все-таки дрянъ», — проговорилъ онъ неопредѣленно.

Магда ускорила шагъ. Онъ снова настигъ ее.

«Пойдемъ же ко мнѣ, дура, — сказалъ Горнъ. — Вотъ, смотри...» — Онъ вынулъ бумажникъ.

Магда ловко и точно ударила его наотмашъ по лицу.

«Кольца у тебя колючія», — проговорилъ онъ спокойно и продолжалъ за ней идти слѣдомъ, торпливо роясь въ бумажникъ.

Магда добѣжала до подъѣзда, начала отпирать дверь. Горнъ протянулъ ей что-то, но вдругъ поднялъ брови.

«Ахъ, вотъ оно что», — проговорилъ онъ, съ удивленіемъ узнавъ подъѣздъ, изъ котораго они только-что вышли.

Магда, не оглядываясь, толкала дверь. «Возьми же», — сказалъ онъ грубо. И такъ какъ она не брала, сунулъ то, что держалъ, ей за мѣховой воротникъ. Дверь бухнула ему въ лицо. Онъ постоялъ, взялъ въ кулакъ нижнюю губу, нѣсколько разъ задумчиво ее потянулъ и погода двинулся прочь.

Магда въ темнотѣ добралась до первой площадки, хотѣла подняться выше, но вдругъ ослабѣла, опустилась на ступеньку и такъ зарыдала, какъ, пожалуй, еще не рыдала никогда, — даже тогда, когда онъ ее покинулъ. Что-то касалось ея шеи, она закинула руку, какъ бы что-то стирая съ затылка, и нащупала бумажку. Она встала со ступени и, тон-

скуля, нащупала кнопку, нажала, ударилъ свѣтъ, и Магда увидѣла, что у нея въ рукѣ вовсе не американская ассигнація, а листокъ ватманской бумаги, на которомъ слегка смазанный карандашный сунокъ — дѣвоча, видная со спины, лежащая бокомъ на постели, въ рубашкѣ, задравшейся на ляжи и сползавшей съ плеча. Она посмотрѣла на иждъ и увидѣла чернилами написанную дату. Это илъ тотъ день, мѣсяць и годъ, когда онъ покилъ ее. Недаромъ онъ велѣлъ ей не оглядываться легонько шуршалъ. Неужели прошло съ тѣхъ рѣ всего только четырнадцать мѣсяцевъ?

Гутъ со стукомъ потухъ свѣтъ, и Магда, прислосъ къ рѣшеткѣ лифта, зарыдала снова. Она пла-та о томъ, что онъ тогда ее бросилъ, о томъ, что а могла бы теперь уже больше года быть съ мѣ счастливой, если бъ удалось его тогда удертъ, — она плакала о томъ, что, останься онъ съ й, она избѣжала бы японцевъ, старика, Кречмара, и еще она плакала о томъ, что давеча, за ужимъ, Горнъ трогалъ ее за правое колѣно, а Кречръ за лѣвое, словно справа былъ рай, а слѣва адъ.

Она высморкалась, пошарила въ темнотѣ, опять жала на кнопку. Свѣтъ ее немного успокоилъ. а еще разъ посмотрѣла на рисунокъ, подумала, шила, что, какъ онъ ни дорогъ ей, хранить его асно, и, разорвавъ бумажку на клочки, бросила ь сквозь рѣшетку въ лифтовый колодецъ, и это чему-то напомнило ей раннее дѣтство. Затѣмъ и вынула зеркальце, напудрила кругообразнымъ иженіемъ лицо, сильно натянувъ верхнюю губу, суя пудреницу въ сумку, быстро побѣжала на-хъ.

«Отчего такъ долго?» — спросилъ Кречмаръ. ь уже былъ въ пижамѣ.

Магда объяснила, что никакъ не могла отдѣлаться отъ старичка Ламперта, который непременно хотѣлъ ее усадить въ автомобиль и подвезти.

«Какъ у моей красавицы глаза блестятъ, — бормоталъ онъ, дыша на нее виномъ. — Какая она у меня усталая, пышущая...»

«Нѣтъ, сегодня ничего не будетъ, — тихо возразила Магда. — Оставь, оставь, я сегодня не могу».

«Магда, пожалуйста, — протянулъ Кречмаръ. — Я умоляю тебя, я такъ сейчасъ мечталъ, — вотъ ты придешь. Я такъ люблю, когда ты немножко пьяная...»

«Тамъ будетъ видно. Сперва я хочу кое-о-чемъ тебя, Бруно, спросить. Скажи, ты уже началъ хлопотать о разводѣ?»

«О разводѣ?» — повторилъ онъ глуповато.

«Я иногда не понимаю тебя, Бруно. Вѣдь нужно это все какъ-то оформить. Или ты можетъ быть думаешь черезъ нѣкоторое время бросить меня и вернуться къ Лисхенъ?»

«Бросить тебя?»

«Что ты за мной, идиотъ, все повторяешь? Нѣтъ, пожалуйста, прежде, чѣмъ лѣзть ко мнѣ, объясни толкомъ».

«Хорошо, хорошо, — сказалъ онъ. — Я въ понедѣльникъ поговорю съ моимъ повѣреннымъ».

«Навѣрное? Ты общаешься?»

Онъ кивнулъ и жадно обнялъ ее. Магда, стиснувъ челюсти, честно попробовала покориться, но помимо воли вдругъ начала похахатывать, будто отъ щекотки, и это перешло въ истерическій прерывающійся смѣхъ: «Ты же видишь, я сегодня не могу, я устала», — вскрикивала она, и застучала зубами о край стакана, который Кречмаръ испуганно ей совалъ.

Робертъ Горнъ былъ въ довольно странномъ положеніи. Талантливѣйшій карикатуристъ, создатель моднаго звѣрька, онъ года два-три тому назадъ разбогатѣлъ чрезвычайно, а нынѣ, исподволь и неуклонно, возвращался, если не къ нищетѣ, то во всякомъ случаѣ къ заработкамъ очень посредственнымъ. Таланта своего онъ отнюдь не утратилъ, — болѣе того, онъ рисовалъ тоньше и тверже, чѣмъ прежде, — но что-то неуловимое случилось въ отношеніи къ нему со стороны публики, — въ Америкѣ и въ Англіи Чипи надоѣла, пріѣлась, уступила мѣсто другой твари, созданію удачливаго коллеги. Эти звѣрьки, эти куклы — сущія эфемеры. Кто помнитъ теперь чернаго, какъ сажа, голливога въ ворономъ ореолѣ дыбомъ стоящихъ волосяхъ, съ пуговицами отъ портовъ вмѣсто глазъ и краснымъ байковымъ ртищемъ?

Если, вообще говоря, даръ Горна только укрѣпился, то по отношенію къ Чипи онъ несомнѣнно изсякъ. Послѣдніе его портреты морской свинки были слабы. Онъ почувствовалъ это и рѣшилъ Чипи похоронить. Заключительный рисунокъ изображалъ лунную ночь, могилку и надгробный камень съ короткой эпитафіей. Кое-кто изъ иностранныхъ издателей, еще не почувывшихъ обреченности Чипи, встревожился, просилъ его непременно продолжать. Но онъ теперь испытывалъ непреодолимое отвращеніе къ своему дѣтищу. Чипи, ненадежная Чипи, успѣла заслонить всѣ другія его работы, и это онъ ей не могъ простить.

Деньги, шедшія къ нему самотекомъ, такъ же отъ него и уходили. Будучи человѣкомъ азартнымъ и большимъ мастеромъ по части блефа, онъ изъ

всѣхъ карточныхъ игръ ставилъ выше всего покеръ и въ покеръ могъ играть двадцать четыре часа подрядъ, а то и дольше. Ему, изошренному сновидцу (ибо видѣть сны — тоже искусство), чаще всего снилось слѣдующее: онъ собираетъ въ пачечку сданныя ему пять картъ (что за лоснистая, ярко-крапчатая у нихъ рубашка), смотритъ первую — шутъ въ колпакѣ съ бубенчиками, волшебный джокеръ: затѣмъ осторожнымъ и легкимъ давленіемъ большого пальца обнажаетъ край, только край, слѣдующей — въ уголку буква «А» и малиновое сердечко; затѣмъ — край слѣдующей, опять «А» и черный клеверный листикъ (бреланъ обезпеченъ); затѣмъ — та же буква и малиновый ромбикъ (однако, однако); въ пятый разъ наконецъ, выдвигается карта напаромъ пальца — Боже мой! тузъ пикъ... Это было волшебное мгновеніе. Онъ поднималъ голову, начинались крупныя ставки, онъ спокойно выпихивалъ на середину стола холодную кучу разноцвѣтныхъ фишекъ, и съ покернымъ, невозмутимымъ лицомъ просыпался.

Такъ онъ проснулся зимнимъ утромъ послѣ ужина у Кречмара. Первая мысль его была о Магдѣ, вторая: нужны деньги. Состояніе его души было какъ разъ обратнымъ тому, какое было у него при отъѣздѣ изъ Америки. Тогда на первомъ мѣстѣ было желаніе подальше оставить за собой неоплаченные, неоплатимые долги; на второмъ же — мысль, что удастся, быть можетъ, разыскать берлинскую дѣвченку, встрѣченную во время короткаго пребыванія на родинѣ.

Любовныя свои приключенія Горнъ вспоминалъ безъ нѣги. За эти пятнадцать лѣтъ, то-есть съ тѣхъ поръ, какъ онъ, юношей, накануне войны (очень удачно избѣгнутой), прибылъ изъ Гамбурга въ Америку, за эти пятнадцать лѣтъ Горнъ ни въ чемъ

не отказывалъ своему женолюбивому нраву, но какъ-то такъ выходило, что единственнымъ прекраснымъ и чистымъ воспоминаніямъ оказывалась Магда, — что-то было такое милое и простенькое въ ней, за этотъ послѣдній годъ вспоминалъ онъ ее очень часто и съ чувствительной грустью, которой до тѣхъ поръ онъ былъ чуждъ, посматривалъ на сохраненный имъ быстрый карандашный эскизъ. Это было даже странно, ибо трудно себѣ представить болѣе холоднаго, глумливаго и безнравственнаго человека, чѣмъ этотъ талантливый карикатуристъ. Начиная онъ съ того, что въ Гамбургѣ безпечно оставилъ нищую, полоумную мать, которая на другой же день послѣ его бѣгства въ Америку упала въ пролетъ лѣстницы и убилаь на смерть. Точно такъ же, какъ онъ въ дѣтствѣ обливалъ керосиномъ и поджигалъ живыхъ мышей, которыя, горя, еще бѣгали какъ метеоры, Горнъ и въ зрѣлыя годы постоянно добывалъ пищу для удовлетворенія своего любопытства, — да, это было только любопытство, остроумныя забавы, рисунки на поляхъ, комментаріи къ его искусству. Ему нравилось помогать жизни окарикатуриться, — спокойно наблюдать, напримѣръ, какъ жеманная женщина, лежа въ постели и томно улыбаясь спросонья, довѣрчиво и благодарно поѣдаетъ пахучій паштетъ, который онъ ей принесъ, — паштетъ, только что составленный имъ же изъ мерзѣйшихъ дворовыхъ отбросовъ. Войдя въ лавку восточныхъ тканей, онъ незамѣтно бросалъ тлѣющій окурокъ на сложенный въ углу шелковый товаръ и, однимъ глазомъ глядя на старика-еврея, съ улыбкой нѣжности и надежды разворачивающаго передъ нимъ за шалью шаль, другимъ наблюдалъ, какъ въ углу лавки язва окурка успѣла проѣсть дорогой шелкъ. Этотъ контрастъ и былъ для него сущностью ка-

рикатуры. Очень забавенъ конечно анекдотическій ученикъ, который, чтобы остановить и этимъ спасти великаго мастера, обливаетъ изъ ведра только-что оконченную фреску, замѣтивъ, что мастеръ, шурясь и пятясь съ кистью въ рукѣ, сейчасъ дойдетъ до конца площадки и рухнетъ съ лѣсовъ въ пропасть храма, — но насколько смѣшнѣе спокойнo дать великому мастеру вдохновенно допятиться... Самые смѣшные рисунки въ журналахъ именно и основаны на этой тонкой жестокости съ одной стороны и глуповатой довѣрчивости съ другой. Горнъ, бездѣйственно глядѣвшій, какъ, скажемъ, слѣпой собирается сѣсть на свѣже выкрашенную скамейку, только служилъ своему искусству.

Все это не относилось къ чувствамъ, возбужденнымъ въ немъ Магдой. Тутъ и въ художественномъ смыслѣ живописецъ въ Горнѣ торжествовалъ надъ зубоскаломъ. Онъ даже стыдился своей нѣжности къ ней и собственно говоря бросилъ-то Магду потому, что боялся слишкомъ къ ней привязаться.

Прежде всего слѣдовало установить, живетъ ли она у Кречмара, или только приходитъ къ нему ночевать. Горнъ посмотрѣлъ на часы. Полдень. Горнъ посмотрѣлъ въ бумажникъ. Пусто. Горнъ одѣлся, вышелъ изъ дорогого отельнаго номера и пѣшкомъ направился къ Кречмару. Падалъ мягкій, отвѣсный снѣгъ.

Самъ Кречмаръ открылъ ему дверь и не сразу узналъ вчерашняго гостя въ этомъ убѣленномъ снѣгомъ человѣкѣ. Но когда тотъ, вытеревъ ноги о матъ, поднялъ лицо, Кречмаръ обрадовался чрезвычайно. Ему вчера не только понравился разговоръ Горна, острота суждений и рѣзкій поворотъ всѣхъ мыслей, — понравилась ему и наружность Горна, — это чернобровое, бѣлое, какъ рисовая пудра, лицо, впалыя щеки, воспаленныя губы, коп-

на мягкихъ черныхъ волосъ, — уродъ уродомъ, сложенный впрочемъ великолѣпно и одѣтый съ небрежной американской нарядностью. «Оригинальныя черты», — снова подумалъ онъ, и съ большимъ удовольствіемъ вспомнилъ, что Магда, обсуждая только-что вчерашній ужинъ, сказала: «У этого твоего художника отталкивающая морда, — вотъ кого я ни за какіе шиши не согласилась бы поцѣловать». Любопытно было и то, что сказала о немъ Доріанна.

Горнъ извинился, что явился незванный, и Кречмаръ, смѣясь, усадилъ его въ кресло. «Долженъ признаться, — продолжалъ Горнъ, — что вы — одинъ изъ немногихъ людей въ Берлинѣ, съ которымъ мнѣ хочется поближе познакомиться. Въ Америкѣ мужчины дружатся легче и веселѣе, чѣмъ здѣсь, — я тамъ привыкъ не стѣсняться, простите, если я васъ шокирую... Но, пожалуйста, — продолжалъ онъ — уберите эту... эту... морскую свинью съ дивана, спрячьте, уничтожьте, это — единственная вещь въ вашемъ домѣ, которая для меня неприемлема. Кстати, разрѣшите мнѣ разсмотрѣть поближе ваши картины, — вонъ тамъ, кажется, что-то очень хорошее».

Кречмаръ повелъ его по комнатамъ; въ каждой было какое-нибудь замѣчательное полотно. Горнъ, глядя на картину, слегка откидывался, вытянувъ вдоль живота руки и держа себя за кисть. Въ теченіе ихъ прогулки пришлось пройти черезъ коридоръ. Въ это мгновеніе изъ ванны выскочила въ пестромъ халатѣ Магда. Она побѣжала вглубь коридора и чуть не потеряла туфлю. «Сюда», — сказалъ Кречмаръ, смущенно посмѣиваясь, и Горнъ послѣдовалъ за нимъ въ библіотечную. «Если я не ошибаюсь, — сказалъ онъ съ улыбкой, — это была фрейленъ Петерсъ, — она ваша родственница?»

«Чего тутъ дурака валять, — быстро подумаль Кречмаръ. — Этому остроглазому человѣку наплевать на условности». «Моя любовница», — отвѣтилъ онъ вслухъ, впервые назвавъ такъ Магду въ разговорѣ съ постороннимъ.

Онъ предложилъ Горну отобѣдать, и тотъ бодро согласился. Магда вышла къ столу томная, но спокойная, — чувство чего-то потрясающаго, невѣроятнаго, чувство, съ которымъ она вчера едва справилась, нынче смягчилось и засквозило счастьемъ. Сидя между двухъ этихъ мужчинъ, она чувствовала себя главной участницей таинственной и страстной фильмовой драмы и старалась вести себя подобающимъ образомъ, чуть-чуть улыбалась, опускала рѣсницы, нѣжно клала ладонь Кречмару на рукавъ, прося его передать ей фрукты, и скольльзящимъ, такъ называемымъ «безразличнымъ» взглядомъ окидывала прежняго своего любовника. «Теперь ужъ я его не отпущу», — вдругъ подумала она и судорожно повела лопатками.

Горнъ говорилъ объ Америкѣ, о тихой, старомодной американской провинціи, о большихъ озерахъ, о любопытномъ обрядѣ погребенія у индѣйцевъ. Изрѣдка онъ поглядывалъ на Магду, и она, какъ всѣ женщины, машинально провѣряла взглядомъ и даже легкимъ движеніемъ пальцевъ то мѣсто своего платья, которое на мигъ затронулъ его взглядъ. «А мы скоро увидимъ кое-кого на экранѣ», — сказалъ Кречмаръ, подмигнувъ, — и Магда надула свои мягкія, розовыя губы и слегка хлопнула его по рукѣ. «Вы актриса? — сказалъ Горнъ. — Вотъ какъ. Гдѣ же вы снимаетесь?»

Она объяснила, не глядя на него и испытывая большую гордость отъ того, что онъ оказался известнымъ художникомъ, а она — фильмовой ди-

вой, и оба какъ бы стоять теперь на одномъ уровнѣ.

Горнъ ушелъ сразу послѣ обѣда, прикинулъ мысленно, чѣмъ заняться, и отправился въ игорный клубъ. Черезъ день онъ позвонилъ Кречмару, и они вдвоемъ побывали на выставкѣ картинъ. Еще черезъ день Горнъ у него ужиналъ, а затѣмъ какъ-то забѣжалъ ненарокомъ, но Магды не было дома, и ему пришлось удовольствоваться задушевной бесѣдой съ Кречмаромъ. Горнъ начиналъ сердиться. Наконецъ, судьба надъ нимъ сжалилась. Это случилось на матчѣ хоккея въ Спортъ-Паласѣ.

Когда они втроемъ пробирались къ ложѣ, Кречмаръ въ десяти шагахъ отъ себя замѣтилъ затылокъ Макса и косичку дочери. Вышло неожиданно, и глупо, и страшно; онъ въ первое мгновеніе совершенно потерялся и, неловко повернувшись, сильно толкнулъ бокомъ Магду. «Полегче!» — сказала она довольно рѣзко.

«Вотъ что, — проговорилъ Кречмаръ, — вы садитесь, закажите что-нибудь, а я долженъ пойти позвонить по телефону, — совсѣмъ вылетѣло изъ головы». «Пожалуйста, не уходи», — сказала Магда и встала. «Ахъ, это необходимо, — продолжалъ онъ, сутулясь, стараясь сдѣлаться меньше и мучительно спрашивая себя: Ирма видитъ меня или не видитъ? — Необходимо... Если меня задержать, не взыщи. Извините, пожалуйста, господинъ Горнъ».

«Я прошу тебя остаться», — тихо повторила Магда.

Но, не обративъ вниманія на ея странный взглядъ, на румянецъ, на подергиваніе губъ, онъ еще больше сгорбился и поспѣшно протискался къ выходу.

«Наконецъ-то», — торжественно сказалъ Горнъ.

Они сидѣли рядомъ за чисто накрытымъ столикомъ, и внизу, сразу за барьеромъ, ширилась огромная ледяная арена. Играла музыка. Пустынный еще ледъ отливаль маслянисто-сизымъ блескомъ.

«Теперь ты понимаешь?» — вдругъ спросила Магда, сама едва зная, что спрашиваетъ.

Горнъ хотѣлъ было отвѣтить, но тутъ вся исполнинская зала затрещала рукоплесканьями. Онъ завладѣлъ подъ столомъ ея маленькой горячей рукой. Магда почувствовала опять, какъ тогда, на улицѣ, приступъ слезъ, но руки не отняла.

На ледъ вылетѣла женщина въ красномъ, описала изумительный кругъ и сдѣлала пируэтъ. Ея блестящіе коньки скользили молніевидно и рѣзали ледъ съ мучительнымъ звукомъ.

«Ты меня бросилъ», — начала Магда.

«Да, но я же вернулся. Не реви. Посмотри, какъ она пляшетъ. Ты давно съ нимъ?»

Магда заговорила, но опять поднялся гулъ; она облокотилась на столъ и нѣкоторое время сидѣла, закрывшись рукой и закусивъ губу.

«А вотъ и они», — задумчиво проговорилъ Горнъ.

Переливалось шумное волненіе. На ледъ плавно выѣхали игроки, сперва шведы, потомъ нѣмцы. Очень хорошъ былъ голкиперъ въ толстомъ своемъ свѣтерѣ и съ огромными кожаными щитами на голеняхъ.

«...онъ собирается съ ней разводиться. Ты понимаешь, какъ ты появился некстати...»

«Какая чушь. Неужели ты думаешь, что онъ женится на тебѣ!»

«А ты вотъ помѣшай, тогда не женится».

«Нѣтъ, Магда, онъ этого никогда не сдѣлаетъ.»

«А я тебѣ говорю, что сдѣлаетъ».

Они тутъ же поссорились, но шевелили губами неслышно, такъ какъ было кругомъ шумно — захлебывающійся, радостный человѣческій лай. Тамъ, на льду, изогнутыя палки подцѣпляли проворно скользящій пластокъ, передавали его другъ дружкѣ, съ размаху били по нему или подкатывали его, — игроки летѣли во весь опоръ, то разбѣгаясь вдругъ концентрическими кругами, то соединяясь опять, — и голкиперъ, весь собравшись, сжавши такъ ноги, что щиты сливались въ одну поверхность, упруго ѣздилъ на мѣстѣ, выглядывая, куда придется ударъ.

«...это ужасно, что ты вернулся. Ты же, по сравненію съ нимъ, нищій. Боже мой, теперь я знаю, все будетъ испорчено».

«Пустяки, пустяки, мы будемъ крайне осторожны».

«Знаешь что, — сказала Магда, — увези меня отсюда. У меня голова трещитъ отъ этого гула, я не могу. Онъ, видно, уже не вернется, а если вернется, чортъ съ нимъ».

«Поѣдемъ ко мнѣ, — не будь душой. Только на часокъ».

«Ты съ ума сошелъ. Я рисковать не намѣрена. Я обрабатываю его около года, и только теперь договорились до развода. Неужели я стану рисковать?»

«Онъ не женится», — сказалъ Горнъ убѣжденно.

«Ты меня отвезешь домой или нѣтъ?» — спросила она и быстро подумала: «Въ автомобилѣ поцѣлую».

«Скажи какъ ты вынюхала, что у меня нѣтъ денегъ?»

«Ахъ, это видно по твоимъ глазамъ, — сказала она и прижала къ ушамъ ладони, такъ какъ шумъ

поднялся нестерпимый, — забили голъ, шведскій вратарь лежалъ на льду, выбитая палка, тихо кру- тясь, скользила въ сторону, словно потерянное весло.

«Не понимаю, зачѣмъ ты откладываешь, Магда. Это случится неизбежно, — нечего терять золотое время».

Они вышли изъ ложи. Магда вдругъ покраснѣла и сдвинула брови. На нее смотрѣлъ толстый, тем- ноглазый господинъ, — взглядъ его выражалъ от- вращеніе. Рядомъ съ нимъ сидѣла дѣвочка и, уста- вившись въ огромный, черный бинокль, слѣдила за возобновившейся игрой.

«Обернись, — сказала Магда своему спутнику. — Видишь этого толстяка и дѣвочку, вонъ тамъ, — видишь? Это его шуринъ и дочка. Понимаю, по- чему мой трусъ улизнулъ, жалко, что я не замѣти- ла раньше. Толстякъ меня разъ выругалъ дѣвкой. Если бъ его кто-нибудь избилъ...»

«А ты еще говоришь о бракѣ, — сказалъ Горнъ, идя за ней внизъ по лѣстницѣ. — Никогда онъ не женится. Поѣдемъ сейчасъ ко мнѣ, ну на полчаса- ка. Не хочешь? Ахъ, ладно, ладно. Я просто такъ. Я тебя отвезу, только помни, что у меня нѣтъ ме- лочи».

XVII.

Максъ проводилъ ее взглядомъ: у добрѣйшаго этого человѣка чесались руки. Онъ подивился, к ея спутникъ, и гдѣ Кречмаръ, и долго еще пог- дывалъ съ опаской по сторонамъ, боясь вдру

увидѣть не только Магду, но и Кречмара. Было большое облегченіе, когда кончилась игра, и можно было Ирму увезти. «Ничего не скажу Аннелизѣ», — рѣшилъ онъ, когда пріѣхали домой. Ирма была молчалива, — только кивала и улыбалась на вопросы матери.

«Самое удивительное, какъ они не устаютъ такъ бѣгать по льду», — сказалъ Максъ.

Аннелиза задумчиво взглянула на него, потомъ обратилась къ дочкѣ: «Спать, спать». «Ахъ, нѣтъ», — сонно сказала Ирма. «Что ты, полночь. Какъ же можно!»

«Скажи, Максъ, — спросила Аннелиза, когда дѣвочку уложили, — у меня почему-то чувство, что произошло там что-то, мнѣ было такъ безпокойно дома. Максъ, скажи мнѣ?»

Онъ смутился. Послѣ размолвки съ мужемъ, у Аннелизы развилась прямо какая-то телепатическая впечатлительность.

«Никакихъ встрѣчъ? — настаивала она. — Навѣрное?»

«Ахъ, перестань. Откуда ты взяла?»

«Я всегда этого боюсь», — сказала она тихо.

На другое утро Аннелиза проснулась оттого, что бонна вошла въ комнату, держа въ рукѣ градусникъ. «Ирма больна, сударыня, — объявила она съ улыбкой. — Вотъ — тридцать восемь и пять». «Тридцать восемь и пять», — повторила Аннелиза, а въ мысляхъ мелькнуло: «Ну вотъ, — недаромъ я вчера безпокоилась».

Она выскочила изъ постели и поспѣшила въ дѣтскую. Ирма лежала навзничъ и блестящими глазами глядѣла въ потолокъ. «Тамъ рыбакъ и лодка», — сказала она, показывая движеніемъ бровей на потолокъ, гдѣ лучи лампы (было еще очень рано, и

шелъ снѣгъ) образовали какіе-то узоры. «Горлышко не болитъ?» — спросила Аннелиза, поправляя одѣяло и глядя съ безпокойствомъ на остренькое лицо дочери. «Боже мой, какой лобъ горячій!» — воскликнула она, откидывая со лба Ирмы легкіе, блѣдные волосы. «И еще тростники», — тихо проговорила Ирма, глядя вверхъ.

«Надо позвонить доктору», — сказала Аннелиза, обратившись къ боннѣ. «Ахъ, сударыня, нѣтъ нужды, — возразила та съ неизмѣнной улыбкой. — Я дамъ ей горячаго чаю съ лимономъ, аспирина, укрою. Всѣ сейчасъ больны гриппомъ».

Аннелиза постучала къ Максѹ, который брился. Такъ, съ намыленными щеками, онъ и вошелъ къ Ирмѣ. Максъ постоянно умудрялся порѣзаться — даже безопасной бритвой, — и сейчасъ у него на подбородкѣ расплылось сквозь пѣну ярко-красное пятно. «Земляника со сливками», — томно и тихо произнесла Ирма, когда онъ нагнулся надъ ней. «Она бредитъ!» — испуганно сказалъ Максъ, обернувшись къ боннѣ. «Ахъ, какое, — сказала та спокойно. — Это про вашъ подбородокъ».

Врачъ, обыкновенно лечившій у нихъ съ тѣхъ поръ, какъ родилась Ирма, оказался въ отъѣздѣ, и Аннелиза не обратилась къ его замѣстителю, а вызвала другого доктора, который въ свое время бывалъ у нихъ въ гостяхъ и слылъ превосходнымъ интернистомъ. Докторъ явился подвечеръ, сѣлъ на край Ирминой постели и, глядя въ уголь, сталъ считать ея пульсъ. Ирма разсматривала его бѣлый бобрѣкъ, обезьянье ухо, извилистую жилу на вискѣ. «Такъ-съ», — произнесъ онъ, посмотрѣвъ на нее поверхъ очковъ. Онъ велѣлъ ей сѣсть. Аннелиза помогла снять рубашку. Ирма была очень бѣленькая и худенькая. Докторъ сталъ трамбовать ея спину стетоскопомъ, тяжело дыша и прося ее ды-

шать тоже. «Такъ-съ», — сказалъ онъ опять. Наконецъ, послѣ еще нѣкоторыхъ манипуляцій, онъ разогнулся, и Аннелиза повела его въ кабинетъ, гдѣ онъ сѣлъ писать рецепты. «Да, гриппъ, — сказалъ онъ. — Повсемѣстно. Вчера даже отмѣнили концертъ. Заболѣла и пѣвица и ея аккомпаниаторъ».

На другое утро температура слегка понизилась. Зато Максъ былъ очень красенъ, поминутно сморкался, однако отказался лечь и даже поѣхалъ къ себѣ въ контору. Бонна тоже почихивала.

Вечеромъ, когда Аннелиза вынула теплую стеклянную трубочку изъ подмышки у дочери, она съ радостью увидѣла, что ртуть едва перешла черезъ красную черточку жара. Ирма пощурилась отъ свѣта и потомъ повернулась къ стѣнкѣ. Въ комнатѣ потемнѣло. Было тепло, уютно и немножко сумбурно. Она вскорѣ заснула, но проснулась среди ночи отъ ужасно непріятнаго сна. Хотѣлось пить. Ирма нащупала на столикѣ рядомъ стаканъ съ лимонадомъ, выпила и, чмокая и поглатывая, поставила обратно, почти безъ звона. Въ спальнѣ было какъ будто темнѣе, чѣмъ обыкновенно. За стѣной надрывно и какъ-то восторженно храпѣла бонна. Ирма послушала этотъ храпъ, потомъ стала ждать рокота электрическаго поѣзда, который какъ разъ вылѣзалъ изъ-подъ земли неподалеку отъ дома. Но рокота все не было. Вѣроятно поѣзда уже не шли. Она лежала съ открытыми глазами, и вдругъ донесся съ улицы знакомый свистъ на четырехъ нотахъ. Такъ свисталъ ея отецъ, когда вечеромъ возвращался домой, — просто предупреждалъ, что сейчасъ онъ и самъ появится, и можно велѣть подавать. Ирма отлично знала, что это сейчасъ свистеть не отецъ, а странный человѣкъ, который вотъ уже недѣли двѣ, какъ повадился ходить въ гости къ дамѣ, жившей наверху, — Ирмѣ повѣда-

ла объ этомъ дочка швейцара и показала ей языкъ, когда Ирма резонно замѣтила, что глупо приходиться такъ поздно. Самое удивительное и таинственное, однако, было то, что онъ свисталъ точь-въ-точь какъ отецъ, но объ этомъ не слѣдовало распространяться: отецъ поселился отдѣльно со своей маленькой подругой, — это Ирма узнала изъ разговора двухъ знакомыхъ дамъ, спускавшихся по лѣстницѣ. Свистъ подъ окномъ повторился. Ирма подумала: «Кто знаетъ, это можетъ быть все-таки отецъ, и его никто не впускаетъ, и говорятъ нарочно, что это чужой». Она откинула одѣяло и на цыпочкахъ пошла къ окну. По дорогѣ она толкнула стулъ, но бонна продолжала трубить и клокотать, какъ ни въ чемъ не бывало. Когда она открыла, пахнуло чудеснымъ морознымъ воздухомъ. На мостовой стоялъ человѣкъ и глядѣлъ вверхъ. Она довольно долго смотрѣла на него, — къ ея большому разочарованію это не былъ отецъ. Человѣкъ постоялъ, постоялъ, потомъ повернулся и ушелъ. Ирмѣ стало жалко его, — надо было бы собственно открыть ему, — но она такъ закоченѣла, что едва хватило силъ запереть окно. Вернувшись въ постель, она никакъ не могла согрѣться и, когда наконецъ заснула, ей приснилось, что она играетъ съ отцомъ въ хоккей, и отецъ, смѣясь, толкнулъ ее, она упала спиной на ледъ, ледъ колетъ, а встать невозможно.

Утромъ у нея было сорокъ и три десятыхъ, и докторъ, котораго тотчасъ вызвали, велѣлъ немедленно облечь ее въ тугую компрессъ. Аннелиза вдругъ почувствовала, что сходить съ ума, что судьба просто не имѣетъ права такъ ее мучить, и рѣшила не поддаваться, и даже улыбалась, когда прощалась съ докторомъ. Передъ уходомъ онъ еще заглянулъ къ боннѣ, которая прямо сгорала

отъ жара, но у этой здоровенной женщины ничего не было серьезнаго. Максъ проводилъ доктора до прихожей, и простуженнымъ голосомъ, стараясь говорить шопотомъ, спросилъ, правда ли, что жизнь Ирмы не въ опасности. Докторъ Лампертъ оглянулся на дверь и поджалъ губы. «Завтра посмотримъ, — сказалъ онъ. — Я впрочемъ еще и сегодня заѣду». «Все то же самое, — думалъ онъ, сходя по лѣстницѣ. — Тѣ же вопросы, тѣ же умоляющіе взгляды». Онъ посмотрѣлъ въ записную книжку и сѣлъ въ автомобиль, а минутъ черезъ пять уже входилъ въ другую квартиру. Кречмаръ встрѣтилъ его въ шелковой курткѣ съ бранденбургамн. «Она со вчерашняго дня какая-то кислая, — сказалъ онъ. — Жалуетса, что все болитъ». «Жаръ есть?» — спросилъ Лампертъ, съ нѣкоторой тоской думая о томъ, сказать ли этому глупо озабоченному человѣку, что его дочь опасно больна. «Температуры какъ будто нѣтъ, — сказалъ Кречмаръ съ тревогой въ голосѣ. — Но я слышалъ, что гриппъ безъ температуры — очень непріятная вещь». «Къ чему собственно рассказывать? — подумалъ Лампертъ. — Семейю онъ бросилъ съ совершенной безпечностью. Захотятъ — извѣстятъ сами. Нечего мнѣ соваться въ это».

«Ну, ну, — сказалъ Лампертъ, — покажите мнѣ нашу милую больную».

Магда лежала на кушеткѣ, вся въ шелковыхъ кружевахъ, злая и розовая, рядомъ сидѣлъ, скрестивъ ноги, художникъ Горнъ и карандашомъ рисовалъ на исподѣ папиросной коробки ея прелестную голову. «Прелестная, слова нѣтъ, — подумалъ Лампертъ. — А все-таки въ ней есть что-то отъ гадюки».

Горнъ посвистывая ушелъ въ сосѣдную комна-

ту, и Лампертъ съ легкимъ вздохомъ приступилъ къ осмотру больной.

Маленькая простуда, — больше ничего.

«Пускай посидить дома два-три дня, — сказалъ Лампертъ. — Какъ у васъ съ кинематографомъ? Кончили сниматься?»

«Охъ, слава Богу, кончила! — отвѣтила Магда, томно запахиваясь. — Но скоро будутъ намъ фильму показывать, — я непременно должна быть къ тому времени здорова».

«Съ другой же стороны, — безпричинно подумалъ Лампертъ, — онъ съ этой молодой дрянью сядетъ въ галошу».

Когда врачъ ушелъ, Горнъ вернулся въ гостиную и продолжалъ небрежно рисовать, посвистывая сквозь зубы. Кречмаръ стоялъ рядомъ и смотрѣлъ на ритмическій ходъ его бѣлой руки. Потомъ онъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ дописывать статью о нашумѣвшей выставкѣ.

«Другъ дома», — сказалъ Горнъ и усмѣхнулся.

Магда посмотрѣла на него и сердито проговорила:

«Да, я тебя люблю, такого большого уroda, — но ~~я~~ ~~его~~ не подѣлаешь...»

Онъ повертѣлъ коробку передъ собой, потомъ бросилъ ее на столъ.

«Послушай, Магда, ты все-таки когда-нибудь собираешься ко мнѣ придти? Очень, конечно, веселы эти мои визиты, но что же дальше?»

«Во-первыхъ, говори тише; во-вторыхъ, я вижу, что ты будешь доволенъ только тогда, когда начнутся всякія ужасныя неосторожности, и онъ меня убьетъ или выгонитъ изъ дому, и будемъ мы съ тобой безъ гроша».

«Убьетъ... — усмѣхнулся Горнъ. — Тоже скажешь».

«Ахъ, подожди немножко, я прошу тебя. Ты понимаешь, — когда онъ на мнѣ женится, мнѣ будетъ какъ-то спокойнѣе, свободнѣе... Изъ дому жены такъ легко не выгонишь. Кромѣ того, имѣется кинематографъ, — всякіе у меня планы».

«Кинематографъ», — усмѣхнулся Горнъ.

«Да, вотъ увидишь. Я увѣрена, что фильма вышла чудная. Надо ждать... Мнѣ такъ же невтерпѣжъ, какъ и тебѣ».

Онъ пересѣлъ къ ней на кушетку и обнялъ ее за плечо. «Нѣтъ, нѣтъ», — сказала она, уже дрожа и жмуясь. «Въ видѣ закуски, — одинъ поцѣлуй, — въ видѣ закуски». «Только недолгій», — сказала она глухо.

Онъ нагнулся къ ней, но вдругъ стукнула дальняя дверь, слышались шаги.

Горнъ хотѣлъ выпрямиться, но въ тотъ же мигъ замѣтилъ, что шелковое кружево на плечѣ у Магды захватило пуговицу на его обшлагѣ. Магда быстро принялась распутывать, — но шаги уже приближались, Горнъ рванулъ руку, кружево однако было плотное, Магда зашипѣла, теребя нитями петли, — и тутъ вошелъ Кречмаръ.

«Я не обнимаю фрейлинъ Петерсъ, — подробно сказалъ Горнъ. — Я только хотѣлъ поправить подушку и запутался».

Магда продолжала теребить кружево, не поднимая рѣсницъ, — положеніе было чрезвычайно карикатурное, Горнъ его мысленно отмѣтилъ съ восхищеніемъ.

Кречмаръ молча вынулъ перочинный ножъ и открылъ его, сломавъ себѣ ногти. Карикатура продолжалась.

«Только не зарѣжьте ее», — восторженно сказалъ Горнъ и началъ смѣяться. «Пусти», — произнесъ Кречмаръ, но Магда крикнула: «Не смѣй рѣзать, лучше отпороть пуговицу» («Ну это положимъ!» — радостно вставилъ Горнъ). Былъ мигъ, когда оба мужчины какъ-бы навалились на нее. Горнъ на всякій случай дернулся опять, что-то треснуло, онъ освободился.

«Пойдемте ко мнѣ въ кабинетъ», — сказалъ Кречмаръ, не глядя на Горна.

«Ну-съ, надо держать ухо востро», — подумалъ Горнъ и очень кстати вспомнилъ приемъ, которымъ онъ уже два раза въ жизни пользовался, чтобъ отвлечь вниманіе соперника.

«Садитесь, — сказалъ Кречмаръ. — Вотъ что. Я хотѣлъ попросить васъ сдѣлать нѣсколько рисунковъ, — тутъ была интересная выставка, — мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы сдѣлали нѣсколько карикатуръ на тѣ или иныя картины, которыя я разношу въ моей статьѣ, — чтобы вышли, такъ сказать, иллюстраціи къ ней. Статья очень сложная, язвительная...»

«Эге, — подумалъ Горнъ, — это у него, значитъ, хмурость работающей фантазіи. Какая прелесть!»

«Я къ вашимъ услугамъ, — проговорилъ онъ вслухъ. — Съ удовольствіемъ. У меня тоже къ вамъ небольшая просьба. Жду гонорара изъ нѣсколькихъ мѣстъ, и сейчасъ мнѣ приходится туговато, — вы могли бы мнѣ одолжить — пустякъ, скажемъ: тысячу марокъ?»

«Ахъ, конечно, конечно. И больше, если хотите. И само собой разумѣется, что вы должны назначить мнѣ цѣну на иллюстраціи».

«Это каталогъ? — спросилъ Горнъ. — Моя посмотрѣть?»

«Все женщины, женщины, — съ нарочитой брезгливостью произнесъ Горнъ, разглядывая репродукціи. — Мальчишекъ совсѣмъ не рисуютъ».

«А на что вамъ они?» — лукаво спросилъ Кречмаръ.

Горнъ простодушно объяснилъ.

«Ну, это дѣло вкуса», — сказалъ Кречмаръ и продолжалъ, щеголяя широтой своихъ взглядовъ: «Конечно, я не осуждаю васъ. Это, знаете, часто встрѣчается среди людей искусства. Меня бы это покорило въ чиновникѣ или въ лавочникѣ, — но живописецъ, музыкантъ, — другое дѣло. Впрочемъ, одно могу вамъ сказать, — вы очень много теряете».

«Благодарю покорно, для меня женщина, — только милое млекопитающее, — нѣтъ, нѣтъ, увольте!»

Кречмаръ разсмѣялся. «Ну, если на то пошло, и я долженъ вамъ кое-въ чемъ признаться. Доріанна, какъ увидѣла васъ, сразу сказала, что вы къ женскому полу равнодушны».

(«Ахъ, мерзавка», — подумалъ Горнъ).

XVIII.

Прошло три дня. Магда все еще покашливала и, будучи чрезвычайно мнительной, не выходила, — валялась на кушеткѣ въ кимоно. Кречмаръ работалъ у себя въ кабинетѣ. Отъ нечего дѣлать, Магда стала развлекаться тѣмъ, чему ее какъ-то научилъ Горнъ: удобно расположившись среди подушекъ, она звонила незнакомымъ людямъ, фирмамъ, магазинамъ, заказывала вещи, которыя ве-

лѣла посылать по выбраннымъ въ телефонной книжкѣ адресамъ, дурачила солидныхъ лицъ, десять разъ подрядъ звонила по одному и тому же номеру, доводя до изступленія занятого человѣка, — и выходило иногда очень забавно, и бывали замѣчательныя объясненія въ любви и еще болѣе замѣчательная ругань. Вошелъ Кречмаръ, остановился, глядя на нее со смѣхомъ и любовью и слушая, какъ она заказываетъ для кого-то гробъ. Кимоно на груди распахнулось, она сучила ножками отъ озорной радости, длинные глаза блистали и щурились. Онъ сейчасъ испытывалъ къ ней страстную нѣжность (еще обостренную тѣмъ, что послѣднюю недѣлю она, ссылаясь на болѣзнь, не подпускала его) и тихо стоялъ поодаль, боясь подойти, боясь испортить ей забаву.

Теперь она рассказывала какому-то профессору Груневальду вымышленную исторію своей жизни и умоляла, чтобъ онъ встрѣтилъ ее въ полночь у знаменитыхъ вокзальныхъ часовъ напротивъ Зоологическаго Сада, — и профессоръ на другомъ концѣ провода мучительно и тяжелодумно рѣшалъ про себя, мистификація ли это, или дань его славы экономиста и философа.

Въ виду этихъ Магдиныхъ утѣхъ, не удивительно, что Максу, вотъ уже полчаса, не удавалось добиться телефоннаго соединенія съ квартирой Кречмара. Онъ пробовалъ вновь и вновь, и всякій разъ — невозмутимое жужжаніе. Наконецъ онъ всталъ, почувствовалъ головокруженіе и сѣлъ опять: эти ночи онъ не спалъ вовсе, — но не все ли равно, сейчасъ его долгъ — вызвать Кречмара. Судьба невозмутимымъ жужжаніемъ какъ будто препятствовала его намѣренію, но Максъ былъ настойчивъ: если не такъ, то иначе. Онъ на цыпочкахъ прошелъ въ дѣтскую, гдѣ было темновато и очень тихо, не-

смотря на смутное присутствіе нѣсколькихъ людей, глянулъ на затылокъ Аннелизы, на ея пуховой платокъ, — и, вдругъ рѣшившись, повернулся, вышелъ вонъ, мыча и задыхаясь отъ слезъ, напялилъ пальто и поѣхалъ звать Кречмара.

«Подождите», — сказалъ онъ шоферу, сойдя на панель передъ знакомымъ домомъ.

Онъ уже напиралъ на тяжелую парадную дверь, когда сзади подоспѣлъ Горнъ, и они вошли вмѣстѣ. На лѣстницѣ они взглянули другъ на друга и тотчасъ вспомнили хоккейную игру. «Вы къ господину Кречмару?» — спросилъ Максъ. Горнъ улыбнулся и кивнулъ. «Такъ вотъ что: сейчасъ ему будетъ не до гостей, я — братъ его жены, я къ нему съ невеселой вѣстью».

«Давайте — передамъ?» — гладкимъ голосомъ предложилъ Горнъ, невозмутимо продолжая подниматься рядомъ.

Максъ страдалъ одышкой; онъ на первой же площадкѣ остановился, исподлобья, по-бычьи, глядя на Горна. Тотъ выжидательно замеръ и съ любопытствомъ осматривалъ заплаканнаго, багроваго, толстаго спутника.

«Я совѣтую вамъ отложить ваше посѣщеніе, — сказалъ Максъ, сильно дыша. — У моего зятя умираетъ дочь».

Онъ двинулся дальше. Горнъ спокойно за нимъ послѣдовалъ («забавная штука, это упустить нельзя...»). Максъ отлично слышалъ шаги за собой, но его душила мутная злоба, онъ боялся, что не хватитъ дыханія дойти и потому берегъ себя. Когда они добрались до двери квартиры, онъ повернулся къ Горну и сказалъ: «Я не знаю, кто вы и что вы, — но я вашу настойчивость отказываюсь понимать».

«Я — другъ дома», — ласково отвѣтилъ Горнъ и, вытянувъ длинный, прозрачно-бѣлый указательный палецъ, позвонилъ.

«Ударить его палкой? — подумалъ Максъ. — Ахъ, не все ли равно... Только бы скорѣй вернуться».

Открылъ слуга (похожій, по мнѣнію Магды, на лорда).

«Доложите, голубчикъ, — томно сказалъ Горнъ, — вотъ этотъ господинъ хочетъ видѣть... — »

«Потрудитесь не вмѣшиваться!» — со взрывомъ гнѣва перебилъ Максъ и, стоя посреди прихожей, во всю силу легкихъ позвалъ: «Бруно!» — и еще разъ: «Бруно!»

Кречмаръ, увидя шурина, его перекошенное лицо, опухшіе глаза, съ разбѣгу поскользнулся и круто сталъ. «Ирма опасно больна, — сказалъ Максъ, стукнувъ объ полъ тростью. — Совѣтую тотчасъ поѣхать...»

Короткое молчаніе. Горнъ жадно смотрѣлъ на обоихъ. Вдругъ изъ гостиной звонко и ясно раздался Магдинъ голосъ: «Бруно, на минутку».

«Мы сейчасъ поѣдемъ», — сказалъ Кречмаръ, заикаясь, и ушелъ въ гостиную.

Магда стояла, скрестивъ на груди руки. «Моя дочь опасно больна, — сказалъ Кречмаръ. — Я туда ѣду».

«Это вранье, — проговорила она злобно. — Тебя хотятъ заманить».

«Опомнись... Магда... ради Бога.»

Она схватила его за руку: «А если я поѣду съ тобой вмѣстѣ?»

«Магда, пожалуйста, ну пойми, меня ждутъ».

«...околпачить. Я тебя не отпущу...»

«Меня ждуть, меня ждуть», — сказалъ Кречмаръ, заикаясь и пуча глаза.

«Если ты посмѣешь...»

Максъ стоялъ въ передней, продолжая стучать тростью. Горнъ вынулъ портсигаръ. Изъ гостиной слышался взрывъ голосовъ. Горнъ предложилъ Максѹ папиросу. Максъ не глядя, отпихнулъ портсигаръ локтемъ, и папиросы разсыпались. Горнъ засмѣялся. Опять взрывъ голосовъ. «О, какая мерзость...» — пробормоталъ Максъ, дернувъ дверь на лѣстницу и, съ трясущимися щеками, быстро спустился.

«Ну, что?» — шопотомъ спросила бонна, когда онъ вернулся.

«Нѣтъ, не пріѣдетъ», — отвѣтилъ онъ, закрылъ на минуту ладонью глаза, потомъ прочистилъ горло и опять, какъ давеча, на цыпочкахъ, прошелъ въ дѣтскую.

Тамъ было все по-прежнему. Ирма тихо мотала изъ стороны въ сторону головой, полураскрытые глаза какъ будто не отражали свѣта. Она тихонько икнула. Аннелиза поглаживала одѣяло у ея плеча. Ирма вдругъ слегка напряглась на подушкахъ, откидывая лицо. Со стола упала ложечка — и этотъ звонъ долго оставался у всѣхъ въ ушахъ. Сестра милосердія стала считать пульсъ и потомъ осторожно, словно боясь повредить, опустила руку дѣвочки на одѣяло. «Она, можетъ быть, хочетъ пить?» — прошептала Аннелиза. Сестра покачала головой. Кто-то въ комнатѣ очень тихо кашлянулъ. Ирма продолжала мотаться, затѣмъ принялась медленно поднимать и выпрямлять подъ одѣяломъ колѣно.

Скрипнула дверь, и вошла бонна, сказала что-то

на ухо Максѹ, тотъ кивнулъ, она вышла. Дверь опять скрипнула, Аннелиза не повернула головы...

Кречмаръ остановился, въ двухъ шагахъ отъ постели, лишь смутно видя пуховой платокъ и блѣдые волосы жены: зато съ потрясающей ясностью видя лицо дочери, ея маленькія, черныя ноздри и желтоватый лоскъ на кругломъ лбу. Такъ онъ простоялъ довольно долго, потомъ широко разинулъ ротъ, — кто-то подоспѣлъ и взялъ его подъ локоть.

Онъ тяжело сѣлъ у стола въ кабинетѣ. Въ углу, на диванѣ, сидѣли двѣ смутно-знакомыя дамы, на стулѣ поодаль рыдала бонна. Осанистый старикъ, неизвѣстно кто, стоялъ у окна и курилъ. На столѣ была хрустальная ваза съ апельсинами и пепельница, полная окурковъ.

«Почему меня не позвали раньше?» — тихо сказалъ Кречмаръ, поднявъ брови, и такъ и остался съ поднятыми бровями, а потомъ покачалъ головой и сталъ трещать пальцами. Всѣ молчали. Тикали часы. Откуда-то появился Лампертъ, ушелъ въ дѣтскую и очень скоро вернулся.

«Ну что?» — хрипло спросилъ Кречмаръ.

Лампертъ, обратившись къ осанистому старику, сказалъ что-то о камфорѣ и вышелъ.

Протекло неопредѣленное количество времени. За окнами было темно. Кречмаръ раза два входилъ въ дѣтскую и всякій разъ что-то кипяткомъ по-ступало къ горлу, и онъ опять возвращался въ кабинетъ и садился у стола. Погодя онъ взялъ апельсинъ и машинально принялся его чистить. Было еще тише, чѣмъ раньше, и за окномъ, должно быть, шелъ снѣгъ. Съ улицы доносились рѣдкѣватые звуки, по временамъ что-то стучало въ

ровомъ отопленіи. Кто-то внизу на улицѣ звучно свистнулъ на четырехъ нотахъ, — и опять тишина. Кречмаръ медленно ѣлъ апельсинъ. Апельсинъ былъ очень кислый. Вдругъ вошелъ Максъ и ни на кого не глядя развелъ руками.

Въ дѣтской Кречмаръ увидѣлъ спину жены, неподвижно и напряженно склонившейся надъ кроватью, — сестра милосердія взяла ее за плечи и отвела въ полутьму. Онъ подошелъ къ кровати, — но все дрожало и мутилось передъ нимъ, — на мигъ ясно проплыло маленькое, мертвое лицо, короткая, блѣдная губа, обнаженные передніе зубы, одного нехватало, — молочного зубка, молочного, — потомъ все опять затуманилось, и Кречмаръ повернулся, стараясь никого не толкнуть, вышелъ. Внизу дверь оказалась заперта, но погода сошла какая-то дама въ шали и впустила ослѣженного и озябшаго человѣка, вѣроятно того, который только что свисталъ. Уже выйдя на улицу, Кречмаръ почему-то посмотрѣлъ на часы. Было за полночь. Неужели онъ тамъ пробылъ пять часовъ?

Онъ пошелъ по бѣлой панели и все никакъ не могъ освоить, что случилось. «Умерла», — повторилъ онъ нѣсколько разъ и удивительно живо вообразилъ Ирму, влѣзающей къ Максѹ на колѣни или бросающей обѣ стѣну мячъ. Межъ тѣмъ, какъ ни въ чемъ не бывало трубили таксомоторы, небо было черно, и только тамъ, далеко, въ сторонѣ Гедехтнискирхе, чернота переходила въ теплый коричневый тонъ, въ смуглое электрическое зарево.

Наконецъ онъ добрался до дому. Магда лежала на кушеткѣ, полуголая, размаянная, и курила. Кречмаръ мелькомъ вспомнилъ, что ушелъ изъ дому, поссорившись съ ней, но это было сейчасъ неважно. Она молча прослѣдила за нимъ глазами, какъ

онъ тихо бродить по комнатѣ, вытирая мокрое отъ снѣгу лицо. Никакой досады она сейчасъ противъ него не испытывала, — была только блаженная усталость. Недавно ушелъ Горнъ, тоже усталый и тоже очень довольный.

XIX.

Кречмаръ на нѣкоторое время замолкъ. Его угнетала безпримѣрная тоска. Впервые, можетъ быть, за этотъ годъ сожителства съ Магдой, онъ отчетливо осознавалъ тотъ легкій налетъ гнусности, который осѣлъ на его жизнь. Нынѣ судьба съ ослѣпительной рѣзкостью какъ бы заставила его опомниться, онъ слышалъ громовой окрикъ судьбы и понималъ, что ему дается рѣдкая возможность круто втащить жизнь на прежнюю высоту. Онъ понималъ, что, если сейчасъ вернется къ женѣ, будетъ безмолвно и безотлучно при ней, — невозможное въ иной, повседневной, обстановкѣ сближеніе произойдетъ почти само собою. Нѣкоторыя воспоминанія той ночи не давали ему покоя, — онъ вспоминалъ, какъ Максъ вдругъ посмотрѣлъ на него влажнымъ и просящимъ взглядомъ, — и потомъ, отвернувшись, сжалъ ему руку выше локтя, — и онъ вспоминалъ, какъ въ зеркалѣ уловилъ необъяснимое выраженіе на лицѣ жены, жалостное, затравленное и все-таки сродни человѣческой улыбкѣ. Онъ чувствовалъ, наконецъ, что, ежели не воспользоваться теперь же этой возможностью вернуться, то уже очень скоро встрѣча съ Аннелизой станетъ столь же немыслимой, сколь была до смерти ихъ дочери. Обо всемъ этомъ онъ думалъ честно, му-

чительно и глубоко и особой логикой чувствъ понялъ, что, если онъ поѣдетъ на похороны, то ужъ останется съ женой навсегда. Позвонивъ къ Максѹ, онъ узналъ отъ прислуги мѣсто и часъ, и въ утро похоронъ всталъ, пока Магда еще спала, и велѣлъ слугѣ приготовить ему черное пальто и цилиндръ. Поспѣшно допиеъ кофе, онъ пошелъ въ бывшую дѣтскую Ирмы, гдѣ теперь стоялъ столъ для пингъ-понга. И тутъ, подбрасывая на ладони целлулоидовый шарикъ, онъ никакъ не могъ направить мысль на дѣтство Ирмы, а думалъ о томъ, какъ прыгала здѣсь и вскрикивала, и ложилась грудью на столъ, протянувъ пингъ-понговую лопатку, другая дѣвочка, живая, стройная и распутная.

Онъ посмотрѣлъ на часы. Надо было ѣхать, надо было ѣхать. Онъ бросилъ шарикъ на столъ и быстро пошелъ въ спальню поглядѣть въ послѣдній разъ, какъ Магда спитъ. И остановившись у постели, впиваясь глазами въ это дѣтское лицо съ розовыми, ненакрашенными губами, темными вѣками и бархатнымъ румянцемъ во всю щеку, Кречмаръ съ ужасомъ подумалъ о завтрашней жизни съ женой, выцвѣтшей, сѣролицей, слабо пахнущей одеколономъ, и эта жизнь ему представилась въ видѣ тускло освѣщеннаго, длиннаго и пыльнаго коридора, гдѣ стоитъ заколоченный ящикъ или дѣтская коляска (пустая), а въ глубинѣ сгущаются потемки.

Съ трудомъ оторвавъ взглядъ отъ щекъ и плечъ спящей Магды и нервно покусывая ноготь большого пальца, онъ подошелъ къ окну. Была оттепель, автомобили расплескивали лужи, на углу виднѣлся ярко-фіолетовый лотокъ съ цвѣтами, солнечное мокрое небо отражалось въ стеклѣ окна, которое мыла веселая, растрепанная горничная. «Какъ ты рано всталъ. Ты уходишь куда-нибудь?»

— протянулъ, перевалившись черезъ зѣвокъ, Магдинъ голосъ.

Онъ, не оборачиваясь, отрицательно покачалъ головой.

XX.

«Бруно, пріободришься, — говорила она ему недѣлю спустя. — Я понимаю, что все это очень грустно, — но вѣдь они тебѣ всѣ немножко чужіе, согласишься, ты самъ это чувствуешь, и конечно твоей дочкѣ внушена была къ тебѣ ненависть. Ты не думай, — я очень тебѣ соболѣзную, хотя, знаешь, если у меня могъ бы родиться ребенокъ, то я хотѣла бы мальчика...»

«Ты сама ребенокъ», — сказалъ онъ, глядя ее по волосамъ.

«Особенно сегодня нужно быть бодрымъ, — продолжала Магда, надувая губы. — Особенно сегодня. Подумай, вѣдь это начало моей карьеры, я буду знаменита.»

«Ахъ да, я и забылъ. Это когда же? Сегодня развѣ?»

Явился Горнъ. Онъ заходилъ послѣднее время каждый день, и Кречмаръ нѣсколько разъ поговорилъ съ нимъ по душамъ, сказалъ ему все то, что Магдѣ онъ бы сказать не смѣлъ и не могъ. Горнъ такъ хорошо слушалъ, высказывалъ такія мудрыя мысли, и съ такой вдумчивостью сочувствовалъ ему, что недавность ихъ знакомства казалась Кречмару чѣмъ-то совершенно условнымъ, никакъ не связаннымъ со внутреннимъ — душевнымъ —

временемъ, за которое развилась и созрѣла ихъ мужественная дружба. «Нельзя строить жизнь на пескѣ несчастья, — говорилъ Горнъ. — Это грѣхъ противъ жизни. У меня былъ знакомый — скульпторъ, — который женился изъ жалости на пожилой, безобразной горбунѣ. Не знаю въ точности, что случилось у нихъ, но черезъ годъ она пыталась отравиться, а его пришлось посадить въ желтый домъ. Художникъ по моему мнѣнію долженъ руководиться только чувствомъ прекраснаго, — оно никогда не обманывается.»

«Смерть, — говорилъ онъ еще, — представляетъ мнѣ просто дурной привычкой, которую природа теперь уже не можетъ въ себѣ искоренить. У меня былъ пріятель, юноша, полный жизни, съ лицомъ ангела и съ мускулами пантеры, — онъ порѣзался, откупоривая бутылку, и черезъ нѣсколько дней умеръ. Ничего глупѣе этой смерти нельзя себѣ представить, но вмѣстѣ съ тѣмъ... вмѣстѣ съ тѣмъ, — да, странно сказать, но это такъ: было бы менѣе художественно, доживи онъ до старости... Изюминка, пуанта жизни заключается иногда именно въ смерти.»

Горнъ въ такія минуты говорилъ, не останавливаясь, — плавно выдумывая случаи съ никогда не существовавшими знакомыми, подбирая мысли, не слишкомъ глубокія для ума слушателя, придавая словамъ сомнительное изящество. Образование было у него пестрое, умъ — хваткій и проницательный, тяга къ разыгрыванію ближнихъ — непреодолимая. Единственно быть можетъ подлинное въ немъ была безсознательная вѣра въ то, что все созданное людьми въ области искусства и науки только болѣе или менѣе остроумный фокусъ, очаровательное шарлатанство. О какомъ бы важномъ предметѣ ни заходила рѣчь, онъ былъ одинаково спо-

собенъ сказать о немъ нѣчто мудреное или смѣшное, или пошловатое, если этого требовало воспріятіе слушателя. Когда же онъ говорилъ совсѣмъ серьезно о книгѣ или картинѣ, у Горна было пріятное чувство, что онъ — участникъ заговора, сообщникъ того или иного геніальнаго гаера — создателя картины, автора книги. Жадно слѣдя за тѣмъ, какъ Кречмаръ (человѣкъ, по его мнѣнію, тяжеловатый, недалекій, съ простыми страстями и добротными, слишкомъ добротными познаніями въ области живописи) страдаетъ и какъ будто считаетъ, что дошелъ до самыхъ вершинъ человѣческаго страданія, — слѣдя за этимъ, Горнъ съ удовольствіемъ думалъ, что это еще не все, далеко не все, а только первый номеръ въ программѣ превосходнаго мюзикъ-холля, въ которомъ ему, Горну, предоставлено мѣсто въ директорской ложѣ. Директоромъ же сего заведенія не былъ ни Богъ, ни дьяволъ. Первый былъ слишкомъ старъ и маститъ, и ничего не понималъ въ новомъ искусствѣ, второй же, обрюзгшій чортъ, обожравшійся чужими грѣхами, былъ нестерпимо скученъ, скученъ, какъ предсмертная зѣвота тупого преступника, зарѣзавшаго ростовщика. Директоръ, предоставившій Горну ложу, былъ существомъ трудно уловимымъ, двойственнымъ, тройственнымъ, отражающимся въ самомъ себѣ, — переливчатымъ магическимъ призракомъ, тѣнью разноцвѣтныхъ шаровъ, тѣнью жонглера на театрально освѣщенной стѣнѣ... Такъ по крайней мѣрѣ полагалъ Горнъ въ рѣдкія минуты философскихъ размышленій.

Оттого онъ никакъ не могъ понять въ себѣ острое пристрастіе къ Магдѣ. Онъ старался его объяснить физическими свойствами Магды, чѣмъ-то такимъ въ запахѣ ея кожи, въ температурѣ тѣла, въ особомъ строеніи глазного райка, въ осо-

бенной эпителии губъ. Но все это было несовсѣмъ такъ. Взаимная ихъ страсть была основана на глубокомъ родствѣ ихъ душъ, — даромъ, что Горнъ былъ талантливымъ художникомъ, космополитомъ, игрокомъ...

Явившись къ нимъ въ тотъ день, въ который Магда впервые должна была замелькать на экранѣ, онъ успѣлъ ей сказать (подавая ей пальто), что тамъ-то и тамъ-то снялъ комнату, гдѣ они могутъ спокойно встрѣчаться. Она отвѣтила ему злымъ взглядомъ, — ибо Кречмаръ стоялъ въ десяти шагахъ отъ нихъ. Горнъ разсмѣялся и добавилъ почти не понижая голоса, что будетъ каждый день тамъ ждать ее между такимъ-то и такимъ-то часомъ.

«Я приглашаю фрейлинъ Петерсъ на свиданіе, а она не хочетъ,» — сказалъ онъ Кречмару, пока они спускались внизъ.

«Попробуй она у меня захотѣтъ, — улыбнулся Кречмаръ и нѣжно ущипнулъ Магду за щеку. — Посмотримъ, посмотримъ, какъ ты играешь,» — продолжалъ онъ, натягивая перчатку.

«Завтра въ пять, фрейлинъ Петерсъ,» — сказалъ Горнъ.

«Маленькая завтра поѣдетъ одна выбирать автомобиль, — проговорилъ Кречмаръ. — Такъ что никакихъ свиданій.»

«Успѣется, автомобиль не убѣжитъ, правда, фрейлинъ Петерсъ?»

Магда вдругъ обидѣлась. «Какія дурацкія шутки!» — воскликнула она.

Мужчины, смѣясь, переглянулись, Кречмаръ подмигнулъ.

Швейцаръ, разговаривавшій съ почтальономъ, посмотрѣлъ на Кречмара съ любопытствомъ.

«Прямо не вѣрится, — сказалъ швейцаръ, когда тѣ прошли, — прямо не вѣрится, что у него недавно умерла дочка.»

«А кто второй?» — спросилъ почтальонъ.

«Почемъ я знаю. Завела молодца ему въ подмогу, вотъ и все. Мнѣ, знаете, стыдно, когда другіе жильцы смотрятъ на эту... (нехорошее слово). А вѣдь приличный господинъ, самъ-то, и богатъ, — могъ бы выбрать себѣ подругу поосанистѣе, покрупнѣе, если ужъ на то пошло.»

«Любовь слѣпа,» — задумчиво произнесъ почтальонъ.

XXI.

Въ небольшомъ залѣ, гдѣ показывали актерамъ и гостямъ фильму «Азра», было народу немного, но достаточно для того, чтобы у Магды прошелъ тревожный и пріятный холодокъ по спинѣ. Недалеко отъ себя она замѣтила того режиссера, къ которому нѣкогда такъ неудачно ходила представляться. Онъ подошелъ къ Кречмару. Кречмаръ представилъ его Магдѣ. На правомъ глазу у него былъ крупный ячмень. Магду разсердило, что онъ сразу же ея не узналъ. «А я у васъ какъ то была въ конторѣ», — сказала она злорадно (пускай теперь пожалѣетъ!). «Ахъ, сударыня, — отвѣтилъ онъ съ учтивой улыбкой, — я помню, помню». На самомъ дѣлѣ онъ не помнилъ ничего.

Какъ только погасъ свѣтъ, Горнъ, сидѣвшій между нею и Кречмаромъ, нащупалъ и взялъ ея руку.

Спереди сидѣла Доріанна Каренина, кутаясь въ мѣхъ, хотя въ залѣ было жарко. Сосѣдомъ ея былъ режиссеръ съ ячменемъ, и Доріанна за нимъ ухаживала. Тихо и ровно, вродѣ пылесоса, заработалъ аппаратъ. Музыки не было.

Магда появилась на экранѣ почти сразу: она читала, потомъ бросала книгу и бѣжала къ окну: подѣхалъ верхомъ ея женихъ. У нея такъ замерло сердце, что она вырвала руку изъ руки Горна и больше ея не давала (онъ зато гладилъ ее по юбкѣ и какъ-то умудрился отстегнуть ей подвязку). Угловатая, неказистая, съ припухшимъ, странно измѣнившимся ртомъ, чернымъ какъ пѣвка, съ неправильными бровями и непредвидѣнными складками на платьѣ, невѣста дико взглянула передъ собой, а затѣмъ легла грудью на подоконникъ, задомъ къ публикѣ.

Магда оттолкнула блуждающую руку Горна, — и ей вдругъ захотѣлось кого-нибудь укусить или броситься на полъ, забиться, закричать... Неуклюжая дѣвица на экранѣ ничего общаго съ ней не имѣла, — она была ужасна, она была похожа на ея мать-швейцариху на свадебной фотографіи. Можетъ быть дальше лучше будетъ? Кречмаръ перегнулся къ ней, по дорогѣ полуобнявъ Горна, и нѣжно прошелестѣлъ: «Очаровательно, чудесно, я не ожидалъ...» Онъ дѣйствительно былъ очарованъ. Ему вспоминался «Аргусъ», его трогало, что Магда такъ невозможно плохо играетъ, — и вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней была какая-то прелестная, дѣтская старательность, какъ у подростка, читающаго поздравительные стихи. Горнъ тихо ликовалъ: онъ не сомнѣвался, что Магда выйдетъ на экранѣ неудачно, онъ зналъ, что за это попадетъ Кречмару, а завтра, въ видѣ реакціи... Все это было очень забавно. Онъ принялся опять бродить рукой по ея

ногамъ и платью, и она вдругъ сильно ущипнула его.

Черезъ нѣкоторое время невѣста появилась снова: она шла, крадучись, вдоль стѣны, тайкомъ шла въ кафэ, гдѣ свѣтлая личность, другъ семьи, видѣлъ ее жениха въ обществѣ женщины изъ породы вампировъ (Доріанна Каренина). Кралась она вдоль стѣны возмутительно, и почему-то спина у нея вышла толстенькая. «Я сейчасъ закричу», — подумала Магда. Къ счастью, экранъ перемигнулъ, появился столикъ въ кафэ, герой, дающій закурить (интимность!) Доріаннѣ. Доріанна откидывала голову, выпускала дымъ и улыбалась однимъ уголкомъ рта. Кто-то въ залѣ захлопалъ, другіе подхватили. Вошла невѣста. Рукоплесканія умолкли. Невѣста открыла ротъ, какъ Магда никогда не открывала. Доріанна, настоящая Доріанна, сидѣвшая спереди, обернулась, и глаза ея ласково блеснули въ полутьмѣ. «Молодецъ, дѣвочка», — сказала она хрипло, и Магдѣ захотѣлось полоснуть ее по лицу ногтями.

Теперь уже она такъ боялась каждаго своего появленія, что вся ослабѣла и не могла, какъ прежде, хватать и щипать назойливую руку Горна. Онадохнула ему въ ухо горячимъ шопотомъ: «Пожалуйста, перестань, я пересяду». Онъ похлопалъ ее по колѣну, и рука его успокоилась.

Невѣста появлялась вновь и вновь, и каждое движеніе терзало Магду, она была, какъ душа въ аду, которой бѣсы показываютъ земныя ея прегрѣшенія. Простоватость, корявость, стѣсненность движеній... На этомъ одутловатомъ лицѣ она улавливала почему-то выраженіе своей матери, когда та старалась быть вѣжливой съ вліятельнымъ жильцомъ. «Очень удачная сценка», — шепталъ Кречмаръ, перегиба-

ясь черезъ Горна. Горну сильно надоѣло сидѣть въ темнотѣ и смотрѣть на скверную фильму. Онъ закрылъ глаза и сталъ вспоминать, какъ было трудно и вмѣстѣ съ тѣмъ весело рисовать для кинематографа движенія Чипи, — тысячи движеній. «Надо что-нибудь придумать новое, — непременно надо придумать».

Драма подходила къ концу. Герой, покинутый вампиромъ, шелъ подъ сильнымъ дождемъ въ аптеку покупать ядъ. Невѣста въ деревнѣ играла съ его незаконнымъ ребенкомъ, младенецъ къ ней ластился. Вотъ она почему-то провела тыломъ руки по платью. Это движеніе не было предусмотрено, — она словно вытирала руку, а младенецъ глядѣлъ исподлобья. По залѣ прошелъ смѣшокъ. Магда не выдержала и стала тихо плакать.

Какъ только зажегся свѣтъ, она встала и пошла къ выходу. «Что съ ней, что съ ней?» — пробормоталъ Кречмаръ и быстро за ней послѣдовалъ. Горнъ выпрямился, расправляя плечи. Доріанна тронула его за рукавъ. Рядомъ стоялъ господинъ съ ячменемъ на глазу и позѣвывалъ.

«Проваль, — сказала Доріана, подмигнувъ. — Бѣдная дѣвочка».

«А вы довольны собой?» — спросилъ Горнъ съ любопытствомъ.

Доріанна усмѣхнулась: «Нѣтъ, настоящая актриса никогда не бываетъ довольна».

«Художники тоже, — сказалъ Горнъ. — Но вы не виноваты. Роль была глупая. Скажите кстати, какъ вы придумали свой псевдонимъ? Я все хотѣлъ узнать».

«Охъ, это длинная исторія», — отвѣтила она съ улыбкой.

«Нѣтъ, вы меня не понимаете. Я хочу узнать. Скажите, вы Толстого читали?»

«Толстого? — переспросила Доріанна Каренина. — Нѣтъ, не помню. А почему васъ это интересуетъ?»

XXII.

На квартирѣ у Кречмара была буря, рыданія, судороги, стоны. Кречмаръ безпомощно ходилъ за ней: она бросалась то на кушетку, то на постель, то на полъ. Глаза ея яростно и прекрасно блистали, одинъ чулокъ сползъ. Весь міръ былъ мокръ отъ слезъ. Кречмаръ утѣшалъ ее самыми нѣжными словами, какія онъ только зналъ, употребляя незамѣтно для себя слова, которыя говорилъ нѣкогда дочери, цѣлуя синякъ, — слова, которыя теперь какъ бы освободились послѣ смерти Ирмы.

Сначала Магда излила весь свой гнѣвъ на него, потомъ страшными эпитетами выругала Доріанну, потомъ обрушилась на режиссера (заодно попало совершенно непричастному Гроссману, толстяку съ ячменемъ). «Хорошо, — сказалъ Кречмаръ наконецъ. — Я приму исключительныя мѣры. Только замѣть, я вовсе не считаю, что это провалъ, — напротивъ, ты мѣстами очень мило играла, — тамъ, напримѣръ, въ первой сценѣ, — знаешь, когда ты — ».

«Замолчи!» — крикнула Магда и швырнула въ него подушкой. «Да постой, Магда, выслушай. Я же все готовъ сдѣлать только бы моя дѣвочка была счастлива. Я, знаешь, что сдѣлаю? — Вѣдь филь-

ма-то моя, я платилъ за эту ерунду... то-есть, за ту ерунду, которую изъ нея сдѣлалъ режиссеръ. Вотъ я ея и не пущу никуда, а оставляю ее себѣ на память («Нѣтъ, сожги», — сказала Магда рыдающимъ баскомъ), или да, сожгу. И Доріаннѣ, повѣрь, повѣрь это будетъ не очень пріятно. Ну что, — мы довольны?»

Она продолжала всхлипывать, но уже тише.

«Красавица ты моя, не плачь же. Я тебѣ еще кое-что скажу. Вотъ завтра ты пойдешь выбирать автомобиль, — весело же! А потомъ мнѣ его покажешь, и я, можетъ быть, — (онъ улыбнулся и поднялъ брови на лукаво растянутомъ словѣ «можетъ быть») — его куплю. Мы поѣдемъ кататься, ты увидишь весну на югѣ, мимозы... А, Магда?»

«Не это главное», — сказала она ужимчиво.

«Главное чтобы ты была счастлива, и ты будешь со мною счастлива. Осенью вернемся, будешь ходить на кинематографическіе курсы, или я найду талантливаго режиссера, учителя... вотъ, на примѣръ, Гроссманъ — »

«Нѣтъ, только не Гроссманъ», — зарычала Магда, содрагаясь.

«...ну, другого. Найдемъ ужъ, найдемъ. Ты жъ вытри слезы, — мы поѣдемъ ужинать и танцевать... Пожалуйста, Магда!»

«Я только тогда буду счастлива, — сказала она, тяжело вздохнувъ, — когда ты съ ней разведешься. Но я боюсь, что ты теперь увидѣлъ, какъ у меня ничего тамъ не вышло, въ этой мерзкой фильмѣ, и бросишь меня. Нѣтъ, постой, не надо меня цѣловать. Скажи, — ты ведешь какіе-нибудь переговоры, или все это заглохло?»

«Понимаешь ли, какая штука, — съ разстановкой проговорилъ Кречмаръ, — понимаешь ли... Эхъ,

Магда, вѣдь сейчасъ у насъ, то-есть у нея главнымъ образомъ, — ну, однимъ словомъ, — горе, мнѣ какъ то сейчасъ просто не очень удобно...»

«Что ты хочешь сказать? — спросила Магда, вставъ. — Развѣ она до сихъ поръ не знаетъ, что ты хочешь развода?»

«Нѣтъ, не въ томъ дѣло, — переглотнулъ и замялся Кречмаръ, — Конечно она... это чувствуетъ, то-есть знаетъ». — Онъ смутился окончательно.

Магда медленно вытягивалась кверху, какъ разворачивающаяся змѣя.

«Вотъ что, — она не даетъ мнѣ развода», — выговорилъ онъ, впервые въ жизни оболгавъ Аннелизу.

«И не дастъ?» — спросила Магда, кусая губы, шурясь и медленно приближаясь къ нему.

«Сейчасъ будетъ драться», — подумалъ Кречмаръ устало. «Нѣтъ, дастъ, конечно дастъ, — сказалъ онъ вслухъ. — Ты только не волнуйся такъ».

Магда подошла къ нему вплотную, и — обвила его шею руками.

«Я больше не могу быть только твоей любовницей, — сказала она, скользя щекой по его галстуку. — Я не могу. Сдѣлай что-нибудь. Завтра же скажи себѣ: я это сдѣлаю для моей дѣвочки. Вѣдь есть же адвокаты, всего же можно добиться».

«Я обѣщаю тебѣ».

Она слегка вздохнула и отошла къ зеркалу, то-мо разглядывая свое отраженіе.

«Разводъ? — подумалъ Кречмаръ. — Нѣтъ-нѣтъ, это немыслимо».

Комнату, снятую имъ для свиданій съ Магдой, Горнъ обратилъ въ мастерскую, и всякій разъ, когда Магда являлась, она заставляла его за работой. Онъ издавалъ музыкальный, богатый мотивами свистъ, пока рисовалъ. Магда глядѣла на мѣловой оттѣнокъ его щекъ, на толстыя, пунцовыя губы, округленные свистомъ, на мягкіе, черные волосы, такіе сухіе и легкіе на ощупь, — и чувствовала, что этотъ человѣкъ въ концѣ концовъ ее погубить. На немъ была шелковая рубашка съ открытымъ воротомъ, ладнымъ ремешкомъ подпоясанные фланелевые штаны. Онъ творилъ чудеса при помощи китайской туши.

Такъ они видѣлись почти ежедневно; Магда оттягивала отъѣздъ, хотя автомобиль былъ купленъ, и начиналась весна. «Позвольте вамъ дать совѣтъ, — какъ-то сказалъ Горнъ Кречмару. — Зачѣмъ вамъ брать шофера? Я способенъ сидѣть за рулемъ двѣнадцать часовъ сряду, и автомобиль у меня дѣлается шелковымъ». «Очень это мило съ вашей стороны, — отвѣтилъ Кречмаръ нѣсколько нерѣшительно. — Но право, — я не знаю... я боюсь оторвать васъ отъ работы, мы собираемся довольно далеко закатиться...» «Ахъ, какая тамъ работа. Я и такъ собирался махнуть куда-нибудь на югъ». «Въ такомъ случаѣ будемъ очень рады», — сказалъ Кречмаръ, съ тревогой думая о томъ, какъ отнесется къ этому Магда. Магда, однако, помявшись, согласилась. «Пусть ѣдетъ, замѣтила она. — Хотя, знаешь, онъ послѣднее время начинаетъ мнѣ надоѣдать, повѣряетъ мнѣ свои сердечныя дѣла, — онъ объ этомъ говорить съ такими вздохами, слов влюбленъ въ женщину. А на самомъ дѣлѣ...»

Быль канунъ отъѣзда. По дорогѣ домой изъ магазиновъ, она забѣжала къ Горну и повисла у него на шеѣ. Присутствіе маленькаго мольберта у окна и пыльный снопъ солнца черезъ комнату напоминали ей, какъ она была натурщицей, и теперь, торопливо снимая платье, она съ улыбкой вспоминала, какъ бывало ей иногда холодно выходить голой изъ-за ширмы.

Одѣвалась она потомъ съ чрезвычайной быстротой, подсакивая на одной ногѣ, кружась поднимая въ зеркалѣ бурю. «Чего ты такъ спѣшишь? — сказалъ онъ лѣниво. — Подумай, нынче послѣдній разъ. Неизвѣстно, какъ будемъ устраниваться во время путешествія». «На то мы съ тобой и умные», — отвѣтила она со смѣхомъ.

Она выскочила на улицу и засмѣнила, выглядывая таксомоторъ, но солнечная улица была пуста. Дошла до площади, — и, какъ всегда возвращаясь отъ Горна, подумала: а не взять ли направо, потомъ черезъ скверъ, потомъ опять направо... Тамъ была улица, гдѣ она въ дѣтствѣ жила.

(Счастье, удача во всемъ, быстрота и легкость жизни... Отчего въ самомъ дѣлѣ не взглянуть?)

Улица не измѣнилась. Вотъ булочная на углу, вотъ мясная, — на вывѣскѣ — знакомый золотой быкъ, а передъ мясной привязанный къ рѣшеткѣ бульдогъ майорской вдовы изъ пятнадцатаго номера. Вотъ кабакъ, гдѣ пропадалъ ея братъ. Вотъ тамъ наискосокъ — домъ, гдѣ она родилась. Подойти ближе она не рѣшилась, смутно опасаясь чего-то. Она повернула и тихо пошла назадъ. Уже около сквера ее окликнулъ знакомый голосъ.

Каспаръ, братнинъ товарищъ съ татуировкой на исти. Онъ велъ за сѣдло велосипедъ съ фіолетовой рамой и съ корзиной передъ рулемъ. «Здрав-

ствуй, Магда,» — сказалъ онъ, дружелюбно кивнувъ, и пошелъ съ ней рядомъ вдоль панели.

Въ послѣдній разъ, когда она видѣла его, онъ былъ очень непривѣтливъ: тогда онъ дѣйствовалъ съ пріятелями сообща. Это была группа, организація, почти шайка; теперь же, одинъ, онъ былъ просто старый знакомый.

«Ну, какъ дѣла, Магда?»

Она усмѣхнулась и отвѣтила: «Прекрасно. А у тебя какъ?»

«Ничего, живемъ. А знаешь, вѣдь твои съѣхали. Они теперь въ сѣверномъ кварталѣ. Ты бы какъ-нибудь ихъ навѣстила, Магда. Подарочекъ, или что. Твой отецъ долго не протянетъ.»

«А Отто гдѣ?» — спросила она.

«Отто въ отъѣздѣ, — въ Билефельдѣ, кажется, работаетъ.»

«Ты самъ знаешь, — сказала она, — ты самъ знаешь, какъ меня дома любили. У меня пухли щеки отъ оплеухъ. И развѣ они потомъ старались узнать, что со мной, гдѣ я, не погибла ли я? Не прочь на мнѣ заработать, — вотъ и все.»

Каспаръ кашлянулъ и сказалъ: «Но это, какъ никакъ, твоя семья, Магда. Вѣдь твою мать выжили отсюда, — и на новыхъ мѣстахъ ей не сладко.»

«А что обо мнѣ тутъ говорятъ?» — спросила она съ любопытствомъ.

«Ахъ, ерунду всякую... Судачатъ. Это понятно. Я же всегда считаю, что женщина вправѣ распоряжаться своей жизнью. Ты какъ, — съ твоимъ другомъ ладишь?»

«Ничего, лажу. Онъ скоро на мнѣ женится.»

«Это хорошо, — сказалъ Каспаръ. — Я очень радъ за тебя. Только жалко, что ты стала теперь

дамой, и нельзя съ тобой повозиться, какъ раньше. Это очень, знаешь, жалко.»

«А у тебя есть подружка?» — спросила она, улыбаясь.

«Нѣтъ, сейчасъ никого, мы съ Гретой поссорились. Трудно все-таки жить иногда, Магда. Я теперь служу въ кондитерской. Я бы хотѣлъ имѣть свою собственную кондитерскую, — но когда это еще будетъ...»

«Да, жизнь», — задумчиво произнесла Магда и, немного погодя, подозвала таксомоторъ.

«Можетъ быть, мы какъ-нибудь,» — началъ Каспаръ, но застѣснялся.

«Погибнетъ дѣвчонка, — подумалъ онъ, глядя, какъ она садится въ автомобиль. — Навѣрняка погибнетъ. Ей бы выйти за простого хорошаго чело-вѣка. Я-бъ на ней, правда, не женился, — вертушка, ни минуты покоя...»

Онъ вскочилъ на велосипедъ и до слѣдующаго угла быстро ѣхалъ за автомобилемъ. Магда ему помахала рукой, онъ плавно, какъ птица, повернулъ и сталъ удаляться по боковой улицѣ.

XXIV.

Все было очаровательно, все было весело, — кромѣ ночевокъ въ гостиницахъ. Кречмаръ былъ тягостно настойчивъ. Когда она пыталась отбойриться, ссылаясь на усталость, онъ, чуть не плача, говорилъ, что ни разу за день ея не поцѣловалъ, просилъ позволенія только поцѣловать, — и постепен-

но добивался своего. Горнь между тѣмъ былъ по сосѣдству, она слышала иногда его шаги или по-свистываніе, — а Кречмаръ рычалъ отъ счастья, — и Горнь это рычаніе могъ слышать. Утромъ ѣхали дальше, — въ чудесномъ, беззвучномъ автомоби-лѣ съ внутреннимъ управленіемъ, шоссейная доро-га, обсаженная яблонями, гладко подливала подъ переднія шины, погода была великолѣпная, къ ве-черу стальные соты радіатора бывали биткомъ на-биты мертвыми пчелами и стрекозами. Горнь дѣй-ствительно правилъ прекрасно: полулежа на очень низкомъ сидѣніи съ мягкой спинкой, онъ непри-нужденно и ласково орудовалъ рулемъ. Сзади, въ окошечкѣ, висѣла толстая Чипи и глядѣла на убѣ-гающій вспять сѣверъ.

Во Франціи пошли вдоль дороги тополя, въ гос-тиницахъ горничныя не понимали Магду, и это ее раздражало. Весну было рѣшено провести на Ри-вьерѣ, затѣмъ — Швейцарія или Итальянскія озера. На предпоследней до Гіеръ остановкѣ они очути-лись въ прелестномъ городкѣ Ружинарь. Пріѣхали туда на закатѣ, надъ окрестными горами линяли лохматые розовые тучи, въ кофейняхъ исподлобья сверкали огни, платаны бульвара были уже по ноч-ному сумрачны. Магда, какъ всегда къ ночи, казалась усталой и сердитой, со дня отъѣзда, то-есть за двѣ недѣли (они ѣхали не торопясь, останавливаясь въ живописныхъ городкахъ), она ни разу не побывала наединѣ съ Горномъ, — это было мучительно, Горнь, встрѣчаясь съ ней взглядомъ, грустно обли-зывался, какъ песъ, привязанный хозяйкой у двери мясной. Поэтому, когда они вѣхали въ Ружинарь, и Кречмаръ сталъ восхищаться силуэтами горъ, не-бомъ, дрожащими сквозь платаны огнями, Магда на него огрызнулась. «Восторгайся, восторгайся», — произнесла она сквозь зубы, едва сдерживая

слезы. Они подъѣхали къ большой гостиницѣ. Кречмаръ пошелъ справиться насчетъ комнатъ. «Съ ума сойду, если такъ будетъ продолжаться», — сказала Магда, стоя среди холя и не глядя на Горна. «Всыпь ему снотворнаго, — предложилъ Горнъ. — Я достану въ аптеку». «Пробовала, — отвѣтила Магда злобно. — Не дѣйствуетъ».

Кречмаръ вернулся къ нимъ, съ виду нѣсколько разстроенный. «Все полно, — сказалъ онъ, разводя руками. — Это очень досадно. Ты устала, моя маленькая». Магда, не разжимая зубовъ, двинулась къ выходу.

Они подъѣзжали къ тремъ гостиницамъ, и нигдѣ комнатъ не оказывалось. Магда была въ такомъ состояніи, что Кречмаръ боялся на нее смотреть. Наконецъ, въ пятой гостиницѣ, имъ предложили войти въ лифтъ, — подняться и посмотреть. Смуглый мальчишка, поднимавшій ихъ, стоялъ къ нимъ въ профиль. «Смотрите, что за красота, какія рѣсницы», — сказалъ Горнъ, слегка подтолкнувъ Кречмара. «Перестаньте паясничать!» — вдругъ воскликнула Магда.

Номеръ съ двуспальной постелью былъ вовсе не плохой, но Магда стала мелко стучать каблукомъ объ полъ, тихо и непріятно повторяя: «Я здѣсь не останусь, я здѣсь не останусь». «Превосходная комната», — сказалъ Кречмаръ увѣщающе. Мальчикъ вдругъ открылъ внутреннюю дверь, — тамъ оказалась ванная, — вошелъ въ нее, открылъ другую дверь, — вотъ-те-на: вторая спальня!

Горнъ и Магда вдругъ переглянулись.

«Я не знаю, насколько вамъ это удобно, — общая ванная, — проговорилъ Кречмаръ. — Вѣдь Магда купается какъ утка».

«Ничего, ничего, — засмѣялся Горнъ. — Я какъ-нибудь съ боку-припеку».

«Можетъ быть, у васъ все-таки найдется что-нибудь другое?» — обратился Кречмаръ къ мальчику. Но тутъ поспѣшно вмѣшалась Магда.

«Глупости, — сказала она, — глупости. Надоѣло бродить».

Она подошла къ окну, пока вносили чемоданы. Синева, огоньки, черныя купы деревьевъ, звонъ кузнечиковъ... Но онъ ничего не видѣла и не слышала, — ее разбирало счастливое нетерпѣніе. Наконецъ, она осталась вдвоемъ съ Кречмаромъ, онъ сталъ выкладывать умывальныя принадлежности. «Я первая пойду въ ванную», — сказала она, торопливо раздѣваясь. «Ладно, — отвѣтилъ онъ добродушно — Я тутъ сперва побреюсь. Только поторопись, — надо идти ужинать». Въ зеркалѣ онъ видѣлъ, какъ мимо стремительно пролетали джамперъ, юбка, что-то свѣтлое, еще что-то свѣтлое, одинъ чулокъ, другой...

«Вотъ неряха», — сказалъ онъ, намыливая кадыкъ.

Онъ слышалъ, какъ закрылась дверь, какъ трахнула задвижка, какъ шумно потекла вода.

«Нечего запираяться, я все равно тебя купать не собираюсь», — крикнулъ онъ со смѣхомъ и принялся оттягивать четвертымъ пальцемъ щеку.

За дверью вода продолжала литься. Она лилась громко и непрерывно. Кречмаръ тщательно водилъ бритвой по щекѣ. Лилась вода, — причемъ шумъ ея становился громче и громче. Внезапно Кречмаръ увидѣлъ въ зеркало, что изъ подъ двери ванной выползаетъ струйка воды, — межъ тѣмъ шумъ былъ теперь грозовой, торжествующій.

«Что она въ самомъ дѣлѣ... потопъ..., — пробормоталъ онъ и подскочилъ къ двери, постучалъ. — Магда, ты утонула? Сумасшедшая ты этакая!»

Никакого отвѣта. «Магда! Магда!» — крикнулъ онъ, и снѣжинки засохшей мыльной пѣны запорхали вокругъ его лица.

Магда вышла изъ блаженнаго оцѣпенѣнія, поцѣловала напослѣдокъ Горна въ ухо и безшумно проскользнула въ ванную: комнатка была полна пара и воды, она проворно закрыла краны.

«Я заснула въ ваннѣ», — крикнула она жалобно черезъ дверь.

«Сумасшедшая, — повторилъ Кречмаръ. — Ты меня такъ напугала».

Струйки на полу остановились. Кречмаръ вернулся къ зеркалу и снова намылилъ лицо.

Она явилась изъ ванной бодрая, сіяющая и стала осыпаться талькомъ. Кречмаръ въ свою очередь пошелъ купаться, — тамъ было все очень мокро. Оттуда онъ постучалъ Горну. «Я васъ не задержу, — сказалъ онъ черезъ дверь. — Сейчасъ будетъ свободно». «Валяйте, валяйте», — чрезвычайно весело отвѣтилъ Горнъ.

За ужиномъ она была прелестно оживлена, они сидѣли на терасѣ, вокругъ лампы колесили ночицы и падали на скатерть. «Мы останемся тутъ долго, долго, — сказала Магда. — Мнѣ здѣсь страшно нравится». Въ дѣйствительности ей нравилось только одно: расположеніе комнатъ.

Прошла недѣля, вторая. Дни были безоблачные, — зной, цвѣты, иностранцы, великолѣпныя прогулки. Магда была счастлива, Горнъ тихо улыбался. Она принимала ванну утромъ и вечеромъ, но уже слѣдила, чтобы не было потопа. Старый французскій полковникъ за сосѣднимъ столикомъ наливался бурой кровью, какъ только она появлялась и не спускалъ съ нея жадныхъ глазъ, — и былъ американецъ, знаменитый теннисистъ съ лошадинымъ лицомъ и загорѣлыми руками, который предложилъ ей давать уроки на отельной площадкѣ. Но кто бы на нее ни глядѣлъ, кто бы съ ней ни танцевалъ, Кречмаръ ревности не чувствовалъ, и, вспоминая Сольфи, онъ дивился, — въ чемъ разница, почему тогда все нервило и тревожило его, а сейчасъ — увѣренность, спокойствіе? Онъ не замѣчалъ, что нѣтъ въ ней теперь особаго желанія нравиться другимъ, искать чужихъ прикосновеній и взглядовъ, — былъ только одинъ человѣкъ, Горнъ, а Горнъ былъ тѣнь Кречмара.

Однажды, въ майскій день, они втроемъ отправились пѣшкомъ за нѣсколько верстъ отъ курорта, въ горы. Къ концу дня Магда устала, и рѣшено было вернуться въ Ружинаръ дачнымъ поѣздомъ. Для этого пришлось спуститься по крутымъ, каменистымъ тропинкамъ, Магда натерла ногу, Кречмаръ и Горнъ поочередно несли ее на рукахъ. Пришли на станцію. Вечерѣло, на платформѣ было много туристовъ. Поѣздъ былъ простецкій, мелковагонный, безкоридорный. Сѣли. Затѣмъ Кречмаръ рискнулъ выйти опять на платформу, чтобы выпить стаканъ пива. У буфета онъ столкнулся съ господиномъ, который торопливо платилъ. Они поглядѣли другъ на друга. «Дитрихъ, голубчикъ! — вос-

кликнулъ Кречмаръ. — Вотъ неожиданно!» Это былъ Дитрихъ фонъ Зегелькранцъ, беллетристъ. «Ты одинъ? — спросилъ Зегелькранцъ. — Безъ жены?» «Да, безъ жены», — отвѣтилъ Кречмаръ, слегка смутясь — «Поѣздъ уходитъ», — сказалъ тотъ. «Я сейчасъ, — заторопился Кречмаръ, хватая стаканъ. — Ты садись... Вонъ тамъ, второй вагонъ, я сейчасъ, первое отдѣленіе. Я сейчасъ. Эти моменты...»

Зегелькранцъ побѣждалъ къ поѣзду, — уже хлопывались дверцы. Въ отдѣленіи было жарко, темновато и довольно полно. Поѣздъ двинулся. «Опоздалъ», — подумалъ Зегелькранцъ съ удовлетвореніемъ. Восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ Кречмара, и говорить въ общемъ было съ нимъ не о чемъ. Зегелькранцъ былъ очень одинокъ, любилъ свое одиночество и сейчасъ работалъ надъ новой вещью, — появленіе прежняго пріятеля выходило некстати.

Горнъ и Магда, высунувшись въ окно, видѣли, какъ Кречмаръ энергично и неуклюже атаковалъ послѣдній вагонъ и благополучно влѣзъ. Горнъ держалъ Магду за талію. «Молодожены, — вскользь подумалъ Зегелькранцъ. — Она — дочь винодѣла, у него — магазинъ готоваго платья въ Ниццѣ...»

Молодожены сѣли, блаженно другъ другу улыбаясь. Зегелькранцъ вынулъ изъ кармана черную записную книжку.

«Ножка не болитъ?» — спросилъ Горнъ.

«Что у меня можетъ болѣть, когда я съ тобой, — томно проговорила Магда. — Когда я думаю, что сегодня вечеромъ...»

Горнъ сжалъ ей руку. Она вздохнула, и такъ какъ жара ее размаяла, положила голову ему на плечо, продолжая нѣжно ѣжиться и говорить, — все рав-

но, французы въ купѣ не могли понять. У окна сидѣла толстая, усатая женщина въ черномъ, рядомъ съ ней мальчикъ, который все повторялъ: «*Donne-moi une orange, un tout petit bout d'orange!*» «*Fiche-moi la raix*», — отвѣчала мать. Онъ замолкалъ и потомъ начиналъ скулить сызнова. Двое молодыхъ французовъ тихо обсуждали выгоды автомобильнаго дѣла, — у одного изъ нихъ была сильнѣйшая зубная боль, щека была повязана, онъ издавалъ сосущій звукъ, перекашивая ротъ. А прямо противъ Магды сидѣлъ маленькій лысый господинъ въ очкахъ, съ черной записной книжкой въ рукѣ, — должно быть провинціальный нотариусъ.

Въ послѣднемъ вагонѣ сидѣлъ Кречмаръ и думалъ о Зегелькранцѣ. Они учились вмѣстѣ въ университетѣ, затѣмъ встрѣчались рѣже, Дитрихъ говорилъ, что когда-нибудь опишетъ его и Аннелизу, когда захочетъ выразить «музыкальную тишину молодого супружескаго счастья». Восемь лѣтъ тому назадъ Дитрихъ былъ очень привлекательный съ виду, тоненькій человѣкъ, съ русой, довольно пышной шевелюрой и мягкими усами, которые онъ душилъ изъ гранатоваго флакончика сразу послѣ ѣды. Онъ былъ очень слабъ, нервенъ и мнителенъ, страдалъ рѣдкостными, но не опасными болѣзнями, въ родѣ сѣнной лихорадки. Послѣдніе годы онъ безвыѣздно жилъ на югѣ Франціи. Его имя было хорошо извѣстно въ литературныхъ кругахъ, но книги его продавались туго. Онъ знавалъ лично покойнаго Марсея Пруста, подражалъ ему и нѣкоторымъ другимъ новаторамъ, такъ что изъ-подъ его пера выходили странныя, сложныя, тягучія вещи. Это былъ наблюдательный, чудаковатый и неособенно счастливый человѣкъ.

Минуть черезъ двадцать замелькали огни Ружинара. Поѣздъ остановился. Кречмаръ поспѣшно

покинулъ вагонъ. Ему было досадно, онъ смутно боялся недоразумѣнія, слѣдовало поскорѣе объяснить Дитриху. На платформѣ было много народу, и только у выхода онъ отыскалъ Магду и Горна.

«Вы съ Зегелькранцемъ познакомились?» — спросилъ онъ улыбаясь.

«Съ кѣмъ?» — переспросила Магда.

«Развѣ онъ къ вамъ въ отдѣленіе не попалъ? Ладный такой, изящный. Артистическая прическа, мой старый другъ...»

«Нѣтъ, — отвѣтила Магда, — такого у насъ не было».

«Значить, онъ не туда сѣлъ, — сказалъ Кречмаръ. — Какая однако вышла путаница. Какъ ножка, — лучше?»

XXVI.

Утромъ онъ справился въ нѣмецкомъ пансіонѣ, но адреса Зегелькранца тамъ не знали. «Жалко, — подумалъ Кречмаръ. — А впрочемъ, можетъ быть къ лучшему, ужъ очень давно не видѣлись». Какъ-то, черезъ нѣсколько дней, онъ проснулся раньше обыкновеннаго, увидѣлъ сизо-голубой день въ окнѣ, еще дымчатый, но уже набухающій солнцемъ, мягко-зеленые склоны вдали и ему захотѣлось выйти, долго ходить, взбираться по каменистымъ тропинкамъ, вдыхать запахъ тмина. Магда проснулась: «Еще такъ рано», — сказала она сонно. Онъ предложилъ быстрехонько одѣться и, знаешь, вдвоемъ, вдвоемъ, на весь день... «Отправляйся одинъ»;

— пробормотала она и повернулась на другой бокъ. «Ахъ ты, соня», — сказалъ съ грустью Кречмаръ.

Было, когда онъ вышелъ, часовъ семь утра, городокъ проснулся только наполовину. Проходя мимо вишневыхъ садовъ и голубыхъ дачекъ уже поднимавшейся въ гору тропой, онъ увидѣлъ сквозь яркую зелень человѣка, поливавшего изъ лейки темными весьмерками песокъ передъ крыльцомъ. «Дитрихъ, вотъ ты гдѣ», — крикнулъ Кречмаръ. Зегелькранцъ былъ безъ шляпы: какъ неожиданно, — лысина, загорѣлая лысина и воспаленные, мигающіе глаза.

«Мы ужасно глупо потеряли другъ друга», — сказалъ Кречмаръ со смѣхомъ.

«Но встрѣтились опять», — отвѣтилъ Зегелькранцъ, продолжая тихо поливать песокъ.

«Ты... Ты всегда такъ рано встаешь, Дитрихъ?»

«Безсонница. Я слишкомъ много пишу. А ты куда? въ горы?»

«Пойдемъ, пойдемъ со мной, — сказалъ Кречмаръ. — И захвати что-нибудь почитать. Мнѣ очень интересно, твой послѣдній томикъ мнѣ такъ понравился».

«Ахъ, стоитъ ли, — сказалъ Зегелькранцъ, подумалъ, увидѣлъ мысленно рукопись, черныя росинки буквъ, улыбающіяся страницы. — Впрочемъ, если хочешь. Я какъ разъ послѣдніе дни расписался».

Онъ пошелъ въ комнату — прямо изъ сада, и вернулся съ толстой клеенчатой тетрадкой.

«Поведу тебя въ очень зеленое, красивое мѣсто, — сказалъ онъ. — Тамъ мы почитаемъ подъ журчаніе воды. Какъ поживаетъ твоя жена, почему ты одинъ рзѣѣзжаешь?»

Кречмаръ прищурился и отвѣтилъ:

«У меня было много несчастій, Дитрихъ. Съ женой я порвалъ, а дѣвочка моя умерла».

Зегелькранцу стало неуютно: бѣдняга, стоитъ ли ему читать, онъ будетъ плохо слушать.

Они шли вверхъ среди благовонныхъ кустовъ. Затѣмъ ихъ окружили сосенки, на стволахъ сидѣли сплюснутыя цикады и трещали, трещали, пока то у одной, то у другой не кончался заводъ.

«Обожаю эти мѣста, — вздохнулъ Зегелькранцъ. — Тутъ такъ легко и такъ чисто. У меня тоже были несчастья. Но это теперь далеко. Мои книги, мое солнце, — что мнѣ еще нужно?»

«А я сейчасъ въ самомъ, такъ сказать, водоворотѣ жизни, — сказалъ Кречмаръ. — Ты должно быть помнишь, какъ я мирно и хорошо жилъ съ женой. Ты даже говорилъ... — эхъ, да что вспоминать! Та, которую я теперь люблю, все собой заслонила. И вотъ, только въ такія утра, какъ нынче, когда еще не жарко, у меня въ головѣ ясно, я чувствую себя болѣе или менѣе человѣкомъ.»

«Ложная тревога, — подумалъ Зегелькранцъ. — Онъ будетъ слушать».

Они добрались до глубины рощицы, на вершинѣ холма. Тамъ, изъ желѣзной трубки, била ледяная струйка воды, текла по мшистой выемкѣ, надъ ней дрожали желтые и лиловые цвѣты. Кречмаръ легъ навзничъ и заглядѣлся на синеву неба сквозь оза-ренныя, тихо шевелящіяся верхушки сосенъ.

«Правда, очаровательно? — спросилъ Дитрихъ нацѣпляя очки. — Вотъ мы сейчасъ почитаемъ, потомъ спустимся въ долину, оттуда — къ развалинамъ, тамъ снова — остановка и чтеніе. Потомъ закусимъ, — я знаю прелестную ферму. Потомъ дальше пойдемъ, и снова — отдыхъ и чтеніе».

«Ну, пожалуйста, я слушаю», — сказалъ Кречмаръ, глядя въ небо и думая о томъ, что онъ могъ бы рассказать Дитриху куда больше, чѣмъ писатель можетъ выдумать.

Зегелькранцъ кокетливо засмѣялся: «Это не романъ и не повѣсть, — сказалъ онъ. — Мнѣ трудно опредѣлить... Тема такая: человѣкъ съ повышенной впечатлительностью отправляется къ дантисту. Вотъ, собственно говоря, и все».

«Длинная вещь?»

«Будетъ страницъ триста, — я еще не кончилъ».

«Ого», — сказалъ Кречмаръ.

Зегелькранцъ нашелъ мѣсто въ тетрадкѣ и прочистилъ горло. «Я изъ середины, въ началѣ нужно многое передѣлать. А вотъ это я писалъ вчера, и оно еще свѣжее, и кажется мнѣ очень хорошимъ, — но, конечно, завтра я буду жалѣть, что тебѣ читалъ, — замѣчу тысячу промаховъ, недоразвитыхъ мыслей...»

Онъ опять кашлянулъ и принялся читать:

«Германъ замѣчалъ, что о чемъ бы онъ ни думалъ, о томъ ли, что у дантиста, къ которому онъ идетъ, — сѣдины и ухватки мастера, и, вѣроятно, художественное отношеніе къ тѣмъ трагическимъ развалинамъ, освѣщеннымъ ярко-пурпурнымъ куполомъ человѣческаго нѣба, къ тѣмъ эмалевымъ эректеонамъ и парфенонамъ, которые онъ видитъ тамъ, гдѣ профанъ нащупаетъ лишь дырявый зубъ: или о томъ, что въ угловой кондитерской съ бисерной занавѣской вмѣсто двери пухлая, но легкая, какъ слоеное тѣсто, продавщица (живущая въ кисейно-бѣломъ аду, истыканномъ черными трупиками мухъ), которая ему улыбнулась вчера, изошла бы вѣроятно сбитыми

сливками, ежели ее сжать въ объятыхъ: или о томъ, наконецъ, что въ «Пьяномъ Кораблѣ», строку изъ котораго онъ вспомнилъ, увидѣвъ рекламу, — слово «левіафанъ», — на стѣнѣ между мохнатыми стволами двухъ пальмъ, — все время слышится интонація парижскаго гавроша, — зубная боль неотлучно присутствуетъ, являясь оболочкой всякой мысли, и что всякая мысль лежитъ въ люлькѣ боли, ползетъ съ ней и живетъ въ этой боли, съ которой она столь же неразрывно срослась, какъ улитка со своей раковиной. Когда онъ устремлялъ все свое сознаніе на эту боль, стараясь убить нервъ ультрафіолетовымъ лучемъ разума, онъ въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ испытывалъ мнимое облегченіе, но тотчасъ замѣчалъ, что онъ уже не орудуетъ лучемъ, а думаетъ объ его дѣйствиіи, и такимъ образомъ уже отдѣленъ собственной мыслью отъ объекта ея, отчего боль торжественно и глухо продолжалась, ибо въ ней именно было что-то длящееся, что-то отъ самой сущности времени, или вѣрнѣе, оно было связано со временемъ, какъ жужжаніе осенней мухи, или трескъ будильника, который Генріетта нѣкогда не могла ни найти, ни остановить въ кромѣшной темнотѣ его студенческой комнаты. Поэтому Германъ, размышляя о предметахъ, которые въ иныя минуты — »

«Однако», — подумалъ Кречмаръ, и вниманіе его стало блуждать. Голосъ Зегелькранца былъ очень равномеренъ и слегка глуховатъ. Наростали и проходили длинныя предложенія. Насколько Кречмаръ могъ понять, Германъ шелъ по бульвару къ зубному врачу. Бульваръ былъ безконечный. Дѣло происходило въ Ниццѣ. Наконецъ, Германъ пришелъ, и тутъ повѣствованіе немного оживилось, Креч-

марь впрочемъ чувствовалъ, что врачъ будетъ правъ, если Герману сдѣлаетъ больно.

«Въ пріемной, гдѣ Германъ сѣлъ у плетенаго столика, на которомъ лежали, свѣсивъ холодные плавники, мертвые, бѣлобрюхіе журналы, и гдѣ на каминѣ стояли золотые часы подѣ стекляннѣмъ колпакомъ, въ которомъ изогнутѣмъ прямоугольникомъ отражалось окно, за которымъ было сейчасъ душное солнце, блескъ Средиземнаго моря, шаги, шуршащіе по гравію, — ждало уже шестеро людей. У окна, на плюшевомъ стулѣ, распространялась огромная женщина въ усахъ съ могучимъ бюстомъ, заставляющимъ думать о кормилицахъ великановъ, исполинскихъ младенцевъ, уже зубатыхъ, быть можетъ уже страдающихъ, какъ сейчасъ страдалъ Германъ. Рядомъ съ этой женщиной сидѣлъ, болтая ногами, мальчикъ, неожиданно щуплый и вовсе не рыжій, — онъ повторялъ плачущимъ голосомъ: «Дай мнѣ апельсинъ, кусочекъ апельсина», — и было чудовищно представить себѣ кислое, ледяное тѣло апельсина, попадающее на больной зубъ. Поодаль двое смуглыхъ молодыхъ людей въ яркихъ носкахъ разговаривали о своихъ дѣлахъ, у одного щека была повязана чернымъ платкомъ. Но больше всего заинтересовали Германа мужчина и дѣвушка, которые вскорѣ послѣ него явились, какъ бы проходя по темной почвѣ его зубной боли, и сѣли въ углу, на зеленый, коротко-остриженный диванчикъ. Мужчина былъ худой, но плечистый, въ отличномъ костюмѣ изъ клѣтчатои шерстяной матеріи, съ лицомъ, бритѣмъ, бровастѣмъ, нѣсколько обезьяньяго склада, съ большими, заостренными ушами и плотояднымъ ртомъ. Та, которую онъ сопровождалъ, молоденькая дѣвица въ бѣломъ джемперѣ съ от-

крытыми до подмышекъ руками, вдоль которыхъ шла пушистая тѣнь загара, не задѣвшаго впрочемъ нѣжной выемки внутри сгиба, гдѣ сквозь свѣтлую кожу виднѣлись бирюзовые вены, сидѣла, сдвинувъ колѣни, и было что-то дѣтское въ томъ, что бѣлая плиссированная юбка не доходитъ до колѣнъ которыя хрупкой своею круглотой и тѣснымъ тѣлеснымъ переливомъ шелка крайне мучительно привлекали взглядъ. Вотъ она повернулась въ профиль, — щека была съ ямочкой, и словно приклеенный къ виску каштановый серпъ волосъ мѣтилъ загнутымъ остриемъ въ уголокъ продолговатаго глаза. Судя по красочности ея лица и еще потому, что каждое ея движеніе волновало воздухъ горячимъ дунуеніемъ крѣпкихъ духовъ, Германъ заключилъ, что она испанка, и въ то же время съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и даже ужасомъ невольно думалъ о томъ, что ея мягкій и яркій ротъ можетъ какъ пасть разинуться, безропотно принимая въ себя уже мутящееся зеркальце дантиста. Она вдругъ заговорила, и нѣмецкая рѣчь въ ея устахъ показала сперва неожиданной, но почти тотчасъ Германъ вспомнилъ танцовщицу, уроженку берлинскаго сѣвера, красивую и вульгарную дѣвченку, съ которой у него была недолгая связь лѣтъ десять тому назадъ. И несмотря на то, что эти двое были по всей вѣроятности изъ доброй бюргерской семьи, Германъ почему-то почувствовалъ въ нихъ что-то отъ мюзикъ-холя или бара, смутную атмосферу сомнительныхъ разсвѣтовъ и прибыльныхъ ночей. Но, конечно, самое забавное было то, что имъ въ голову не приходило, что Германъ, сидящій отъ нихъ въ трехъ шагахъ, и перелистывающій старый *Illustration*, со смирениемъ и жадностью ловца человѣческихъ душъ

вбираетъ каждое ихъ слово, а въ этихъ словахъ была интонація страстной влюбленности, глухое и напряженное рокотаніе, которое невозможно было сдержать или скрыть, какъ у иной пѣвицы, со знаменитымъ на весь міръ контральто, въ голосѣ проскальзываютъ даже тогда, когда она говоритъ по телефону съ модисткой, — драгоцѣнныя, смуглыя ноты, и, вслушиваясь въ ихъ разговоръ, Германъ старался понять, кто они — молодые или бѣглецы-любовники, и никакъ не могъ рѣшить. Она говорила о томъ, какъ было упоительно, когда онъ недавно несъ ее на рукахъ по крутой тропинкѣ, и о томъ, какъ трудно дожить до вечера, когда она пройдетъ къ нему въ номеръ, и тутъ слѣдовало что-то очень повидимому забавное, смыслъ коего Германъ понять однако не могъ, — что-то, связанное съ ванной и бѣгущей водой и грозящей, но легко устранимой опасностью. Германъ слушалъ сквозь органную музыку зубной боли этотъ банальный любовный лепетъ и думалъ о томъ, что имъ не узнать никогда, какъ точно запечатлѣлъ ихъ слова непримѣтный господинъ съ флюсомъ, листающій журналъ. Вдругъ открылась дверь, изъ нея быстро вышелъ выпущенный изъ ада пациентъ, а на порогѣ всталъ, оглядывая собравшихся, и медленно намѣчая пригласительный жестъ, высокій страшно худой врачъ съ темными кругами у глазъ, — сущій мemento мори. Германъ ринулся къ нему, хотя зналъ, что суется не въ очередь, и несмотря на курики, покрики, мemento, раздавшіеся въ пріемной, проникъ въ кабинетъ, гдѣ противъ окна стояло воскресное, и котораго, которые на блескъ инструментовъ, почти на зубовые, любовные постучу-постуча изъ-за жужжащаго которые передъ которыми малиновое нѣ-

бо, большое, энное и прежде того то же что и то, и внизу, и на зу, и тараболь, это было йственным — — ».

Онъ еще читалъ долго, но уже читалъ зря, — скрежетъ и шумъ, шумъ удаляется, молчаніе, молчаніе, онъ кончилъ.

«Ну, какъ тебѣ нравится, Бруно?» — сказалъ онъ, отцѣпляя очки.

Кречмаръ лежалъ на спинѣ съ закрытыми глазами. Зегелькранцъ мелькомъ подумалъ: «Неужели я его усыпилъ?» — но въ это мгновеніе Кречмаръ приподнялся.

«Что съ тобой, Бруно? Тебѣ плохо?»

«Нѣтъ, — отвѣтилъ Кречмаръ шопотомъ. — Это сейчасъ пройдетъ».

«Выпей воды, — сказалъ Зегелькранцъ. — Она очень вкусная».

«Ты съ натуры?» — невнятно спросилъ Кречмаръ.

«Что ты говоришь?»

«Ты съ натуры писалъ?»

«Ахъ, это довольно сложно. Видишь-ли, дантиста я взялъ, у котораго былъ давнымъ-давно. Но онъ былъ не дантистъ, а мозольный операторъ. Но вотъ, напримѣръ, въ приѣмную я цѣликомъ помѣстилъ группу людей, которыхъ специально для этого изучилъ, ѣдучи въ поѣздѣ. Да, я съ ними ѣхалъ недавно въ одномъ купэ и оттуда преспокойно пересадилъ ихъ въ рассказъ, — при чемъ замѣтъ, — съ абсолютной точностью, — точность важнѣе всего».

«Когда это было, — купэ?»

«Что ты говоришь?»

«Когда это было, — что ты ѳхалъ?»

«Не помню, на-дняхъ, кажется, когда мы съ тобой встрѣтились, — я тутъ часто разѳзжаю. Эти двое чортъ знаетъ какъ миловали другъ друга, — удивительно, что, когда иностранцы — »

Онъ вдругъ запнулся и, какъ это съ нимъ не разъ бывало, почувствовалъ, что происходитъ какое-то чудовищное недоразумѣніе, и онъ такъ покраснѣлъ, что все затуманилось.

«Ты ихъ знаешь? — пробормоталъ онъ. — Бруно, стой, куда ты...»

Онъ побѣжалъ за Кречмаромъ и хотѣлъ ему заглянуть въ лицо. «Отстань, отстань», — шопотомъ сказалъ Кречмаръ. Зегелькранцъ отсталъ. Кречмаръ завернулъ по тропинкѣ, его скрыли кусты.

XXVII.

Онъ спустился въ городъ; не ускоряя шага, пересѣкъ платановую аллею и вошелъ черезъ холъ въ гостиницу. Поднимаясь по лѣстницѣ, онъ встрѣтилъ знакомую старуху-англичанку, она улыбнулась ему. «Здравствуйте», — шопотомъ сказалъ Кречмаръ и прошелъ. Онъ прошагалъ по длинному коридору и вошелъ въ номеръ. Въ комнатѣ никого не было. На коврики у постели было пролито кофе, блестя упавшая ложечка. Онъ исподлобья посмотрѣлъ на дверь въ ванную. Въ это мгновеніе раздался изъ сада звонкій смѣхъ Магды. Кречмаръ высунулся въ окно. Она шла рядомъ съ американцемъ теннисистомъ, помахивая золотой отъ солнца ракетой. Американецъ увидѣлъ Кречма-

ра въ окнѣ третьяго этажа. Магда обернулась и посмотрѣла вверхъ. Кречмаръ, беззвучно двигая губами, сдѣлалъ движеніе рукой, словно что-то медленно сгребалъ въ охапку. Магда кивнула и побѣжала въ домъ. Кречмаръ тотчасъ отошелъ отъ окна и, присѣвъ на корточки, отперъ чемоданъ, поднялъ крышку, но вспомнивъ, что искомое не тамъ, пошелъ къ шкапу и сунулъ руку въ карманъ автомобильнаго пальто. Онъ провѣрилъ, вдвинута ли обойма. Затѣмъ закрылъ шкапъ и сталъ у двери. Сразу, какъ только она откроетъ дверь. (Щуплый ангелъ надежды, который тянетъ за рукавъ даже въ минуту безпросвѣтнаго отчаянія, былъ едва живъ, — на что надѣяться? Надо сразу, обдумать можно потомъ). Онъ мысленно слѣдилъ: вотъ теперь она вошла въ гостиницу со стороны сада, вотъ теперь поднимается на лифтѣ, пятнадцать секундъ лишнихъ — если по лѣстницѣ, — вотъ сейчасъ донесется стукъ каблуковъ по коридору. Но воображеніе обгоняло, опережало ее, все было тихо, надо начать сначала. Онъ держалъ браунингъ, уже поднявъ его, было чувство, словно оружіе — естественное продолженіе его руки, напряженной, жаждущей облегченія: нажать вогнутую гашетку.

Онъ едва не выстрѣлилъ прямо въ бѣлую, еще закрытую дверь въ тотъ мигъ, когда вдругъ слышался изъ коридора ея легкій резиновый шагъ, — да, конечно, она была въ теннисныхъ туфляхъ, — каблуки не при чемъ. Сейчасъ, сейчасъ... Еще другіе шаги.

«Позвольте, сударыня, мнѣ зайти за подносомъ», — сказалъ по-французски голосъ за дверью. Магда вошла вмѣстѣ съ горничной, — онъ машинально сунулъ браунингъ въ карманъ.

«Въ чемъ дѣло? Что случилось? — спросила Магда. — Зачѣмъ ты меня заставляешь бѣгать на-

верхъ?» Онъ, не отвѣчая, глядѣлъ исподлобья на то, какъ горничная ставитъ на поднось посуду, поднимаетъ ложечку съ пола. Вотъ она все взяла, уходитъ, вотъ закрылась дверь.

«Бруно, что случилось?»

Онъ опустилъ руку въ карманъ. Магда поморщилась, сѣла на стулъ, стоявшій близъ кровати, нагнулась и стала расшнуровывать бѣлую туфлю. Онъ видѣлъ ея затылокъ, загорѣлую шею. Невозможно стрѣлять, пока она снимаетъ башмачекъ. На пяткѣ было красное пятно, кровь просочилась сквозь бѣлый чулокъ. «Это ужасъ, какъ я натерла», — проговорила она и, оглянувшись на Кречмара, увидѣла тупой черный пистолетъ. «Дуракъ, — сказала она чрезвычайно спокойно. — Не играй съ этой штукой».

«Встань! Слышишь?» — какъ-то зашушукалъ Кречмаръ и схватилъ ее за кисть.

«Я не встану, — отвѣтила Магда, свободной рукой спуская съ ноги чулокъ. — И вообще отстань, — у меня страшно болить, все присохло».

Онъ потрянулъ ее такъ, что затрещалъ стулъ. Она схватилась за рѣшетку кровати и стала смѣяться.

«Пожалуйста, пожалуйста, убей, — сказала она. — Но это будетъ то же самое, какъ эта пьеса, которую мы видѣли, съ чернокожимъ, съ подушкой...»

«Ты лжешь, — зашепталъ Кречмаръ. — Ты лжешь, — все оплевано, все исковеркано... Ты и этотъ негодяй...» Онъ оскалился, верхняя губа дергалась, — заикался и не могъ попасть на слово.

«Пожалуйста, убери. Я тебѣ ничего не скажу, пока ты не уберешь. Я не знаю, что случилось, но я знаю одно, — я тебѣ вѣрна, я тебѣ вѣрна...»

«Хорошо, — проговорилъ Кречмаръ. — Да-да, дамъ тебѣ высказаться, а потомъ застрѣлю».

«Не нужно меня убивать, — увѣряю тебя, Бруно».

«Дальше, дальше, поторопись!»

(«...Если я сейчасъ очень быстро задвигаюсь, — подумала она, — то успѣю выбѣжать въ коридоръ. Онъ можетъ не успѣть попасть, сразу начну орать, и сбѣгутся люди. Но тогда все пойдетъ на смарку, все...»).

«Я не могу говорить, пока у тебя пистолетъ. Пожалуйста, спрячь его».

(«А если выбить у него изъ руки?»...)

«Нѣтъ, — сказалъ Кречмаръ. — Сперва ты мнѣ признаешься... Мнѣ донесли, я все знаю...»

«Я все знаю, — продолжалъ онъ срывающимся голосомъ, шагая по комнатѣ и ударяя краемъ ладони по мебели. — Я все знаю. Вѣдь это поразительно смѣшно: облысѣлъ и видѣлъ васъ въ вагонѣ, вы вели себя, какъ любовники. Ванная, — какъ удобно, заперлась и перешла, нѣтъ, я тебя конечно убью».

«Да, я такъ и думала, — сказала Магда. — Я знала, что ты не поймешь. Ради Бога, убери эту штуку, Бруно!»

«Что тутъ понимаешь! — крикнулъ Кречмаръ. — Что тутъ можно объяснить!»

«Во-первыхъ, Бруно, ты отлично знаешь, что онъ къ женщинамъ равнодушенъ — »

«Молчать, — заоралъ Кречмаръ. — Это съ самаго начала — пошлая ложь, шулерское изощреніе!»

(«Ну, если онъ кричитъ, все хорошо», — подумала Магда).

«Нѣтъ, это все же именно такъ, — сказала она. — Но однажды я ему въ шутку предложила: Знаете

что? Я васъ растормошу. Мы будемъ другъ другу говорить нѣжности, и вы своихъ мальчиковъ забудете. Ахъ, мы оба знали, что это все пустое. Вотъ и все, вотъ и все, Бруно!»

«Пакостное вранье. Я не вѣрю. Вы говорили о томъ, что ты къ нему перебѣгаешь въ номеръ, пока... пока льется вода. И это слышалъ писатель, человекъ, который — »

«Ахъ, мы часто такъ играли, — развязно проговорила Магда. — Правда, ничего изъ этого не выходило, но было очень смѣшно. И я не отрицаю про ванную. Я сама ему сказала, что, если мы были бы влюблены другъ въ друга, то было бы очень ловко и просто, — переходный пунктъ, — а твой писатель — дуракъ».

«Такъ ты можешь быть и жила съ нимъ въ шутку? Пакость какая, Боже мой!»

«Конечно нѣтъ. Какъ ты смѣешь? Онъ бы просто не сумѣлъ. Мы съ нимъ даже не цѣловались, — это уже противно».

«А если я спрошу его объ этомъ, — безъ тебя, конечно, безъ тебя».

«Ахъ, пожалуйста! Онъ тебѣ скажетъ то же самое. Только, знаешь, выйдетъ немножко глупо».

Въ этомъ духѣ они говорили битый часъ. Магда крѣпилась, крѣпилась, но наконецъ не выдержала, съ ней сдѣлалась истерика. Она лежала ничкомъ на постели, въ своемъ бѣломъ нарядномъ теннисномъ платьѣ, босая на одну ногу, и, постепенно успокаиваясь, плакала въ подушку. Кречмаръ сидѣлъ въ креслѣ у окна, за которымъ было солнце, веселые англійскіе голоса съ тенниса, — и перебиралъ все, что произошло, всѣ мелочи съ самаго начала знакомства съ Горномъ, и среди нихъ вспоминались

ему такія, которыя теперь освѣщены были тѣмъ же мертвеннымъ свѣтомъ, какимъ нынче катастрофически озарилась жизнь: что-то оборвалось и погибло навсегда, — и какъ бы яснооко, правдоподобно ни доказывала ему Магда, что она ему вѣрна, всегда отнынѣ будетъ ядовитый привкусъ сомнѣнія. Наконецъ онъ всталъ, подошелъ къ ней, посмотрѣлъ на ея сморщенную розовую пятку съ чернымъ квадратомъ пластыря, — когда она успѣла наклеить? — посмотрѣлъ на золотистую кожу не толстой, но крѣпкой икры и подумалъ, что можетъ убить ее, но разстаться съ нею не въ силахъ. «Хорошо, Магда, — сказалъ онъ угрюмо. — Я тебѣ вѣрю. Но только ты сейчасъ встанешь, переодѣнешься, мы уложимъ вещи и уѣдемъ отсюда. Я сейчасъ физически не могу встрѣтиться съ нимъ, — я за себя не ручаюсь, — нѣтъ, не потому, что я думаю, что ты мнѣ измѣнила съ нимъ, не потому, но — однимъ словомъ — я не могу — слишкомъ я живо успѣлъ вообразить, и то, что мнѣ читалъ Зегелькранцъ, слишкомъ тоже было выпукло. Ну, вставай...»

«Поцѣлуй меня», — тихо сказала Магда.

«Нѣтъ, не сейчасъ, я хочу поскорѣе отсюда уѣхать... я тебя чуть не убилъ въ этой комнатѣ, и навѣрное убью, если мы сейчасъ, сейчасъ же, не начнемъ собирать вещи».

«Какъ тебѣ угодно, — сказала Магда. — Только ты подумай, каково мнѣ, — конечно не важно, что я оскорблена тобой и твоимъ милымъ Розенкранцемъ. Ну, ладно, ладно, давай укладываться».

Молча и быстро, не глядя другъ на друга, они наполнили чемоданы, горничная принесла счетъ, мальчикъ пришелъ за багажомъ.

Горнъ игралъ въ покеръ на терасѣ, подъ тѣнью платана. Ему очень не везло. Только что онъ по-

пался съ такъ называемой «полной рукой» противъ «масти» и «карре». Онъ уже подумывалъ, не бросить ли и не пойти ли провѣдать на теннисъ Магду, которая прилежно отправилась учиться бэкъ-хэнду у американскаго игрока, — онъ уже серьезно подумывалъ объ этомъ, какъ вдругъ, сквозь кусты сада, на дорогѣ около гаража, увидѣлъ автомобиль Кречмара; автомобиль неуклюже взялъ поворотъ и скрылся. «Въ чемъ дѣло, въ чемъ дѣло...» — пробормоталъ Горнъ и, расплатившись (онъ проигралъ немало), пошелъ искать Магду. На теннисъ ея не оказалось. Онъ поднялся наверхъ. Дверь въ номеръ Кречмара была открыта. Пусто, валяются листы газетъ, обнаженъ красный матрацъ на двуспальной кровати.

Онъ потянулъ нижнюю губу двумя пальцами по скверной своей привычкѣ и прошелъ въ свою комнату, предполагая, что найдетъ тамъ записку. Записки никакой не было. Недоумѣвая, онъ спустился въ холъ. Молодой черноволосый французъ съ орлинымъ носомъ, нѣкій *Monsieur Martin*, не разъ танцовавшій съ Магдой, посмотрѣлъ черезъ газету на Горна и, улыбнувшись, сказалъ: «Жалко, что они уѣхали. Почему такъ внезапно? Назадъ въ Германию?» Горнъ издалъ неопредѣленно утвердительный звукъ.

XXVIII.

Есть множество людей, которые, не обладая спеціальными знаніями, умѣютъ однако и воскресить электричество, послѣ таинственнаго событія, называемаго «короткимъ замыканіемъ», и починить но-

жичкомъ механизмъ остановившихся часовъ, и нажарить, если нужно, котлетъ. Кречмаръ къ ихъ числу не принадлежалъ. Въ дѣтствѣ онъ ничего не строилъ, не мастерилъ, не склеивалъ, какъ иные ребята. Въ юности онъ ни разу не разобралъ своего велосипеда, и, когда лопалась шина, катилъ хромую, пищащую, какъ дырявая галоша, машину въ ремонтное заведеніе. На войнѣ онъ славился удивительной нерасторопностью, неумѣніемъ ничего сдѣлать собственными руками. Изучая реставрацію картинъ, паркетацію, рантуальяцію, онъ самъ боялся къ картинѣ прикоснуться. Неудивительно поэтому, что автомобилемъ, напрімѣръ, онъ управлялъ прескверно.

Медленно и не безъ труда выбравшись изъ Ружинара, онъ чуть-чуть подбавилъ ходу, благо шоссе было прямое и пустынное. О томъ, что именно происходитъ въ нѣдрахъ машины, почему вертятся колеса, — онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, — зналъ только дѣйствіе того или иного рычага.

«Куда мы, собственно, ѣдемъ?» — спросила Магда, сидѣвшая рядомъ.

Онъ пожалъ плечами, глядя впередъ, на бѣлую дорогу.

Теперь, когда они выѣхали изъ Ружинара, гдѣ улочки были полны народу, гдѣ приходилось тужить, судорожно запинаться, косолапо вилять, теперь, когда они уже свободно катили по шоссе, Кречмаръ безпорядочно и угрюмо думалъ о разныхъ вещахъ, — о томъ, что дорога постепенно идетъ въ гору, и вѣроятно сейчасъ начнутся повороты, о томъ, какъ Горнъ запутался пуговицей въ Магдиныхъ кружевахъ, о томъ, что еще никогда не было у него такъ тяжело и смутно на душѣ.

«Мнѣ все равно куда, — сказала Магда, — но я

хотѣла бы знать. И, пожалуйста, держись правой стороны, ты чортъ знаетъ, какъ ѣдешь».

Онъ рѣзко затормазилъ, только потому, что не-
вдалекѣ появился автобусъ.

«Что ты дѣлаешь, Бруно? Просто держись пра-
вѣ».

Автобусъ съ туристами прогремѣлъ мимо. Креч-
маръ отпустилъ тормазъ.

«Не все ли равно, куда? — думалъ онъ. — Куда
ни поѣзжай, отъ этой муки не избавишься. Какъ
мерзко зеленѣютъ эти холмы. Они чортъ знаетъ
какъ миловали другъ друга...»

«Я тебя ни о чемъ не буду больше спрашивать,
— сказала Магда, — только ради Бога труби пе-
редъ поворотами. У меня голова болитъ. Я хочу ку-
да-нибудь доѣхать наконецъ».

«Ты мнѣ клянешься, что ничего не было?» — хри-
пло проговорилъ Кречмаръ, и сразу почувствовалъ,
какъ слезы горячей мутой застилаютъ зрѣніе. Онъ
заморгалъ, дорога опять забѣлѣла.

«Клянусь, — сказала Магда. — Я устала клясться.
Убей меня, но больше не мучь. И знаешь, мнѣ жар-
ко, я сниму пальто».

Онъ затормазилъ; остановились.

Магда засмѣялась: «Почему для этого, собствен-
но говоря, нужно останавливаться? Ахъ, Бруно...»

Онъ помогъ ей освободиться отъ кожаного паль-
то, при чемъ съ необычайной живостью вспомнилъ,
какъ давнымъ давно, въ дрянномъ кафѣ, онъ въ
первый разъ увидѣлъ, какъ она двигаетъ лопатка-
ми и плечами, сгибаетъ прелестную шею, вылѣзая
изъ рукавовъ пальто.

Теперь у него слезы лились по щекамъ неудер-
жимо. Магда обняла его за шею и прижалась ще-
кой къ его склоненной головѣ.

Автомобиль стоялъ у самаго парапета, толстаго каменнаго парапета, за которымъ былъ обрывъ, поросшій ежевикой, и въ глубинѣ бѣжала вода; съ лѣвой же стороны поднимался скалистый склонъ, съ соснами на верхушкѣ. Палило солнце, трещали кузнечики; далеко впереди раздавался звонъ и стукъ, человѣкъ въ темныхъ очкахъ билъ камни, сидя при дорогѣ. Прокатилъ открытый, очень пыльный Рольсъ-Ройсъ, и откуда-то отвѣтило эхо на его гудокъ.

«Я тебя такъ люблю, — всхлипывая, говорилъ Кречмаръ. — Я тебя такъ, такъ люблю». Онъ судорожно мять ей руки, гладилъ ее по спинѣ, и она тихо и нѣжно посмѣивалась. Затѣмъ длительно поцѣловалъ ее въ губы.

«Дай мнѣ теперь самой управлять, — попросила Магда. — Я вѣдь научилась лучше тебя».

«Нѣтъ, я боюсь, — сказалъ онъ, улыбаясь и вытирая слезы. — И знаешь, я по правдѣ не знаю, куда мы ѣдемъ, но вѣдь это забавно, — наугадъ».

Онъ пустилъ моторъ, тронулись снова. Ему показалось, что теперь машина идетъ свободнѣе и послушнѣе, и онъ сталъ держать руль не такъ напряженно. Излучины дороги все учащались, — съ одной стороны отвѣсно поднималась скалистая стѣна, съ другой былъ парапетъ, солнце било въ глаза, стрѣлка скорости вздрагивала и поднималась.

Приближался крутой виражъ, и Кречмаръ рѣшилъ его взять особенно лихо. Наверху, высоко надъ дорогой, старуха собирала ароматныя травы и видѣла, какъ справа отъ скалы мчался къ повороту этотъ маленькій черный автомобиль, а слѣва, на неизвѣстную еще встрѣчу, двое сгорбленныхъ велосипедистовъ.

Старуха, собирающая на пригоркѣ ароматныя травы, видѣла, какъ съ разныхъ сторонъ близятся къ быстрому виражу автомобиль и двое велосипедистовъ. Изъ люльки яично-желтаго почтоваго дирижабля, плывущаго по голубому небу въ Тулонъ, летчикъ видѣлъ петлистое шоссе, овальную тѣнь диражабля, скользящую по солнечнымъ склонамъ и двѣ деревни, отстоящихъ другъ отъ друга на двадцать километровъ. Быть можетъ, поднявшись достаточно высоко, можно было бы увидѣть заразъ провансальскіе холмы и, скажемъ, Берлинъ, гдѣ тоже было жарко, — вся эта щека земли, отъ Гибралтара до Стокгольма, озарялась въ этотъ день улыбкой прекрасной погоды. Берлинъ, въ частности, успѣшно торговалъ мороженымъ; Ирма, бывало, шалѣла отъ счастья, когда уличный торговецъ близъ бѣлаго своего лотка лопаткой намазывалъ на тонкую вафлю толстый, сливочнаго оттѣнка, слой, отъ котораго сладко ныли передніе зубы, и начиналъ танцевать языкъ. Аннелиза, выйдя утромъ на балконъ, замѣтила какъ разъ такого мороженника, и странно было, что онъ — весь въ бѣломъ, а она — вся въ черномъ. Въ то утро она проснулась съ чувствомъ сильнѣйшаго безпокойства, и теперь, стоя на балконѣ, спохватилась, что впервые вышла изъ состоянія матоваго оцѣпенѣнія, къ которому за послѣднее время привыкла, но сама не могла понять, чѣмъ нынче такъ странно взволнована. Она вспомнила вчерашній день, совершенно обыкновенный, — дѣловитую поѣздку на кладбище, пчелъ, садившихся на цвѣты, которые она привезла, влажное поблескиваніе буксовой ограды, вѣтерокъ, тишину, мягкую зелень. «Такъ въ чемъ же дѣло? — спроси-

ла она себя. — Какъ это странно». Съ балкона былъ виденъ мороженникъ въ бѣломъ колпакѣ. Солнце ярко освѣщало крыши, — въ Берлинѣ, въ Парижѣ и дальше, на югѣ. Желтый дирижабль плылъ въ Тулонѣ. Старуха собирала надъ обрывомъ ароматныя травы: рассказовъ хватитъ на цѣлый годъ: «Я видѣла... Я видѣла...»

XXX.

Кречмару было неясно, когда и какъ онъ узналъ, распредѣлилъ, осмыслилъ всѣ эти свѣдѣнія: время, которое прошло отъ виража до сихъ поръ (нѣсколько недѣль), мѣсто его теперешняго пребыванія (больница въ Ментонѣ), операція, которой онъ подвергся (трепанация черепа), причина долгаго безпамятства (кровоизліяніе въ мозгу). Настала однако опредѣленная минута, когда всѣ эти свѣдѣнія оказались собраны воедино, — онъ былъ живъ, отчетливо мыслилъ, зналъ, что поблизости Магда и француженка-сидѣлка, зналъ, что послѣднее время пріятно дремалъ и что сейчасъ проснулся... а вотъ который часъ — неизвѣстно, вѣроятно раннее утро. Лобъ и глаза еще покрывала плотная повязка, мягкая наощупь; темя же уже было открыто, и странно было трогать частыя колючки отрастающихъ волосъ. Въ памяти у него, въ стеклянной памяти, глянцеви́то переливался какъ бы цвѣтной фотографическій снимокъ: загибъ бѣлой дороги, черно-зеленая скала слѣва, справа — синеватый парапеть, спереди — вылетѣвшіе навстрѣчу волосипедисты, — двѣ пыльныя обезьяны въ красно-желтыхъ фуфайкахъ; — рѣзкій поворотъ руля, автомобиль взвился

по блестящему скату щепня, и вдругъ, на одну долю мгновенія, выросъ чудовищный телеграфный столбъ, мелькнула въ глазахъ растопыренная рука Магды, и волшебный фонарь мгновенно потухъ. Дополнялось это воспоминаніе тѣмъ, что вчера или третьяго дня, или еще раньше, — когда, въ точности неизвѣстно, — рассказала ему Магда, вѣрнѣе Магдинъ голосъ, — почему только голосъ? почему онъ ее такъ давно не видѣлъ по-настоящему? да, повязка, скоро вѣроятно можно будетъ снять... Что же Магдинъ голосъ рассказывалъ? «...если бы не столбъ, мы бы, знаешь, бухъ черезъ парапетъ въ пропасть. Было очень страшно. У меня весь бокъ въ синякахъ до сихъ поръ. Автомобиль перевернулся, — разбить вдребезги. Онъ стоилъ все-таки двадцать тысячъ марокъ. *Auto... mille, beaucoup mille marks* — (обратилась она къ сидѣлкѣ) — *vous comprenez?* Бруно, какъ по-французски двадцать тысячъ?» «Ахъ, не все ли равно... Ты жива, ты цѣла». «Велосипедисты оказались очень милыми, помогли все собрать, портпледъ, знаешь, полетѣлъ въ кусты, а ракеты такъ и пропали». Отчего неприятно? Да, этотъ ужасъ въ Ружинарѣ. Онъ съ браунингомъ въ рукѣ, она входитъ — въ теннисныхъ туфляхъ... Глупости, — все разъяснилось, все хорошо... Который часъ? Когда можно будетъ снять повязку? Когда позволятъ вставать съ постели? Слабость... Все это было, должно быть, въ газетахъ, въ нѣмецкихъ газетахъ.

Онъ повертѣлъ головой, досадуя на то, что завязаны глаза. Слуховыхъ впечатлѣній было набрано за это время сколько угодно, — а зрительныхъ никакихъ, — такъ что въ концѣ концовъ неизвѣстно, какъ выглядитъ палата, какое лицо у сидѣлки, у доктора... Который часъ? Утро? Онъ выспался, окно вѣрно открыто, ибо вотъ слышно, какъ про-

цокали неторопливо копыта, а вотъ — шумъ воды, звонъ ведра, — тамъ, должно быть, дворъ, фонтанъ, утренняя свѣжая тѣнь платановъ. Онъ полежалъ нѣкоторое время неподвижно, стараясь обращать невнятные звуки въ соответствующіе цвѣта и очертанія, и вскорѣ услышалъ звуки другіе, — голоса Магды и сидѣлки въ сосѣдней вѣроятно комнатѣ. Сидѣлка учила Магду правильно произносить: «*Soucoupe. Soucoupe*», — повторила Магда нѣсколько разъ и засмѣялась.

Неувѣренно улыбаясь, чувствуя, что онъ дѣлаетъ что-то противозаконное, Кречмаръ осторожно освободилъ и поднялъ на брови повязку, оказалось, однако, что въ комнатѣ густая, бархатная темнота, — не видать даже, гдѣ окно, нѣтъ ни малѣйшей щелки свѣта. Значитъ, все-таки ночь, и притомъ безлунная, черная. Вотъ какъ обманываютъ звуки.

Весело звякнуло по сосѣдству блюдце. «*Café thé non. Moi pas — thé*».

Кречмаръ нащупалъ рядомъ столикъ, наткнулся на лампочку. Онъ щелкнулъ, — разъ, еще разъ, — но темнота не сдвинулась съ мѣста: штепсель вѣроятно не былъ вставленъ. Тогда онъ поискалъ пальцами, нѣтъ ли спичекъ, — и дѣйствительно нашелъ коробокъ. Въ немъ была всего одна спичка, онъ чиркнулъ ею, раздался звукъ, похожій на вспышку, но огонька не появилось. Онъ ее отбросилъ и почувалъ вдругъ легкій запахъ горѣлаго.

Странное явленіе...

«Магда, — позвалъ онъ громко, — Магда!»

Звукъ шаговъ и отворяющейся двери. Но ничто не измѣнилось, — за дверью было тоже темно.

«Зажги свѣтъ, — сказалъ онъ. — Пожалуйста, свѣта».

«Не смѣй трогать повязку, Бруно! — крикнулъ голосъ Магды, стремительно и увѣренно приближаясь въ безпросвѣтномъ мракѣ. — Вѣдь докторъ сказалъ... ахъ, Господи!»

«Какъ, какъ ты меня видишь? — спросилъ онъ, заикаясь. — Я не... Моментально зажги свѣтъ. Слышишь? Моментально!»

«Тише, тише, не волнуйтесь», — заговорилъ по-французски голосъ сидѣлки.

Эти звуки, эти шаги, эти голоса двигались какъ бы въ другой плоскости. Онъ былъ самъ по себѣ, и они — сами по себѣ. И между ними и той темнотой, въ которой онъ пребывалъ, существовала какая-то плотная преграда. Онъ напрягался, паялся, теръ вѣки, вертѣлъ головой такъ и сякъ, рвался куда-то, но не было никакой возможности проткнуть эту цѣльную темноту, являвшуюся какъ бы частью его самого.

«Не можетъ быть, — съ силой сказалъ Кречмаръ. — Я сойду съ ума. Открой окно, сдѣлай что-нибудь...»

«Окно открыто», — отвѣтила она тихо.

«Можетъ быть, солнца нѣтъ... Магда, можетъ быть, когда будетъ солнце, я хоть что-нибудь увижу... Хотя бы мерцаніе... Можетъ быть, очки — »

«Лежи спокойно, Бруно. Дѣло не въ солнцѣ. Тутъ свѣтло, чудное утро. Бруно, ты мнѣ дѣлаешь больно».

«Я... Я...» — судорожно набирая воздухъ, началъ Кречмаръ, и, набравъ воздуху, сталъ равномерно кричать.

Сознаніе полной слѣпоты едва не довело Кречмара до помѣшательства. Раны и ссадины зажили, волосы отросли, но адовое ощущеніе плотной, черной преграды оставалось неизмѣннымъ. Послѣ припадковъ смертельнаго ужаса, послѣ криковъ и метаній, послѣ тщетныхъ попытокъ сдернуть, сорвать что-то съ глазъ, онъ впадалъ въ полуобморочное состояніе, а потомъ снова начинало наростать что-то паническое, нестерпимое, сравнимое только съ легендарнымъ смятеніемъ человѣка, проснувшагося въ могилѣ.

Мало-по малу однако эти припадки стали рѣже, онъ часами молчалъ, неподвижно лежа на спинѣ и слушая звуки провансальскаго дня, но вдругъ онъ вспоминалъ утро въ Ружинарѣ, съ котораго все, собственно говоря, и началось, и тогда принимался стонать, вспоминая уже другое, — небо, зеленые холмы, на которые онъ такъ мало, такъ мало смотрѣлъ, и опять поднималась волна могильнаго ужаса.

Еще въ ментонскомъ госпиталѣ Магда прочла ему вслухъ письмо отъ Горна изъ Парижа, такого содержанія:

«Я не знаю, Кречмаръ, чѣмъ я былъ больше ужаленъ, — тѣмъ ли оскорбленіемъ, которое Вы мнѣ нанесли Вашимъ внезапнымъ, безпричиннымъ и крайне неучтивымъ отъѣздомъ, или бѣдой, приключившейся съ Вами. Несмотря на обиду, которая не позволяетъ мнѣ даже навѣстить Васъ, я, повѣрьте, всей душою скорблю о Васъ, особенно, когда вспоминаю Вашу любовь къ живописи, къ роскошнымъ краскамъ и утонченнымъ оттѣнкамъ, ко всему тому, что дѣлаетъ зрѣніе

божественнымъ подаркомъ свыше. Есть люди (Вы и я принадлежимъ къ ихъ числу), которые живутъ именно глазами, зрѣніемъ, — всѣ остальные чувства только послушная свита этого короля чувствъ.

Сегодня я изъ Парижа уѣзжаю въ Англію, а оттуда — въ Нью-Йоркъ и врядъ ли скоро увидаю опять родную страну. Передайте мой дружескій привѣтъ Вашей спутницѣ, отъ капризнаго нрава которой — кто знаетъ? — быть можетъ зависѣла Ваша, Кречмаръ, измѣна мнѣ, — да, ибо нравъ ея лишь по отношенію къ Вамъ отличается постоянствомъ, зато въ натурѣ у нея есть свойство, — очень, впрочемъ, обыкновенное у женщинъ, — невольно требовать поклоненія и невольно проникаться чувствомъ смутной непріязни къ мужчинѣ, равнодушному къ женскимъ чарамъ, — даже если этотъ мужчина простосердечностью своей, уродливой наружностью и любовными вкусами смѣшонъ и противенъ ей. Повѣрьте, Кречмаръ, что, если бы Вы, пожелавъ отдѣлаться отъ моего присутствія, надобѣваго Вамъ обоимъ, сказали мнѣ это безъ обвиняковъ, я только оцѣнилъ бы Вашу прямоту, и тогда прекрасное воспоминаніе нашихъ бесѣдъ о живописи, о прозрачныхъ краскахъ великихъ мастеровъ, не было бы такъ печально омрачено тѣнью Вашего предательскаго бѣгства.»

«Да, это — письмо гомосексуалиста, — сказалъ Кречмаръ. — Все равно, я радъ, что онъ отбылъ. Можетъ быть, Богъ меня наказалъ, Магда, за то, что я тебя заподозрилъ, но горе тебѣ, если — »

«Если что, Бруно? Пожалуйста, пожалуйста, договаривай».

«Нѣтъ, ничего. Я вѣрю тебѣ. Ахъ, я вѣрю тебѣ».

Онъ помолчалъ и вдругъ сталъ издавать тотъ глухой звукъ, полустонъ, полумычаніе, которымъ у него всегда начинался приступъ ужаса передъ стѣнной темноты.

«Прозрачныя краски, — повторилъ онъ нѣсколько разъ нутрянымъ, дрожащимъ голосомъ. — Да, да, прозрачныя краски!»

Когда онъ успокоился, Магда сказала, что пойдетъ обѣдать, поцѣловала его въ щеку и быстро засѣменила по тѣневой сторонѣ улицы. Она вошла въ маленькій прохладный ресторанъ и сѣла за мраморный столикъ въ глубинѣ. За сосѣднимъ столикомъ сидѣлъ Горнъ и пилъ бѣлое вино. «Пересядь ко мнѣ, — сказалъ онъ. — Какая ты стала трусиха!»

«Замѣтятъ и донесутъ», — отвѣтила она опасливо, но все же пересѣла къ нему.

«Пустяки. Кому какое дѣло? Ну, что онъ сказалъ на письмо? Правда, составлено великолѣпно?»

«Да, все хорошо. Въ среду мы ѣдемъ въ Цюрихъ къ специалисту. Ты возьми, пожалуйста, три спальныхъ мѣста. Только себѣ ты возьми въ другомъ вагонѣ, — какъ-никакъ безопаснѣе».

«Даромъ не дадутъ», — лѣнливо процѣдилъ Горнъ.

«Бѣдный мой», — нѣжно усмѣхнулась Магда. И вынула пачку денегъ изъ своей сумочки.

XXXII.

Хотя Кречмаръ уже нѣсколько разъ (глубокой ночью, полной дневныхъ звуковъ) выходилъ на прогулку въ небольшой садъ госпиталя, къ путешествію въ Цюрихъ онъ оказался мало подготов-

леннымъ. На вокзалѣ у него закружилась голова, — и ничего нѣтъ страннѣе и безвыходнѣе, чѣмъ когда у слѣпого головокруженіе, — онъ шалѣлъ отъ множества звуковъ вокругъ него, шаговъ, голосовъ, стуковъ, отъ боязни наткнуться на что-нибудь, даромъ что вела его Магда. Въ поѣздѣ его поташнивало оттого, что онъ никакъ не могъ мысленно отождествить вагонную тряску съ поступательнымъ движеніемъ экспресса, — какъ бы онъ мучительно ни напрягалъ воображеніе, стараясь представить себѣ пробѣгающій ландшафтъ. Еще было хуже, когда оказались въ Цюрихѣ, и приходилось куда-то двигаться среди невидимыхъ людей и несуществующихъ, но постоянно чуемыхъ имъ перекадинъ, перегородокъ, выпирающихъ угловъ. «Не бойся, не бойся», — говорила Магда съ раздраженіемъ, — «я тебя веду. Вотъ теперь стопъ. Сейчасъ сядемъ въ автомобиль. Да чего ты боишься, въ самомъ дѣлѣ, — прямо, какъ маленькій».

Профессоръ, знаменитый окулистъ, долго, при помощи особаго зеркальца, осматривалъ дно его глаза, и, судя по жирному и маленькому его голосу, Кречмаръ представилъ его себѣ карапузистымъ старичкомъ, хотя въ дѣйствительности профессоръ былъ очень худъ и моложавъ. Онъ повторилъ то, что Кречмаръ отчасти уже зналъ, — что вслѣдствіе кровоизліянія произошло сдавленіе глазныхъ нервовъ какъ разъ тамъ, гдѣ они скрещиваются въ мозгу, — быть можетъ разсосется, быть можетъ наступитъ полная атрофія и т. д., и т. д., но во всякомъ случаѣ общее состояніе Кречмара таково, что сейчасъ наиболѣе важнымъ является совершенный для него покой, слѣдуетъ пожить два-три мѣсяца уединенно и тихо, лучше всего гдѣ-нибудь въ горахъ, а затѣмъ, сказалъ профессоръ, затѣмъ — будетъ видно...

«Будетъ видно?» — повторилъ за нимъ Кречмаръ съ угрюмой усмѣшкой (какой каламбуръ).

Магда, оставивъ его одного въ номерѣ гостиницы, посѣтила нѣсколько конторъ, ей дали адреса; посовѣтовавшись съ Горномъ, она выбрала мѣсто и поѣхала, съ Горномъ же, посмотрѣть на сдаваемое тамъ шалэ. Это оказалась двухэтажная дачка, съ чистыми комнатками, ко всѣмъ дверямъ были придѣланы чашечки для святой воды. Дачка принадлежала нелюдимой ирландской четѣ, уѣхавшей на лѣто въ Норвегію, и сдавалась недешево. Горнъ оцѣнилъ ея расположеніе, — на юру, среди ельника, въ сторонѣ отъ деревни, — и, намѣтивъ для себя самую солнечную комнату въ верхнемъ этажѣ, велѣлъ Магдѣ домишко снять. Затѣмъ, въ деревнѣ, они наняли кухарку. Горнъ съ ней поговорилъ очень внушительно. Онъ сказалъ: «Высокое жалованіе, которое вамъ предлагается, объясняется тѣмъ, что вы будете служить у человѣка, страдающаго слѣпотой на почвѣ душевнаго расстройства. Я — врачъ, приставленный къ нему, — но, въ виду тяжелаго его состоянія, онъ, разумѣется, не долженъ знать, что кромѣ его племянницы, живетъ при немъ докторъ. Посему, тетушка, ежели вы, хотя бы косвенно, хотя бы нѣжнѣйшимъ шопоткомъ, хотя бы въ разговорѣ вотъ, скажемъ, съ барышней на кухнѣ, упомянете вслухъ о моемъ пребываніи въ домѣ, вы будете отвѣтственны передъ закономъ за нарушеніе образа леченія, установленнаго врачомъ, — это карается въ Швейцаріи довольно, кажется, строго. Вдобавокъ, я не совѣтую вамъ входить въ комнату къ моему пациенту или вообще вести съ нимъ какіе-либо разговоры: на него находятъ припадки бѣшенства, онъ уже одну старушку совершенно замаялъ и растопталъ, и я бы не желалъ, чтобы это повторилось. А главное, — когда будете бол-

тять на базарѣ, помните, что, если вслѣдствіе разбуженнаго вами любопытства, къ намъ стануть шляться мѣстные обыватели, мой паціентъ, при нынѣшнемъ его состояніи, можетъ разнести домъ. По-няли?»

Старуху онъ такъ запугалъ, что она едва не отказалась отъ выгоднаго мѣста и согласилась только тогда, когда Горнъ завѣрилъ ее, что слѣпого безумца она видѣть не будетъ, что онъ тихъ, если его не раздражать и находится постоянно подъ наблюденіемъ племянницы и врача.

Первымъ вѣхалъ Горнъ. Онъ перевезъ весь багажъ, опредѣлилъ, кто гдѣ будетъ жить, распорядился вынести ненужныя ломкія вещи, и, когда все было устроено, поднялся къ себѣ въ комнату и, музыкально посвистывая, сталъ прибивать кнопками къ стѣнѣ кое-какіе рисунки перомъ довольно непристойнаго свойства — эскизы къ иллюстраціямъ, заказаннымъ ему еще въ Берлинѣ художественно-порнографическимъ издательствомъ. Около пяти онъ увидѣлъ въ бинокль, какъ подѣхалъ далеко внизу наемный автомобиль, оттуда, въ ярко-красномъ джамперѣ, выскочила Магда, помогла выйти Кречмару, онъ былъ въ темныхъ очкахъ и походилъ на сову. Автомобиль попятился, рванулся опять впередъ и скрылся за поворотомъ. Магда взяла Кречмара подруку, и онъ, водя передъ собой палкой, двинулся вверхъ по тропинкѣ. На нѣкоторое время ихъ скрыла еловая хвоя, вотъ мелькнули опять, опять скрылись, и вотъ наконецъ появились на площадкѣ сада, гдѣ мрачная, но уже всей душой преданная Горну кухарка опасно вышла къ нимъ навстрѣчу и, стараясь не глядѣть на безумца, взяла изъ руки Магды несесерь.

Горнъ межъ тѣмъ, свѣсившись изъ верхняго окна, дѣлалъ Магдѣ смѣшные знаки привѣтствія, при-

жимая ладонь къ груди, — деревянно раскидываль руки и кланялся, какъ Петрушка, — все это продѣлывалось, конечно, совершенно безмолвно. Магда снизу улыбнулась ему и, подруку съ Кречмаромъ, вошла въ домъ.

«Поведи меня по всѣмъ комнатамъ и все рассказывай», — произнесъ Кречмаръ. Ему было все равно, но онъ думаль этимъ доставить ей удовольствіе, — она любила новоселье.

«Маленькая столовая, маленькая гостиная, маленькій кабинетъ», — объясняла Магда,водя его по комнатамъ нижняго этажа. Кречмаръ трогаль мебель, ощупываль предметы, старался ориентироваться.

«Окно, значитъ, тамъ», — говорилъ онъ, доверчиво показывая пальцемъ на сплошную стѣну. Онъ больно ударился ляжкой о край стола и сдѣлаль видъ, что это онъ нарочно, — забродилъ ладонями по столу, будто устанавливая его размѣръ.

Потомъ они вдвоемъ пошли вверхъ по деревянной скрипучей лѣстницѣ, и наверху, на послѣдней ступенькѣ, сидѣль Горнъ и тихо трясса отъ беззвучнаго смѣха. Магда погрозила ему пальцемъ, онъ осторожно всталъ и отступилъ на цыпочкахъ: ненужная мѣра, ибо лѣстница оглушительно стрѣляла подъ тяжелыми шагами слѣпца.

Вошли въ коридоръ; Горнъ, стоя въ глубинѣ у своей двери, показалъ на эту дверь, и Магда кивнула. Онъ нѣсколько разъ присѣль, зажимая ладонью ротъ. Магда сердито тряхнула головой, — опасныя игры, онъ на радостяхъ паясничалъ, какъ мальчишка. «Вотъ твоя спальня, а вотъ — моя», — говорила она, открывая поочередно двери. «Почему не вмѣстѣ?» — съ грустью спросилъ Кречмаръ. «Ахъ, Бруно, ты знаешь, что сказалъ про-

фессоръ...» Послѣ того, какъ они всюду побывали (кромѣ комнаты Горна), онъ захотѣлъ опять, въ обратномъ порядкѣ, уже безъ ея помощи, обойти домъ, чтобы доказать ей, какъ она ясно все объяснила, какъ онъ все ясно усвоилъ. Однако онъ сразу запутался, тыкался въ стѣны, виновато улыбался, чуть не разбилъ умывальной чашки. Ткнулся онъ и въ угловую комнату (гдѣ устроился Горнъ), входъ туда былъ только изъ коридора, но онъ уже совершенно заплуталъ и думалъ, что выходитъ изъ своей спальни. «Твоя комнатка?» — спросилъ онъ, нащупывая дверь. «Нѣтъ, нѣтъ, тутъ чуланъ, сказала Магда. — Ты, ради Бога, запомни, а то голову разобьешь. И вообще, я не знаю, хорошо ли тебѣ такъ много ходить, — ты не думай, что я позволю тебѣ всегда путешествовать такъ, — это только сегодня...»

Впрочемъ, онъ самъ чувствовалъ уже изнеможение. Магда уложила его. Когда онъ уснулъ, она перешла къ Горну. Еще не изучивъ акустики дома, они говорили шопотомъ, но могли бы говорить громко: оттуда до спальни Кречмара было достаточно далеко.

XXXIII.

Послѣ того, какъ Кречмаръ такъ поспѣшно и ужасно скрылся за поворотомъ тропинки, Зегелькранцъ со своей злосчастной черной тетрадью въ рукъ долго еще сидѣлъ на муравѣ подъ соснами и мучительно соображалъ. Кречмаръ путешествовалъ какъ разъ съ этой описанной четой, любовный лепетъ этой четы былъ для Кречмара потря-

сающимъ откровениемъ, — вотъ все, что понялъ Зегелькранцъ, и сознание, что онъ совершилъ чудовищную безтактность, поступилъ въ концѣ концовъ какъ самодовольный хамъ, заставляло его сейчасъ мычать сквозь стиснутые зубы, морщиться, встряхивать пальцами, словно онъ ошпарился. Такія гаффы непоправимы: не пойти же въ самомъ дѣлѣ къ Кречмару съ извиненіями; человѣкъ, по неловкости ранившій изъ ружья ни въ чемъ неповиннаго спутника, не говоритъ же ему «виновать».

И вотъ написанное имъ уже казалось Зегелькранцу не литературой, а грубымъ анонимнымъ письмомъ, въ которомъ подлая правда приправлена ухищреніями витіеватаго слога. Его предпосылка, что слѣдуетъ воспроизводить жизнь съ безпристрастной точностью, методъ его, который еще вчера мнилъ ему единственнымъ способомъ навсегда задержать на страницѣ мгновенный обликъ текучаго времени, — теперь казались ему чѣмъ-то до невозможности топорнымъ и безвкуснымъ. Онъ попытался утѣшить себя, что такъ грубо и гадко вышло потому, что онъ именно отступилъ отъ своихъ аккуратныхъ правилъ, чуть-чуть передернулъ, переселилъ намѣченныхъ лицъ изъ проклятаго того вагона въ пріемную дантиста, и что если бы онъ описалъ дѣйствительно пациентовъ ментонскаго зубного врача, *Monsieur Lhomme*, то въ ихъ число не попала бы эта ненужная чета. Утѣшеніе, впрочемъ, было фальшивое, литераторское, суть дѣла была важнѣе и отвратительнѣе: оказывалось, что жизнь мститъ тому, кто пытается хоть на мгновенье ее запечатлѣть, — она останавливается, вульгарнымъ жестомъ уткнувъ руки въ бока, словно говоритъ: «пожалуйста, любуйтесь, вотъ я какая, не пеняйте на меня, если это больно и противно.» «Надо же было, чтобы случилось такое сов-

паденіе», — жалобно возражалъ себѣ Зегелькранцъ, хотя уже понималъ, что совпаденія никакого особеннаго нѣтъ, и что гораздо удивительнѣе, что такая вещь не произошла съ нимъ раньше, и что, напримѣръ, не избилъ его до сихъ поръ отецъ молодой дѣвушки, за которой онъ полгода ухаживалъ, и которую затѣмъ съ изысканной подробностью вывелъ въ многословной новеллѣ.

Невозможно было встрѣтиться теперь съ Кречмаромъ, слѣдовало покинуть на время очаровательный Ружинаръ, и такъ какъ Зегелькранцъ былъ чело-вѣкъ истерическій, онъ покинулъ Ружинаръ въ тотъ же день и больше мѣсяца провелъ въ долинахъ восточныхъ Пиренеевъ. Это его успокоило. Онъ уже сталъ подумывать о томъ, что дѣло можетъ быть все-таки не такъ страшно, и что пожалуй даже лестна увѣренность, съ которой Кречмаръ узналъ описанныхъ людей. Онъ вернулся въ Ружинаръ и, чувствуя наплывъ рѣдкой смѣлости — тоже истерической, — отправился прямо въ гостиницу, гдѣ онъ думалъ найти Кречмара. Тамъ, изъ случайнаго разговора со знакомымъ (это былъ все тотъ же *Monsieur Martin*, черноволосый, съ орлинымъ носомъ), онъ узналъ о бѣгствѣ Кречмара, о катастрофѣ. «*Il vivait ici avec sa poule, —* добавилъ *Martin* со знающей улыбкой. — *Une petite grue très jolie, qui le trompait avec ce pince-sans-rire, cette espèce de peintre, un Monsieur Korn ou Horn, Argentin je crois ou bien Hongrois.*»

Тогда онъ метнулся въ Ментону, но въ госпиталѣ узналъ, что Кречмара любовница увезла не то въ Швейцарію, не то въ Германію. Зегелькранцъ былъ теперь въ такомъ состояніи нервнаго ужаса, что ему казалось, онъ сойдетъ съ ума. Рукопись онъ свою разорвалъ съ такой силой, что чуть не вывихнулъ себѣ пальцевъ, по ночамъ его терзали кошма-

ры: онъ видѣлъ Кречмара съ полуоторваннымъ черепомъ, съ висящими на красныхъ ниткахъ глазами, который кланялся ему въ поясъ и слащаво и страшно приговаривалъ: «спасибо, старый другъ, спасибо.» Остаться въ Ружинарѣ было невозможно. И внезапно, съ той судорожной суетливостью, которая въ немъ замѣняла рѣшимость, Зегелькранцъ отправился въ Берлинъ.

XXXIV.

Зегелькранцъ ошибался, думая, что Кречмаръ, коли еще живъ, вспоминаетъ о немъ съ отвращеніемъ и ненавистью. Кречмаръ не вспоминалъ его вовсе, ибо запрещалъ себѣ возвращаться къ той нестерпимой минутѣ изумленія, гибели, смертельной тоски, — тамъ, на тѣнистомъ холму, у журчащаго источника... Плотный бархатный мѣшокъ, въ которомъ онъ теперь существовалъ, давалъ нѣкій строгій, даже благородный строй его мыслямъ и чувствамъ. Гладкимъ покровомъ тьмы онъ былъ отдѣленъ отъ недавней очаровательной, мучительной, ярко-красочной жизни, прервавшейся на головокружительномъ виражѣ. Питаясь воспоминаніями о ней, онъ словно перебиралъ миниатюры: Магда въ узорномъ передникѣ, приподнимающая портьеру, Магда подъ блестящимъ зонтикомъ, проходящая по малиновымъ лужамъ, Магда, стоящая голою передъ зеркаломъ и грызущая желтую булочку, Магда въ лоснящемся трико или въ переливчатомъ бальномъ платьѣ, съ загорѣлыми оранжевыми руками. Затѣмъ онъ думалъ о женѣ, и вся эта пора жизни съ Аннелизой пропитана была нѣж-

нымъ блѣднымъ свѣтомъ, и только изрѣдка въ этомъ молочномъ туманѣ что-то вспыхивало на мигъ, — бѣлокурая прядь волосъ при свѣтѣ лампы, бликъ на рамѣ картины, стеклянный шарикъ, которымъ играла дочь, — и снова — опаловый туманъ, и въ немъ — тихія, какъ бы плавательныя движенія Аннелизы. Все, даже самое грустное и стыдное въ прошлой жизни, было прикрыто обманчивой прелестью красокъ, его душа жила тогда въ перламутровыхъ шорахъ, онъ не видѣлъ тѣхъ пропастей, которыя открылись ему теперь. Да и полно, умѣлъ ли онъ до конца пользоваться даромъ острого зрѣнія. Онъ съ ужасомъ замѣчалъ теперь, что вообразивъ, скажемъ, пейзажъ, среди котораго однажды пожилъ, онъ не умѣетъ назвать ни одного растенія, кромѣ дуба и розы, ни одной птицы, кромѣ вороны и воробья. Кречмаръ теперь понималъ, что онъ въ сущности ничѣмъ не отличался отъ тѣхъ узкихъ специалистовъ, которыхъ нѣкогда такъ презиралъ, отъ рабочаго, знающаго только свою машину, отъ виртуоза, ставшаго лишь придаткомъ къ музыкальному инструменту. Специальностью Кречмара было въ концѣ концовъ живописное любопытствіе. Лучшей его находкой была Магда. А теперь отъ Магды остался только голосъ, да шелестъ, да запахъ духовъ, — она какъ бы вернулась въ ту темноту (темноту маленькаго кинематографа), изъ которой онъ ее когда-то извлекъ.

Не всегда впрочемъ Кречмаръ могъ утѣшаться нравственными разсужденіями, не всегда удавалось ему себя убѣдить, что физическая слѣпота есть въ нѣкоторомъ смыслѣ духовное прозрѣніе. Напрасно онъ обманывалъ себя тѣмъ, что нынѣ его жизнь съ Магдой счастливѣе, глубже и чище, напрасно думалъ о ея трогательной преданности. Конечно, это было трогательно, конечно, она была лучше

самой вѣрной жены, эта незримая Магда, этотъ ангельскій холодокъ, этотъ голосъ, уговаривающій его не волноваться... Но какъ только онъ ловилъ въ кромѣшной тѣмѣ мимолетную пугливую руку и старался выразить свою благодарность, въ немъ сразу просыпалась такая жажда ее узрѣть, что всякая мораль летѣла къ чорту, онъ чувствовалъ, какъ надвигается безуміе, лицо его дергалось, онъ мучительно пытался родить свѣтъ. Подъ предлогомъ, что всякое волненіе ему вредно, Магда рѣшительно запрещала ему трогать ее, но иногда ему удавалось ее схватить, и тогда онъ ощупывалъ ея голову и тѣло, стараясь увидѣть ее черезъ осязаніе и все равно не видя ничего. Горнъ, который очень любилъ сидѣть съ нимъ въ одной комнатѣ, жадно слѣдилъ за его движеніями. Магда упиралась слѣпому въ грудь, поднимала глаза къ небу, съ комической резиныяціей, или показывала Кречмару языкъ, что было особенно, конечно, смѣшно по сравненію съ выраженіемъ безысходной нѣжности на лицѣ слѣпого. Магда ловкимъ поворотомъ вырывалась и отходила къ Горну, который сидѣлъ на подоконникѣ, босой, въ бѣлыхъ штанахъ и по поясъ голый, — ему нравилось жарить спину на солнцѣ. Кречмаръ полулежалъ въ креслѣ, одѣтый въ пижаму и халатъ; его лицо обросло жесткимъ курчавымъ волосомъ, и ярко розовѣлъ на вискѣ шрамъ, — онъ походилъ на бородатаго арестанта. «Магда, вернись», — умоляюще говорилъ онъ, протягивая руку. «Тебѣ вредно, тебѣ вредно», — равнодушно отвѣчала она, поглаживая Горна по его длинной и мохнатой спинѣ. Кречмаръ не унимался, дергался, яростно протиралъ глаза. «Я хочу тебя, — говорилъ онъ. — Гораздо вреднѣе, что вотъ уже два мѣсяца мы не...» (тутъ слѣдовалъ самодѣльный, такъ сказать, глаголъ, домашній, ласкательный, изъ

ихъ любовнаго лексикона). Горнъ подмигивалъ Магдѣ. Она многозначительно улыбалась, стуча себя пальцемъ по лбу. Кречмаръ продолжалъ ее звать, словно тетеревь на току. Порою Горнъ, любившій рискъ, подходилъ босикомъ на цыпочкахъ и очень легко дотрагивался до него, — и Кречмаръ издавалъ мурлыкающій звукъ, хотѣлъ обнять мнимую Магду, но Горнъ, беззвучно отойдя, уже опять сидѣлъ на подоконникѣ и грѣлъ спину. «Мое счастье, умоляю», — задыхался Кречмаръ и вставалъ съ кресла и шелъ на нее, — Горнъ на подоконникѣ поджималъ ноги, Магда сердилась, кричала на Кречмара, кричала, что тотчасъ уѣдетъ, бросить его, если онъ не будетъ слушаться, и онъ, съ виноватой усмѣшкой, пробирался обратно къ своему креслу. «Ладно, ладно, — вздыхалъ онъ. — Почитай мнѣ что-нибудь, — газету, что-ли». Она опять поднимала глаза къ небу.

Горнъ осторожно пересаживался на диванъ, бралъ Магду къ себѣ на колѣни, она разворачивала газету и читала вслухъ, и Кречмаръ сокрушенно кивалъ, медленно поѣдая невидимыя вишни, выплевывая въ ладонь невидимыя косточки. Картина получалась чрезвычайно мирная. Горнъ смѣшилъ Магду, вытягивая и опять вбирая губы въ подражаніе ея манерѣ читать или дѣлалъ видъ, что сейчасъ уронить ее, и у нея срывался голосъ.

«Да, можетъ быть все это къ лучшему, — думалъ Кречмаръ. — Наша любовь теперь строже и тише, и одухотвореннѣе. Если она не бросаетъ меня, значитъ дѣйствительно любить. Это хорошо, это хорошо». И вдругъ ни съ того, ни съ сего онъ началъ громко рыдать, рвалъ мракъ руками, умолялъ, чтобы его повезли къ другому профессору, къ третьему, къ четвертому, только бы прозрѣть все, что угодно, операцію, пытку, прозрѣть... Горнъ,

позѣвывая, бралъ изъ вазы на столѣ пригоршню вишенъ и отправлялся въ садъ.

Въ первое время совмѣстнаго житья, онъ и Магда были очень осмотрительны, хотя и позволяли себѣ всякія невинныя шутки. Онъ ходилъ либо босикомъ, либо въ войлочныхъ туфляхъ. Передъ дверью своей комнаты, въ коридорѣ, онъ на всякій случай устроилъ баррикаду изъ ящиковъ и сундуковъ, черезъ которую Магда по ночамъ перелѣзала. Кречмаръ, впрочемъ, послѣ перваго обхода дома, пересталъ интересоваться расположеніемъ комнатъ, зато спальню свою и кабинетъ изучилъ досконально, Магда описала ему всѣ краски тамъ, — синіе обои, желтый абажуръ, — но, по наущенію Горна, нарочно всѣ цвѣта измѣнила: Горну казалось весело, что слѣпой будетъ представлять себѣ свой мірокъ въ тѣхъ краскахъ, которыя онъ, Горнъ, продиктуетъ. Въ своихъ комнатахъ у Кречмара почти было ощущеніе, что онъ видитъ мебель и предметы, и онъ чувствовалъ сохранность, безопасность. Когда же онъ изрѣдка сиживалъ въ саду, то кругомъ была невѣдомая бездна, ибо все было слишкомъ велико, воздушно и многошумно, чтобы можно было описать.

Онъ старался научиться жить слухомъ, угадывать движенія по звукамъ, и вскорѣ Горну стало затруднительно незамѣтно входить и выходить; какъ бы беззвучно ни открывалась дверь, Кречмаръ сразу поворачивался въ ту сторону и спрашивалъ: «Это ты, Магда?» А затѣмъ сердился на нерасторопность своего слуха, когда Магда отвѣчала ему изъ другого угла. Проходили дни, и чѣмъ острѣе онъ напрягалъ слухъ, тѣмъ неосторожнѣе становились Горнъ и Магда, привыкая къ невидимости своей любви. Вмѣсто того, чтобы, какъ прежде, обѣдать на кухнѣ подъ обожающимъ взглядомъ

старой Эмилиі, Горнъ преспокойно садился съ Магдой и Кречмаромъ за столъ и ѣлъ съ виртуозной беззвучностью, не прикасаясь металломъ къ фарфору и пользуясь нарочито громкимъ разговоромъ Магды, чтобы жевать и глотать. Однажды онъ перхнулся. Кречмаръ, надъ которымъ наклонялась Магда, наливая ему въ чашку кофе, вдругъ услышалъ, въ концѣ овальнаго стола, странный звукъ, — какъ будто шумное человѣческое придыханіе. Магда поспѣшно затараторила, но онъ прервалъ ее: «Что это было? Что это было?» Горнъ межъ тѣмъ взялъ свою тарелку и на цыпочкахъ удалился; однако, проходя въ полуоткрытую дверь, уронилъ вилку. «Что это такое? Кто тамъ?» — повторилъ Кречмаръ. «Ахъ, это Эмилиа. Чего ты волнуешься?» «Но вѣдь она сюда никогда не входитъ...» «А сегодня вошла». «Я думалъ, что у меня начинаются слуховыя галлюцинаціи, — сказалъ Кречмаръ виновато. — Вчера, напримѣръ, мнѣ показалось, кто-то босикомъ шлепаетъ по коридору». «Такъ можно и съ ума сойти», — сухо произнесла Магда.

Днемъ она уходила на часокъ гулять вмѣстѣ съ Горномъ. Шли на почтамтъ за газетами или поднимались къ водопаду. Какъ-то они возвращались домой, поднимались уже по крутой тропинкѣ, ведущей къ шалѣ, и Горнъ говорилъ: «Я совѣтую тебѣ не приставать къ нему съ бракомъ. Увѣряю тебя, тѣмъ самымъ, что онъ бросилъ жену, онъ причислилъ ее къ лику святыхъ и не дастъ ее въ обиду. Гораздо проще и милѣе выйдетъ, если тебѣ удастся постепенно забрать въ свои руки, хотя бы половину его капитала».

«Деньги, большія деньги», — задумчиво сказала Магда.

«Да, это должно выгорѣть, — продолжалъ Горнъ. — Съ чеками у насъ пока выходитъ отлич-

но. Онъ подписываетъ, какъ машина. Но не слѣдуетъ слишкомъ этимъ злоупотреблять. Дай Богъ, къ зимѣ можно будетъ бросить его. Передъ тѣмъ купимъ ему собаку, — маленькій знакъ вниманія».

«Тише ты, — сказала Магда. — Вотъ уже камень».

Этотъ камень, большой сѣрый камень, похожій на овцу, и поросшій съ краю выюномъ, отмѣчалъ тотъ предѣлъ, послѣ котораго опасно было громко разговаривать. Они пошли молча и черезъ нѣсколько минутъ уже подходили къ саду. Магда вдругъ засмѣялась, указывая на бѣлку. Горнъ швырнулъ въ нее палкой, но не попалъ. «Они, говорятъ, страшно портятъ деревья», — сказала Магда тихо. «Кто портитъ деревья?» — громко спросилъ голосъ Кречмара.

Онъ стоялъ среди кустовъ на каменныхъ ступенькахъ, тамъ, гдѣ тропинка переходила въ садовую площадку. «Магда, съ кѣмъ ты тамъ говоришь?» — продолжалъ онъ, и вдругъ оступился, и тяжело сѣлъ, выронивъ трость. «Какъ ты смѣешь такъ далеко заходить?» — воскликнула она и грубовато помогла ему подняться; зернышки гравія впились ему въ ладони, онъ топырилъ пальцы и отдувался. «Я старалась поймать бѣлку, — объяснила Магда. — А ты что думалъ?» «Мнѣ казалось, — началъ Кречмаръ. — Кто тутъ! — вдругъ отрывисто крикнулъ онъ, повернувшись въ сторону Горна, который осторожно шелъ по травѣ. «Никого нѣтъ, я одна, чего ты бѣсишься!» — забормотала Магда и, не выдержавъ, хлопнула Кречмара по рукѣ. «Поведи меня домой, — сказалъ онъ, чуть не плача. — Тутъ такъ шумно, деревья, вѣтеръ, бѣлки. Я не знаю, что кругомъ происходитъ... Такъ шумно».

«Я буду теперь запирать тебя», — проговорила она, раздраженно его подталкивая.

Подошелъ вечеръ, обыкновенный вечеръ. Магда и Горнъ лежали рядышкомъ на диванѣ и курили, а въ двухъ саженьяхъ отъ нихъ Кречмаръ, неподвижный, какъ сова, сидѣлъ въ кожаномъ креслѣ, уставившись на нихъ неподвижными, мутно-голубыми глазами. Магда, по его просьбѣ, рассказывала ему свое дѣтство. Онъ рано пошелъ спать, долго поднимался по лѣстницѣ, стараясь установить подошвой и тростью индивидуальность каждой ступени. Среди ночи онъ проснулся, нащупалъ на голомъ циферблатѣ дешеваго будильника стрѣлки: было половина второго. Странное безпокойство. Что-то все мѣшало ему послѣднее время сосредоточить умъ на тѣхъ важныхъ, хорошихъ мысляхъ, которыя однѣ помогали бороться съ ужасомъ слѣпоты. Онъ лежалъ и думалъ: «Въ чемъ дѣло? Аннелиза? Нѣтъ, она далеко. Она на самой глубинѣ его слѣпоты, милая, блѣдная, грустная тѣнь, которую нельзя тревожить. Магдины запреты? И это не то. Вѣдь это временно. Ему дѣйствительно вредно. Да и слѣдуетъ научиться чисто и духовно относиться къ Магдѣ. Ей тоже, бѣдненькой, вѣроятно не легко отказывать... Въ чемъ же дѣло?»

Онъ сползъ съ постели и постоялъ у двери Магды. Она запиралась на ключъ, и, такъ какъ былъ только одинъ выходъ въ коридоръ, черезъ ея комнату, то онъ былъ у себя запертъ. «Какая она у меня умница», — подумалъ онъ нѣжно и приложилъ ухо къ двери, чтобы послушать, какъ она дышитъ во снѣ, но ничего не слышалъ. «Тихая, какъ мышка, — прошепталъ онъ. — Вотъ бы ее сейчасъ погладить по головѣ и сразу уйти». Она могла забыть запереться. Безъ особой надежды онъ нажалъ. Нѣтъ, она не забыла.

Онъ вдругъ вспомнилъ какъ отрокомъ въ душную лѣтнюю ночь, въ чьей-то усадьбѣ на Рейнѣ,

онъ перелѣзъ въ комнату къ горничной (которая впрочемъ, дала ему затрещину и выгнала вонъ) по карнизу, — но тогда онъ былъ легокъ, ловокъ и зрячъ. «А почему бы не попробовать?» — подумалъ онъ съ меланхолическимъ озорствомъ. — «Ну, разобьюсь. Не все ли равно?» Онъ нашель свою трость и, высунувшись въ окно, повелъ ею по широкому карнизу, потомъ вбокъ и вверхъ, къ со-сѣднему окну. Чуть звякнуло стекло отворенной рамы. «Какъ она крѣпко спитъ, устаетъ за день, во-зится со мной». Втягивая обратно трость, онъ за-цѣпилъ за что-то, трость выскользнула и съ мяг-кимъ стукомъ упала, законъ притяженія, а въ об-щемъ можно предположить, что окно не на вто-ромъ этажѣ, а на первомъ. Держась за подокон-никъ, онъ перелѣзъ на карнизъ, нащупалъ рядомъ водосточную трубу, переступилъ черезъ ея холод-ное желѣзное колѣно и сразу ухватился за слѣдую-щій подоконникъ. «Какъ просто!» — подумалъ онъ, не безъ гордости. «Ку-ку, Магда», — тихо ска-залъ онъ, уже собираясь вползти въ открытое ок-но. Онъ поскользнулся и чуть не упалъ въ подра-зумѣваемый садъ. Сильно забилося сердце. Пере-валивъ черезъ подоконникъ, онъ толкнулъ что-то, трескъ, бухнулъ на полъ плотный предметъ, вѣро-ятно книга. Кречмаръ остановился. Капли пота ще-котали лицо, къ ладони пристало что-то липкое, — древесный клей, выступающій отъ жары, домъ — сосновый. «Магда, а, Магда?» — сказалъ онъ, улы-баясь. Тишина. Онъ нашель постель, она была дѣв-ственно прикрыта чѣмъ-то кружевнымъ.

Кречмаръ сѣлъ на постель и сталъ соображать. Если постель была бы открытая, теплая, то тогда понятно, — животикъ заболѣлъ, она сейчасъ вер-нется. «Подождемъ все-таки», — пробормоталъ онъ. Погодя онъ вышелъ въ коридоръ и прислу-

шался. Ему показалось, что гдѣ-то, очень далеко, раздается тихій ноющій звукъ, — не то скрипъ, не то шорохъ. Ему стало почему-то страшно, онъ громко крикнулъ: «Магда, гдѣ ты?» — Вопросительная тишина. Затѣмъ гдѣ-то стукнуло. «Магда, Магда!» — повторилъ онъ и двинулся по коридору. «Да-да, я здѣсь», — раздался ея спокойный голосъ. «Что случилось, Магда? Почему ты до сихъ поръ не легла?» Она столкнулась съ нимъ, — въ коридорѣ было темно, и, на мгновение коснувшись ея, онъ почувствовалъ, что она голая. «Я лежала на солнцѣ, — сказала она. — Какъ всегда по утрамъ». «Сейчасъ ночь, — выговорилъ онъ съ трудомъ. — Я не понимаю, Магда. Тутъ что то не то. Сейчасъ ночь. Я нащупалъ стрѣлки. Сейчасъ половина второго». «Глупости. Сейчасъ шесть часовъ и чудное солнце. Будильникъ твой испорченъ. Слишкомъ часто трогаешь стрѣлки. Но позволь, — какъ ты выбрался сюда?» «Магда, это правда, что утро? Это правда?» Она вдругъ подошла къ нему вплотную и обвинила, какъ встарь, его шею. «Хотя и утро, — сказала она тихо, — но, если ты хочешь, если ты хочешь, Bruno, въ видѣ большого исключенія...

Это былъ для нея трудный шагъ, но единственный правильный. Кречмаръ не успѣлъ обратить вниманіе на сырость воздуха, на то, что птицы еще не поютъ. Было только одно, — свирѣпое, восхитительное наслажденіе, послѣ котораго онъ сразу уснулъ и спалъ до полудня, — до настоящаго полудня. Когда онъ проснулся, Магда выругала его за героическій переходъ изъ окна въ окно, еще пуще разсердилась, увидя его грустную улыбку и ударила его по щекѣ.

Днемъ онъ сидѣлъ въ гостиной и вспоминалъ, какое это было счастье утромъ и гадалъ, черезъ сколько дней оно повторится. Вдругъ онъ явствен-

но услышалъ, какъ кто-то коротко откашлялся, — это не могла быть Магда, — она была въ саду. «Кто тутъ?» — спросилъ онъ. Никто не отвѣтилъ. «Опять галлюцинація», — тревожно подумалъ Кречмаръ и вдругъ понялъ, что именно такъ его тревожило ночью, — да-да, вотъ эти странные звуки, которые онъ иногда слышитъ, шорохъ, дыханіе, легкіе шаги.

«Скажи, Магда, — обратился онъ къ ней, когда она вернулась, — тутъ никого не бываетъ въ домѣ, кромѣ Эмилиі? Ты увѣрена?» «Дуракъ», — замѣтила она лаконично.

Но однажды осознанная мысль уже больше не давала ему покоя. Онъ помрачнѣлъ, сидѣлъ весь день на одномъ мѣстѣ, прислушиваясь. Горна это забавляло чрезвычайно и, несмотря на то, что Магда умоляла его быть осторожнымъ, онъ настолько мало стѣнялся, что разъ, напримѣръ, сидя въ двухъ саженьяхъ отъ Кречмара, очень искусно сталъ по-птичьи посвистывать, и Магда принуждена была Кречмару объяснить, что птичка сѣла на подоконник и поетъ. «Прогони ее», — хмуро сказалъ Кречмаръ. «Кышъ, кышъ», — произнесла Магда, прикладывая ладони къ выпученнымъ губамъ Горна.

«Знаешь что? — черезъ нѣсколько дней сказалъ Кречмаръ, — мнѣ бы хотѣлось какъ-нибудь покалякать съ этой Эмилией».

«Лишнее, — отвѣтила Магда. — Она абсолютная дура и страшно боится тебя».

Минуты двѣ Кречмаръ о чемъ-то напряженно думалъ.

«Не можетъ быть», — проговорилъ онъ тихо и раздѣльно.

«Что, Бруно, не можетъ быть?»

«Ахъ, пустые мысли, — отвѣтилъ онъ угрюмо, — пустые мысли».

«Вотъ что, Магда, — проговорилъ онъ минуту спустя, — я ужасно обрость, вели парикмахеру придти изъ деревни».

«Лишнее, — сказала Магда. — Тебѣ очень идетъ борода».

Кречмару показалось, что кто-то, не Магда, а какъ бы около Магды, гнусаво усмѣхнулся.

XXXV.

Максъ принялъ его у себя въ конторѣ. «Врядъ ли вы помните меня, — сказалъ Зегелькранцъ. — Я встрѣчалъ васъ лѣтъ восемь тому назадъ у Бруно, у Кречмара. Скажите ради Бога, онъ здѣсь? Вы что-нибудь знаете о немъ?»

«Подъ Цюрихомъ, — отвѣтилъ Максъ. — Я случайно знаю, у насъ съ нимъ общій банкъ. Совершенно ослѣпъ, — больше мнѣ ничего неизвѣстно.»

«Вотъ именно, — вскричалъ Зегелькранцъ. — Совершенно ослѣпъ. Въ нѣкоторомъ смыслѣ это случилось черезъ меня. Мы въ прежніе годы были съ нимъ такъ близки, — Боже мой, мы сиживали бывало часами въ кабачкахъ, — какъ онъ любилъ живопись, какъ пламенно! А теперь — представьте себѣ, столкнулись мы съ нимъ на маленькой станціи, я думалъ, что онъ путешествуетъ одинъ, мнѣ въ голову не пришло...»

«Простите, — сказалъ Максъ. — Я не совсѣмъ понимаю васъ. Вы что — видѣлись съ нимъ непосредственно передъ катастрофой?»

«Вотъ именно, вотъ именно. Но посудите сами, — какъ я могъ угадать, какъ я могъ думать, что онъ свою жену...»

«Если разрёшите, — перебилъ Максъ, — мы это оставимъ въ сторонѣ. Предпочитаю не говорить о томъ, какъ онъ поступилъ съ моей сестрой. Судьба конечно достаточно его наказала. Мнѣ жалко, мнѣ очень жалко его. Когда мы прочли въ газетахъ о томъ, какъ онъ расшибся, — ахъ, да что говорить. Не могу же я допустить, чтобы моя сестра теперь ~~шла~~ шла къ нему, поступала бы къ нему въ сидѣлки. Это вѣдь абсурдъ! Я не хочу, чтобы вы съ ней говорили, — это абсурдъ. Только она успокоилась немного, — сразу новый поводъ для волненія. Такъ что напрасно онъ послалъ васъ ко мнѣ, — я не желаю вступать ни въ какіе переговоры, все это кончено, крѣпко!»

«Никто меня не посылалъ! — крикнулъ Зегелькранцъ. — Почему вы такой тонъ со мной берете? Странно, право. Вы вѣдь не знаете самага главнаго. Съ ними путешествовалъ его пріятель, художникъ, фамилью въ данную минуту забылъ, — Бергъ, нѣтъ не Бергъ, — Берингъ, Герингъ...»

«Не Горнъ ли?» — мрачно спросилъ Максъ.

«Да-да, конечно Горнъ! Вы его — ?»

«... Знаменитость, — пустилъ моду на морскихъ свинокъ. Препротивный господинъ. Я его раза два видѣлъ. Но при чемъ это все?»

«Я же вижу, что вы не въ курсѣ дѣла. Поймите: выяснилось, что эта женщина и этотъ художникъ, за спиною Бруно — »

«Мерзость. Свинарникъ,» — проговорилъ Максъ.

«И вотъ, представьте себѣ: Бруно это узнаётъ. Я не стану вамъ говорить, какъ именно узнаетъ, — слишкомъ страшно, художественный доносъ, но фактъ тотъ, что онъ узнаётъ, и дальше слѣдуетъ неописанное, неопишемое, — онъ сажаетъ ее въ автомобиль и мчится сломя голову, мчится по зиг-загамъ шоссе, сто верстъ въ часъ, надъ обрывами,

и нарочно мѣтитъ въ пропасть, — самоубійство, двойное самоубійство... Но не удалось: она цѣла, онъ ослѣпъ. Вы теперь понимаете?..»

Пауза.

«Да, это для меня новость, — сказалъ наконецъ Максъ. — Это для меня новость. А что стало съ тѣмъ прохвостомъ?»

«Неизвѣстно, — но есть всѣ основанія думать, что онъ, подобно акулѣ, послѣдовалъ и дальше за ними. И вотъ, теперь вообразите: человѣкъ слѣпъ, физически слѣпъ, но этого мало, онъ знаетъ, что кругомъ измѣна, а сдѣлать ничего не можетъ. Вѣдь это пытка, застѣнокъ! Надо что-нибудь предпринять, нельзя это такъ оставить.»

«Онъ проживаетъ тамъ огромныя деньги, — задумчиво сказалъ Максъ. — Вѣроятно на какое-нибудь особенное леченіе. Или же... — да, онъ совершенно безпомощенъ. Навѣстите его, узнайте, какъ онъ живетъ, — мало ли что можетъ быть.»

«Я бы съ удовольствіемъ, — нервно сказалъ Зегелькранцъ, — но дѣло въ томъ... Мое здоровье расшатано, мнѣ страшно вредны такія вещи. Я и такъ поступилъ Богъ знаетъ какъ опрометчиво, покинувъ теплый югъ. Я не представляю себѣ встрѣчу съ Бруно, — пожалуйста, не настаивайте, чтобы я ѣхалъ. Мнѣ просто хотѣлось увѣдомить васъ. Вы — человѣкъ осмотрительный, осторожный, — умоляю, поѣзжайте вы! Я вамъ оставлю мой адресъ, вы мнѣ напишете обо всемъ... Скажите, что поѣдете.»

«Придется, — хмуро отвѣтилъ Максъ. — Я только боюсь, что можетъ быть вы, — какъ бы это сказать? — преувеличиваете немного, или точнѣе — »

«Значить, поѣдете, — радостно перебилъ Зегелькранцъ. — Ахъ, какъ чудесно. Теперь я спокоенъ.

Мнѣ этотъ разговоръ былъ очень тяжелъ, повѣрьте. Вы не знаете, что я пережилъ за послѣднее время...»

Онъ ушелъ, очень довольный. Судьбой Кречмара онъ распорядился, какъ нельзя лучше, и вообще героической поѣздкой въ Берлинъ искупилъ свою невольную вину. И кто знаетъ, — быть можетъ, — не сегодня, конечно, и не завтра, но когда-нибудь, когда-нибудь (скажемъ, черезъ мѣсяць) можно будетъ кое-что извлечь изъ всей этой исторіи, изобразить, скажемъ, вдохновеннаго, неотмірасега, писателя и его друга, тяжелаго и простоватаго человека, чтеніе на холму, близъ журчащаго источника, и такъ далѣе, и такъ длѣе. Чистыя мысли, прекрасныя мысли...

Максъ же, вернувшись домой, съ напускной веселостью предложилъ Аннелизѣ выйти пройтись, былъ теплый солнечный вечеръ, на балконахъ сидѣли мужчины въ жилетахъ, въ небѣ порой раздавалось жужжаніе аэроплана. «Мнѣ вѣроятно придется на-дняхъ уѣхать, — сказалъ Максъ. — Подѣлу». Она посмотрѣла точь-въ-точь тѣмъ же взглядомъ, какъ нѣкогда, когда онъ съ Ирмой вернулся изъ Спортъ-Паласа, и, вспомивъ это, Максъ отвелъ глаза. Они молча прошли до конца улицы. «Да, это нужно», — вдругъ произнесла Аннелиза. Максъ откашлялся. Они молча вернулись по той же сторонѣ улицы. На слѣдующій день онъ выѣхалъ въ Цюрихъ. Тамъ онъ сѣлъ въ автомобиль и черезъ часъ съ небольшимъ оказался въ деревнѣ, невдалекѣ отъ которой жилъ Кречмаръ. Онъ остановился у почтамта, и служащая — очень словоохотливая дѣвица, объяснила, какъ доѣхать до шале, и добавила, что Кречмаръ живетъ съ племянницей и докторомъ. Максъ немедленно покатилъ дальше. Онъ понималъ, что это за племянница, но

присутствіе доктора его удивило, это доказывало, что Кречмаръ окруженъ нѣкоторой заботой. «Можетъ быть я зря ѣду, — подумалъ Максъ, — можетъ быть, онъ вполне доволенъ. Нѣтъ, разъ ужъ я тутъ... Приѣду, поговорю съ этимъ докторомъ... Несчастный, безвольный человѣкъ, погибшая жизнь, кто могъ предвидѣть...»

Магда въ то утро вмѣстѣ съ Эмилией была въ деревнѣ по хозяйственнымъ дѣламъ (надо было, на примѣръ, хорошенько выругать прачку за розовые подтеки на бѣломъ джемперѣ). Автомобиль Макса она однако проглядѣла, но зато, зайдя на почтамтъ за газетами, узнала, что только что полный господинъ справлялся о Кречмарѣ и поѣхалъ къ нему.

Въ это время въ маленькой гостиной, освѣщенной солнцемъ черезъ стеклянную дверь на веранду, сидѣли другъ противъ друга Кречмаръ и Горнъ. Горнъ нарочно оставался теперь дома, такъ какъ желалъ сполна насладиться послѣдними днями этого чрезвычайно забавнаго житія. Было рѣшено черезъ недѣлю ѣхать въ Берлинъ, и уже тамъ нельзя было рассчитывать на такое увеселеніе, — слишкомъ рискованно. Горнъ сидѣлъ на складномъ стульчикѣ, совершенно голый. Отъ ежедневныхъ солнечныхъ ваннъ въ саду или на крышѣ, (гдѣ онъ, нѣжно воя, изображалъ эолову арфу), его худощавое, но сильное тѣло, съ черной шерстью въ формѣ распростертаго орла на груди, было кофейно-желтаго цвѣта. Ногти на ногахъ были грязны и зазубрены. Недавно онъ облилъ голову подъ краномъ на кухнѣ, такъ что темные его волосы лежали плоско и лоснились. Въ красныхъ выпученныхъ губахъ онъ держалъ длинный стебелекъ травы и, скрестивъ мохнатые ноги, и подперевъ подбородокъ рукой, на кисти которой горѣлъ Магдинъ браслетъ, онъ не спускалъ глазъ съ лица Кречмара, который тоже,

казалось, пристально смотреть на него. На Кречмаръ былъ широкій мышинаго цвѣта халатъ, бородастое лицо выражало мучительное напряженіе. Онъ прислушивался, — послѣднее время онъ только и дѣлалъ, что прислушивался, и Горнъ это зналъ и внимательно наблюдалъ отраженія какихъ-то ужасныхъ мыслей, пробѣгавшія по лицу слѣпого, и при этомъ испытывалъ восторгъ, ибо все это было изумительной карикатурой, высшимъ достиженіемъ карикатурнаго искусства. Затѣмъ Горнъ, желая еще обострить забаву, легонько шлепнулъ себя по колѣну, и Кречмаръ, который какъ разъ поднималъ руку къ нахмуренному своему челу, замеръ съ приподнятой рукой. Тогда, медленно поддавшись впередъ, Горнъ тронулъ это чело пушистымъ концомъ длинной былинки, которую только что сосалъ. Кречмаръ, странно и отрывисто вздохнувъ, отогналъ невидимую муху. Горнъ пощекоталъ ему губы, — снова отгоняющій жестъ. Это было весьма смѣшно. Вдругъ слѣпой рѣзко двинулся, насторожившись. Горнъ повернулъ голову и увидѣлъ черезъ стеклянную дверь краснолицаго толстяка, какъ будто знакомаго, съ автомобильными очками надъ бровями, остолбенѣвшаго отъ изумленія на каменной площадкѣ веранды.

Горнъ, глядя на него, приложилъ палецъ къ губамъ и хотѣлъ еще показать, что сейчасъ выйдетъ къ нему, но тотъ рванулъ дверь и вступилъ въ гостиную.

«Конечно я васъ знаю. Ваша фамилья Горнъ», — сказалъ Максъ, тяжело дыша и смотря въ упоръ на этого голаго человѣка, который ухмылялся и все прикладывалъ палецъ къ губамъ, нисколько не стыдась своей отвратительной наготы. Кречмаръ иежъ тѣмъ всталъ, розовая краска шрама словно

разлилась по всему его лбу, онъ сталъ вдругъ кричать, кричать совершенно безсмысленно, и только постепенно изъ этой мѣшанины грудныхъ звуковъ стали образовываться слова. «Максъ, я тутъ одинъ, — кричалъ онъ. — Максъ, скажи, что я одинъ. Горнъ въ Америкѣ, Горна здѣсь нѣтъ, я умоляю. Я вѣдь совершенно слѣпъ». «Дуракъ», — сказалъ Горнъ, махнувъ рукой, и побѣжалъ къ двери, ведущей на лѣстницу. Максъ схватилъ трость, лежавшую на полу около кресла, догналъ Горна, — Горнъ обернулся, выставивъ ладони, — и Максъ, добрейшій Максъ, который въ жизни своей не ударилъ живого существа, со всей силы треснулъ Горна палкой по головѣ около уха. Тотъ отскочилъ, продолжая однако усмѣхаться, — и вдругъ произошла замѣчательная вещь: словно Адамъ послѣ грѣхопаденія, Горнъ, стоя у стѣны и осклабясь, пятерней прикрылъ свою наготу. Максъ кинулся на него снова, но голый увильнулъ и взбѣжалъ по лѣстницѣ. Въ это мгновеніе что-то навалилось сзади на Макса. Это былъ Кречмаръ, — онъ кричалъ, онъ держалъ въ рукѣ мраморное преспапье. «Максъ, — захлебывался онъ, — Максъ! Я все понимаю, дай мнѣ, пальто, дай скорѣе пальто, оно тутъ въ шкапу!» «Желтое?» — спросилъ Максъ, борясь съ одышкой. Кречмаръ сразу нащупалъ въ карманѣ то, что ему было нужно, и пересталъ кричать.

«Я немедленно везу тебя прочь отсюда, — сказалъ Максъ. — Снимай халатъ и надѣвай пальто. Оставь это преспапье. Дай, я тебѣ помогу... Это чудовищно, что они тутъ дѣлали съ тобой. Вотъ... Бери мою шляпу, — ничего, что ты въ ночныхъ туфляхъ. Пойдемъ, пойдемъ, Бруно, у меня тамъ, внизу, автомобиль, — главное, скорѣе убраться изъ этого застѣнка!»

«Нѣтъ, — сказалъ Кречмаръ, — нѣтъ. Я сперва долженъ съ ней поговорить, — она должна подойти ко мнѣ вплотную, вплотную. Сейчасъ вернется, подождемъ ее. Я хочу, Максъ. Это продолжится одну минуту».

Но Максъ вытолкнулъ его на веранду, затѣмъ въ садъ, и, увидя оттуда внизу на дорогѣ свой автомобиль, заоралъ и замахалъ, призывая шофера. «Только чтобы она подошла ко мнѣ, — повторялъ Кречмаръ, — совсѣмъ близко. Ради Бога, скажи, Максъ. Можетъ быть, она уже здѣсь? Можетъ быть, она уже вернулась? Можетъ быть, она идетъ рядомъ?»

«Нѣтъ, Бруно, успокойся. Идемъ, пожалуйста. Никого нѣтъ, только этотъ голый смотреть изъ окна. Пойдемъ, милый, пойдемъ».

«Я пойду, — сказалъ Кречмаръ. — Но только ты скажи мнѣ, если ее увидишь, мы ее можемъ встрѣтить. Тогда не мѣшай ей, пускай она ко мнѣ приблизи, прибли, бли, приблизитблится — — »

Они стали спускаться по тропинкѣ, но черезъ нѣсколько шаговъ Кречмаръ вдругъ повалился навзничь въ глубокомъ обморокѣ, Максъ едва успѣлъ его поддержать. Подоспѣлъ запыхавшійся шоферъ. Онъ и Максъ понесли Кречмара въ автомобиль. Въ это время подъѣхала таратайка, изъ нея выскочила Магда. Она подбѣжала, крикнула что-то, но автомобиль попятился, чуть ее не задавилъ, и сразу ринулся впередъ и скрылся за поворотомъ.

Аннелиза получила телеграмму изъ Цюриха во вторникъ, а въ среду, около восьми часовъ вечера, услышала въ прихожей голосъ Макса, стукъ чемодана о косякъ, шаги, движеніе. Дверь открылась, Максъ ввелъ Кречмара. Онъ былъ чисто выбритъ, въ темно-синихъ очкахъ, на блѣдномъ лбу былъ шрамъ, незнакомый блѣдно-лиловый костюмъ казался слишкомъ просторнымъ. «Привезъ», — спокойно сказалъ Максъ, и Аннелиза заплакала, прижимая платокъ ко рту. Кречмаръ безмолвно поклонился по направленію невнятнаго плача. «Пойдемъ помыть руки», — сказалъ Максъ, медленно ведя его черезъ комнату.

Потомъ сидѣли втроемъ въ столовой, ужинали. Аннелиза все не могла привыкнуть смотрѣть на мужа. Ей казалось, что онъ все-таки чувствуетъ ея взглядъ. Печальная торжественность его движеній, манера ощупывать воздухъ доводили ее до какого-то тихаго изступленія жалости. Максъ говорилъ съ Кречмаромъ, какъ съ ребенкомъ, и дѣловито рѣзалъ ему ветчину.

Его помѣстили въ бывшую комнату Ирмы, — Аннелиза сама удивилась тому, какъ легко ей было, ради этого нечаяннаго жилья, нарушить сонъ комнатки, все въ ней измѣнить, переставить, приновить ее къ удобствамъ слѣпца.

Кречмаръ молчалъ. Правда, сначала, то-есть еще въ Цюрихѣ, проѣздомъ въ Берлинъ, онъ, не переставая, съ тяжелой, бредовой настойчивостью, упрасивалъ Макса вызвать Магду на минутное свиданіе, — онъ клялся, что эта послѣдняя встрѣча продлится не болѣе минуты; дѣйствительно, долго ли нужно, чтобы въ привычной темнотѣ нащупать и,

крѣпко схвативъ одной рукой, сразу ткнуть стволомъ браунинга въ грудь или въ бокъ и выстрѣлить — разъ, еще разъ, до семи разъ. Максъ упорно отказывался просьбу его уважить, — и тогда-то онъ замолчалъ, молча ѣхалъ до Берлина, молча прибылъ и затѣмъ промолчалъ три дня... Аннелиза такъ и не услышала его голоса, — словно бы онъ не только ослѣпъ, но и онѣмѣлъ.

Черная увѣсистая вещь, сокровищница смерти, лежала въ глубокомъ карманѣ пальто, завернутая въ шелковистое кашнэ. Запершись въ уборной вагона, онъ переѣстилъ браунингъ въ задній карманъ штановъ, а затѣмъ, когда пріѣхалъ, — въ свой чемоданъ, и ключъ отъ чемодана ночью держалъ въ кулакѣ, но къ утру, во время какой-то сложной и смутной погони, потерялъ его и, проснувшись, долго его искалъ, шарилъ въ безпросвѣтной тѣмѣ постели, и, найдя его, наконецъ, отперъ чемоданъ и снова переложилъ браунингъ въ карманъ штановъ, такъ, чтобы онъ оставался всегда, всегда при немъ.

И онъ продолжалъ молчать. Присутствіе Аннелизы въ домѣ, ея шаги, ея шопоть, (она почему-то говорила съ прислугой и съ Максомъ шопотомъ) были въ концѣ концовъ столь же условны и призрачны, какъ его воспоминаніе о ней. Да, шелестящее, слабо пахнущее одеколономъ воспоминаніе, больше ничего. Подлинная жизнь, та хитрая, увертливая, мускулистая, какъ змѣя, жизнь, жизнь, которую слѣдовало пресѣчь немедленно, находилась гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, — гдѣ? Неизвѣстно. Съ необычайной ясностью онъ представлялъ себѣ, какъ, послѣ его отъѣзда, она и Горнъ — оба гибкіе, проворные, со страшными лучистыми глазами на выкатѣ — собираютъ вещи, какъ Магда цѣлуетъ Горна, трепеща жаломъ, извиваясь среди открытыхъ

сундуковъ, какъ наконецъ они уѣзжаютъ, — но куда, куда? Милліонъ городовъ и сплошной мракъ.

Прошло три нѣмыхъ дня. На четвертый, рано утромъ, такъ случилось, что онъ остался безъ надзора: Максъ только что уѣхалъ на службу, Аннелиза, неспавшая всю ночь, еще не выходила изъ своей спальни. Кречмаръ, въ мучительной жаждѣ немедленнаго дѣйствія, пошелъ ходить по квартирѣ, ощупывая мебель и косяки. Уже нѣкоторое время звонилъ въ кабинетъ телефонъ, и это напоминало о томъ, что въ Берлинѣ есть издательства, къ которымъ тотъ, невидимый, былъ причастенъ, общіе знакомые, возможность что-нибудь узнать, — но Кречмаръ не могъ припомнить ни одного телефоннаго номера, все было гдѣ-то записано, ничего не хранилось въ головѣ. Звонъ напряженно раздувался и спадалъ опять. Кречмаръ снялъ незримую трубку и приложилъ ее къ уху. Смутно-знакомый мужской голосъ спрашивалъ господина Гогенварта, то есть Макса. «Нѣтъ дома», — отвѣтилъ Кречмаръ. «Ахъ, вотъ какъ», — замылся голосъ и вдругъ бодро сказалъ: — «Это вы, господинъ Кречмаръ?» «Да, да, а вы кто?» «Шиффермюллеръ. Я вотъ, по какому поводу. Я только что звонилъ въ контору къ господину Гогенварту, но его еще не было. Я думалъ, что успѣю застать его дома. Какъ удачно, что вы тутъ, господинъ Кречмаръ. Вѣроятно, все въ порядкѣ, но какъ-никакъ, я почелъ своимъ долгомъ... Дѣло въ томъ, что сейчасъ заѣхала сюда фрейлинъ Петерсъ за своими вещами. Я ее пустилъ въ вашу квартиру, но я не знаю... можетъ быть, какія-нибудь распоряженія...» «Все въ порядкѣ», — сказалъ Кречмаръ, съ трудомъ двигая одревенѣвшими, какъ отъ кокаина, губами. «Что вы говорите?» «Все въ порядкѣ», — повторилъ Кречмаръ. «Я не слышу, простите?» «Все въ порядкѣ»,

— повторилъ Кречмаръ чуть яснѣе и дрожа повѣсилъ трубку.

Какимъ то чудомъ ничего не задѣвъ, онъ пробрался въ переднюю, хотѣлъ было отыскать трость и шляпу, но это выходило слишкомъ долго, слишкомъ сложно. Поспѣшно поглаживая края ступеней подошвами и скользя ладонью по периламъ, неловко подгибая колѣни на площадкахъ и повторяя «въ порядкѣ, въ порядкѣ», — Кречмаръ спустился и вотъ, оказался на улицѣ. Мелкое, мокрое сразу закололо его въ лобъ. Онъ двинулся, потрагивая склизкое желѣзо палисадника и прислушиваясь, не проѣзжаетъ ли таксомоторъ. Вотъ — неторопливый и влажный шелестъ шинъ. Кречмаръ отрывисто крикнулъ. Шелестъ безстрастно удалился. «Ахъ, надо скорѣе», — пробормоталъ онъ.

«Хотите, я помогу вамъ перейти?» — предложилъ пріятный женскій голосъ у самого плеча. «Ради Бога, автомобиль», — сказалъ Кречмаръ.

Звукъ мотора, шелестъ. Кто-то помогъ ему влѣзть. Кто-то захлопнулъ дверцу. «Прямо, прямо», — тихо произнесъ Кречмаръ, — а когда уже автомобиль тронулся, онъ поддался впередъ, наткнулся пальцемъ на стекло, постучалъ, сообщилъ адресъ.

Будемъ считать повороты. Первый — это вѣроятно Моцштрассе. Слѣва заскрежеталъ и звякнулъ трамвай. Кречмаръ вдругъ повелъ рукой вокругъ себя, ощупалъ сидѣніе, переднюю стѣнку, полъ, пораженный мыслью, что быть можетъ кто-нибудь сѣлъ вмѣстѣ съ нимъ. Опять поворотъ — это должно быть Викторія-Луизе-Плацъ. Или Прагеръ-Плацъ? Сейчасъ будетъ Кайзеръ-Аллее. Остановились. Неужели пріѣхали? Не можетъ быть, просто перекрестокъ. Еще по крайней мѣрѣ пять минутъ ѣзды до — ...Но дверца открылась. «Пожалуйста»,

— сказалъ голосъ шофера. — Пятьдесятъ шестой номеръ».

Кречмаръ вышелъ на панель. Передъ нимъ въ воздухѣ, радостно приближаясь, появилось полное изданіе того голоса, который только что звучалъ въ телефонѣ. Шиффермюллеръ, швейцаръ дома, сказалъ: «Какъ неожиданно, какъ пріятно, господинъ Кречмаръ. Фрейлинъ Петерсъ у васъ наверху, она — » «Тише, тише, — пробормоталъ Кречмаръ. — Заплатите тутъ. У меня съ глазами — » Онъ наткнулся колѣномъ на что-то звонкое и какъ будто валкое, — дѣтскій велосипедъ, можетъ быть. «Да, впустите же меня въ домъ, — сказалъ онъ. — Дайте мнѣ ключъ отъ моей квартиры. Скорѣе же. Теперь введите меня въ лифтъ. Скорѣе же. Нѣтъ, нѣтъ, оставайтесь внизу. Я одинъ поднимаюсь. Я самъ нажму кнопку...»

Лифтъ мягко застоналъ, голова слегка закружилась, потомъ ударило подъ пятки, доѣхалъ.

Онъ вышелъ, шагнулъ, но, несовсѣмъ рассчитавъ направленіе, сошелъ одной ногой въ бездну, нѣтъ, не въ бездну, а просто внизъ, на слѣдующую ступеньку лѣстницы, и невольно сѣлъ. «Правѣе, гораздо правѣе», — прошепталъ онъ и, вытянувъ руку, добрался до двери. Стараясь не слишкомъ царапать и звякать, онъ нашелъ скважину, сунулъ въ нее ключъ, повернулъ, знакомая пѣсня отворяющейся двери.

Слѣва, слѣва, да, — въ небольшой угловой гостиной, — проворно шуршала бумага, затѣмъ что-то легко, легко хрустнуло, какъ будто суставы присѣдающаго на корточки человѣка. «Вы сейчасъ мнѣ будете нужны, господинъ Шиффермюллеръ, — сказалъ Магдинъ голосъ. — Вы должны будете мнѣ помочь все это — » Голосъ осѣкся. «Увидѣла», — подумалъ Кречмаръ и вынулъ изъ кармана писто-

летъ. Слѣва, въ комнатѣ, туго щелкнуло, Магда крикнула и пѣвуче продолжала: «...все это снести внизъ. Или лучше позовите — » Тутъ голосъ ея какъ бы обернулся на словѣ «позовите», и послѣдовала тишина.

Кречмаръ, держа въ правой рукѣ браунингъ, нащупалъ лѣвой косякъ открытой двери, вошелъ, захлопнулъ дверь за собой и спиной прислонился къ ней.

Тишина продолжалась. Онъ зналъ, что онъ съ Магдой одинъ въ этой комнатѣ, откуда только одинъ выходъ, — тотъ, который онъ заслонялъ. Комнату онъ словно видѣлъ воочию: слѣва — полосатый диванчикъ, у правой стѣны — столикъ, и на немъ фарфоровая балерина, въ углу у окна — шкафчикъ съ драгоценными миниатюрами, посрединѣ — другой столъ, побольше, и два полосатыхъ стула.

Выпрямивъ руку, онъ сталъ поводить браунингомъ передъ собой, стараясь вынудить какой-нибудь уяснительный звукъ. Чутьемъ, впрочемъ, онъ зналъ, что Магда гдѣ-то около горки съ миниатюрами, — оттуда шло какъ бы легчайшее ядовито-душистое тепло, и что-то дрожало тамъ, какъ дрожить воздухъ въ зной. Онъ началъ суживать дугу, по которой водилъ стволомъ, и вдругъ раздался тихій скрипъ. Выстрѣлить? Нѣтъ, еще рано. Нужно подойти ближе. Онъ ударился о столъ и остановился. Ядовитое тепло куда-то передвинулось, но звука перехода онъ не уловилъ за громомъ и трескомъ собственныхъ шаговъ. Да, теперь, оно было лѣвѣе, у самага окна. Запереть за собой дверь, тогда будетъ свободнѣе. Ключа не оказалось. Тогда онъ взялся за край стола и, отступая, потянулъ его къ двери. Опять тепло передвинулось, сузилось, умень-

шилось. Онъ заставилъ дверь и сталъ опять водить передъ собой браунингомъ и опять нашелъ во мракъ живую дрожащую точку. Тогда онъ тихо двинулся впередъ, стараясь не скрипѣть, чтобы не мѣшать слуху. Онъ наткнулся на твердое и, не опуская браунинга, изслѣдовалъ препятствіе. Небольшой сундукъ. Онъ отодвинулъ его налѣво къ дивану, и опять пошелъ по діагонали комнаты, загоняя невидимую добычу въ уголъ. Его слухъ и осязаніе были такъ обострены, что теперь онъ отлично чуялъ ее. Это былъ не звукъ дыханія, и не біеніе сердца, а нѣкое сборное впечатлѣніе, звучаніе самой ея жизни, которое сейчасъ, вотъ сейчасъ, будетъ прекращено, и тогда наступитъ покой, ясность, освобожденіе отъ тьмы... Но онъ почувствовалъ внезапно какое-то полегчаніе въ томъ углу, — повелъ пистолетомъ въ сторону, и уголъ опять наполнился теплымъ присутствіемъ. Затѣмъ оно какъ бы стало понижаться, это присутствіе, оно опускалось, опускалось, вотъ поползло, вотъ стелется по полу. Кречмаръ не выдержалъ и нажалъ собачку. Выстрѣлъ словно лягнулъ тьму, и тотчасъ послѣ этого что-то взвилось и ударило его — сразу въ голову, въ плечо и въ грудь. Онъ упалъ, запутавшись, — въ чемъ? — въ стулъ, въ летающемъ стулѣ. Падая, онъ выронилъ браунингъ, мгновенно нащупалъ его, но одновременно почувствовалъ быстрое дыханіе, холодная, проворная рука попыталась выхватить то, что онъ самъ хваталъ, Кречмаръ вцѣпился въ живое, въ шелковое, и вдругъ — невѣроятный крикъ, какъ отъ щекотки, но хуже, и сразу: звонъ въ ушахъ и нестерпимый толчокъ въ бокъ, какъ это больно, нужно посидѣть минутку совершенно смирно, посидѣть, потомъ потихоньку пойти по песку къ синей волнѣ, къ синей, нѣтъ, къ сине-красной, въ золотистыхъ прожилкахъ волнѣ, какъ хорошо ви-

дѣтъ краски, лютяся онѣ, лютяся, наполняютъ ротъ, охъ, какъ мягко, какъ душно, нельзя больше вытерпѣть, она меня убила, какіе у нея выпуклые глаза, базедова болѣзнь, надо все-таки встать, итти, я же все вижу, — что такое слѣпота? отчего я раньше не зналъ... но слишкомъ душно, булькаетъ, не надо булькать, еще разъ, еще, — перевалить, нѣтъ, не могу...

Онъ сидѣлъ на полу, опустивъ голову, и потомъ вяло наклонился впередъ и криво упалъ на бокъ.

Тишина. Дверь широко открыта въ прихожую. Столъ отодвинутъ, стулъ валяется рядомъ съ мертвымъ тѣломъ человѣка въ блѣдно-лиловомъ костюмѣ. Браунинга не видно, — онъ подъ нимъ. На столикѣ, гдѣ нѣкогда, во дни Аннелизы, бѣлѣла фарфоровая балерина (перешедшая затѣмъ въ другую комнату), лежитъ вывернутая дамская перчатка. Около полосатаго дивана стоитъ щегольской сундучокъ съ цвѣтной наклейкой: Сольфи, Отель Адриатикъ. Дверь изъ прихожей на лѣстницу тоже осталась открытой.